МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТА
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

УДК 343.63-0532(574)(043)

Жакслык Айдана Жакслыккызы

«Уголовно-правовые и криминологические проблемы профилактики развращения малолетних»

6D030100 - Юриспруденция

Диссертация на соискание
степени доктора философии
(PhD)

Отечественный научный консультант:
к.ю.н., ассоциированный профессор
Маликова Шолпан Балтабековна

Зарубежный научный консультант:
д.п.н. (PhD), профессор
Шелухин Сергей Иванович

Республика Казахстан
Алматы, 2026

Содержание

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	3
ОПРЕДЕЛЕНИЯ	4
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
1 КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА МАЛОЛЕТНИХ	21
1.1 Критерии уголовно-правовой охраны малолетних и пределы превентивной криминализации	21
1.2 Двойной охраняемый интерес и границы запрета при построении состава развращения малолетних	30
1.3 Сравнительно-правовые модели защиты детей от сексуальных посягательств в цифровой среде	40
2 УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗВРАЩЕНИЯ МАЛОЛЕТНИХ	56
2.1 Возраст как источник коллизий в конструкции состава развращения малолетних	56
2.2 Разграничение и конкуренция уголовно-правовых запретов при смежности посягательств	69
2.3 Квалификация при множественности эпизодов и соучастии с учетом цифровых форм взаимодействия	76
2.4 Квалификационная устойчивость и доказательственная достаточность при защите ребенка от вторичной виктимизации	86
3 КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМА И ПРОФИЛАКТИКА РАЗВРАЩЕНИЯ МАЛОЛЕТНИХ	92
3.1 Криминологический механизм и детерминационный комплекс развращения малолетних	92
3.2 Латентность развращения малолетних и инструментарий оценки скрытых эпизодов преступной деятельности	92
3.3 Виктимологические барьеры сообщения и криминологические требования к безопасному сопровождению ребенка	104
3.4 Многоуровневая профилактика развращения малолетних и оценка ее эффективности	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	131
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	135
ПРИЛОЖЕНИЯ	162

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие межгосударственные стандарты:

1 ГОСТ 7.32-2017. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления (с поправками).

2 ГОСТ 7.88-2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяются следующие термины с соответствующими определениями:

Малолетний - для целей настоящего исследования лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста; при анализе иных правовых норм возрастной предел уточняется с учетом соответствующего нормативного контекста.

Развращение малолетних - уголовно значимое сексуализированное воздействие на малолетнего, выражающееся в совершении развратных действий, в том числе в офлайн- или цифровой среде, и создающее угрозу нормальному нравственному, психическому и половому развитию ребенка.

Половая неприкосновенность ребенка - охраняемое уголовным законом состояние защищенности ребенка от сексуального воздействия, принуждения, эксплуатации, вовлечения в сексуализированные коммуникации и иные действия, нарушающие его нормальное развитие и безопасность.

Криминологическая профилактика развращения малолетних - система правовых, организационных, образовательных, социальных, виктимологических и информационно-технологических мер, направленных на предупреждение развращения малолетних, раннее выявление рисков, пресечение посягательств и минимизацию последствий для ребенка.

Цифровая среда - совокупность информационно-коммуникационных технологий, онлайн-платформ, социальных сетей, мессенджеров, цифровых сервисов и электронных каналов обмена данными, посредством которых могут устанавливаться контакты с ребенком, распространяться сексуализированный контент и формироваться цифровые следы преступного поведения.

Кибергруминг (онлайн-груминг) - последовательное установление доверительного или манипулятивного контакта с ребенком с использованием цифровых технологий с целью сексуализированного воздействия, склонения к интимной коммуникации, получению изображений, организации встречи либо иному вовлечению ребенка в ситуацию сексуального риска.

Латентность развращения малолетних - скрытая часть соответствующей преступной деятельности, не отраженная полностью в официальной статистике вследствие несообщения о преступлении, страха огласки, зависимости потерпевшего, недоверия к институтам защиты, недостатков выявления, регистрации или квалификации деяний.

Вторичная виктимизация ребенка - дополнительное причинение ребенку психологического, социального или процессуального вреда после совершенного посягательства, возникающее вследствие повторных травмирующих опросов, разглашения сведений, стигматизации, небезопасного взаимодействия с органами и организациями либо отсутствия надлежащего сопровождения.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

В настоящей диссертации использованы следующие обозначения и сокращения:

ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ЕРДР	Единый реестр досудебных расследований
ЕС	Европейский союз
ИИ	искусственный интеллект
ИКТ	информационно-коммуникационные технологии
ИТ / IT	информационные технологии / information technology
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
РК	Республика Казахстан
СМИ	средства массовой информации
СНГ	Содружество Независимых Государств
США	Соединенные Штаты Америки
УК РК	Уголовный кодекс Республики Казахстан
УПК РК	Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан
ЮНИСЕФ	Детский фонд Организации Объединенных Наций
CSA	Child Sexual Abuse; сексуальное насилие над детьми
CSAM	Child Sexual Abuse Material; материалы сексуального насилия над детьми
CSEM	Child Sexual Exploitation Material; материалы сексуальной эксплуатации детей
DSA	Digital Services Act; Акт Европейского союза о цифровых услугах
EDPS	European Data Protection Supervisor; Европейский инспектор по защите данных
ePrivacy	правовой режим Европейского союза в сфере приватности электронных коммуникаций
ICO	Information Commissioner’s Office; Управление комиссара по информации Великобритании
INSPIRE	международный пакет стратегий по предотвращению насилия в отношении детей
INTERPOL	International Criminal Police Organization; Международная организация уголовной полиции

ITU	International Telecommunication Union; Международный союз электросвязи
T-CY	Cybercrime Convention Committee; Комитет Конвенции о киберпреступности
TA-CSA	Technology-Assisted Child Sexual Abuse; сексуальное насилие над детьми, совершенное с применением технологий
TF-CSA	Technology-Facilitated Child Sexual Abuse; сексуальное насилие над детьми, опосредованное или облегченное технологиями
U.S.C.	United States Code; Свод законов Соединенных Штатов Америки

Введение

Актуальность темы исследования. Охрана половой неприкосновенности и нормального нравственного и психического развития детей относится к числу приоритетных задач государства, поскольку посягательства сексуализированного характера в отношении малолетних причиняют длительный вред здоровью и социализации ребенка и затрагивают основы общественной безопасности. Международные обязательства Республики Казахстан исходят из необходимости обеспечивать ребенку особую защиту и поддержку, включая защиту от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального насилия [1]. Такая установка нашла развитие и в национальном праве. В частности, она вытекает из логики приоритетов системы государственного планирования Республики Казахстан, отраженных в Концепции правовой политики до 2030 года [2], в Национальном плане развития до 2029 года [3], а также в Комплексном плане по защите детей от насилия, превенции суицида и обеспечению их прав и благополучия на 2023–2025 годы [4] и в Концепции кибербезопасности Киберщит Казахстана [5]. Также, Закон Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан» отмечает приоритет охраны прав и законных интересов ребенка и закрепляет обязанность государства создавать условия для его безопасного развития [6].

Актуальность исследования усиливается тем, что современная криминальная среда динамично трансформируется под влиянием цифровизации и массового вовлечения детей в онлайн-коммуникации. Технологическая доступность, анонимность, трансграничность контактов и недостаточность семейного и институционального контроля расширяют возможности правонарушителей и усложняют выявление ранних стадий посягательства. Глобальные аналитические обзоры фиксируют, что масштабы и сложность сексуализированной эксплуатации детей в сети растут быстрее, чем развиваются механизмы выявления и защиты, при этом особую опасность представляют формы вовлечения через переписку, видеосвязь и иные коммуникационные сервисы, включая финансовое вымогательство сексуализированных материалов и иные гибридные сценарии [7].

Для Республики Казахстан эта проблематика имеет не только общетеоретическое, но и выраженное практическое значение. Уголовное законодательство предусматривает специальный запрет развратных действий в отношении заведомо малолетних, что отражает повышенный уровень охраны данной категории потерпевших [8]. Вместе с тем цифровая среда порождает новые варианты коммуникационно-опосредованного воздействия, для которых типичные доказательственные и квалификационные подходы оказываются недостаточно устойчивыми. В результате возрастает риск неодинаковой квалификации. По сходным фабулам возникают проблемы расширительного

толкования и конкуренции со смежными составами, что затрагивает принципы законности и справедливости уголовной ответственности. Существенной проблемой остается высокая латентность сексуализированных поягательств на детей, обусловленная барьерами сообщения, страхом огласки, недоверием к институтам и недостатками раннего выявления. показательно, что прокуратура выявляет преступления, ранее укрытые от учета, что подтверждает наличие скрытого массива и необходимость его научной оценки [9]. Для того чтобы усилить защиту государство применяет меры повышенного контроля за осужденными лицами, включая ведение учетов и публикацию данных в пределах закона. Однако позволяя усиливать превентивный потенциал, такие меры одновременно требуют выверенной правовой конструкции, ясных критериев применения и оценки эффективности, чтобы не подменять профилактику декларативными инструментами и не создавать побочные риски для прав и законных интересов ребенка и общества [10].

В теоретическом и правоприменительном измерениях сохраняется комплекс нерешенных вопросов. Во-первых, требуется уточнение критериев уголовно-правовой охраны малолетних от развращения через баланс законности, справедливости и превентивной достаточности уголовной репрессии. Во-вторых, нуждаются в системном разрешении коллизии возрастных и уязвимостных презумпций, влияющие на границы состава и дифференциацию ответственности. В-третьих, цифровые формы контакта усиливают проблему разграничения и конкуренции уголовно-правовых запретов при смежности развращения с иными посягательствами, множественности эпизодов и соучастии, что требует формулирования устойчивых правил квалификации и алгоритмов выбора нормы.

Не менее значима задача выработки требований к доказательственной достаточности при использовании электронных данных и сведений коммуникаций. Практика показывает, что при недостаточной процессуальной «бережности» участие малолетнего в уголовном судопроизводстве может сопровождаться повторной травматизацией. Международные стандарты подчеркивают необходимость адаптации процедур к возрасту и потребностям ребенка и, в частности, рекомендуют избегать неоправданного повторения допроса в ходе расследования и судебного разбирательства [11].

Сравнительный анализ подтверждает, что перспективные модели противодействия посягательствам на детей развиваются в логике комплексного подхода, объединяющего уголовно-правовые запреты, специализированные процедуры и многоуровневую профилактику. В качестве ориентиров для научной калибровки запретов и профилактических практик могут использоваться международные акты и стандарты, включая Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка о продаже детей, детской проституции и детской порнографии, а также Лансаротскую конвенцию Совета Европы как эталонную

региональную модель, формирующую требования к криминализации, профилактике и межведомственному взаимодействию [12; 13].

Таким образом, актуальность диссертационного исследования обусловлена совокупностью факторов, прежде всего высокой социальной опасностью развращения малолетних. Также актуальность обусловлена усложнением форм посягательства в офлайн и цифровой среде, значительной латентностью и институциональными барьерами выявления, наличием уголовно-правовых коллизий и квалификационных трудностей, необходимостью повышения доказательственной устойчивости при одновременной защите ребенка от повторной травматизации, а также запросом на научно обоснованную многоуровневую профилактику с ясным распределением полномочий и измеримыми критериями эффективности. Это делает разработку уголовно-правовой и криминологической модели многоуровневой профилактики развращения малолетних в условиях цифровизации своевременной и перспективной как для науки уголовного права и криминологии, так и для практики правоприменения в Республике Казахстан.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правовой охраны малолетних от посягательств, связанных с развращением, включая отношения по предупреждению, выявлению, пресечению и поствиктимной защите, если деяние совершается как в офлайн-, так и в цифровой среде (через коммуникационно-опосредованные формы взаимодействия). В объект включаются отношения, возникающие при осуществлении досудебного расследования и судебного разбирательства по делам данной категории, включая обеспечение процессуальных гарантий и мер защиты ребенка, направленных на предотвращение вторичной виктимизации. Дополнительно объект охватывает межведомственные взаимодействия (образование, здравоохранение, социальные службы, правоохранительные органы) и взаимодействие с цифровыми посредниками в части выполнения требований безопасности и комплаенса цифровых посредников в целях профилактики и своевременного реагирования на риски.

Предмет исследования составляют нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан и подзаконные правовые акты, правоприменительная практика по делам указанной категории (судебные акты, разъяснения, обзоры и обобщения практики), криминологические материалы и данные (официальная статистика и отчеты уполномоченных органов, а также иные источники смешанных данных для оценки латентности), международные стандарты защиты детей (ООН) и региональные стандарты (Совет Европы) как ориентиры правовой определенности, процедурных гарантий и профилактики сексуального насилия в отношении детей, доктринальные подходы казахстанской и зарубежной

юридической науки к построению состава, конкуренции норм, доказыванию и профилактике посягательств на малолетних.

Целью исследования является разработка научно обоснованной модели совершенствования уголовно-правовой конструкции развращения малолетних, а также проектирование интегрированной многоуровневой системы профилактики и поствиктимной защиты в условиях цифровизации, обеспечивающей повышение нормативной определенности запрета, устойчивость правоприменения и снижение криминологических рисков (включая латентность и вторичную виктимизацию), с учетом приоритетов государственной правовой политики и применимых международных ориентиров защиты прав ребенка. Данная цель конкретизирована в поставленных для **решения следующих задачах исследования:**

- раскрыть социальную опасность и основные криминологические контуры развращения малолетних в офлайн- и цифровой среде, включая типовые траектории виктимизации и факторы скрытости сообщений;
- обосновать критерии предельной криминализации и параметры нормативной определенности запрета как условия допустимости уголовно-правового вмешательства и соразмерности превентивного эффекта;
- определить границы уголовно-правовой охраны при двойном охраняемом интересе и предложить подходы, исключающие «размывание» состава и подмену его смежными запретами при квалификации;
- выявить и систематизировать коллизии возрастных критериев и презумпций уязвимости в конструкции состава и предложить модель их разрешения, ограничивающую дискрецию правоприменителя;
- разработать алгоритм разграничения и конкуренции уголовно-правовых запретов при смежности посягательств, множественности эпизодов и соучастии, включая случаи коммуникационно-опосредованных форм;
- сформулировать требования к квалификационной устойчивости и минимально достаточному стандарту установления ключевых обстоятельств при использовании электронных данных и сведений коммуникаций, обеспечив минимизацию вторичной виктимизации ребенка и соблюдение процессуальных гарантий;
- построить криминологическую модель механизма и детерминации развращения малолетних, разработать инструментарий оценки латентности на смешанных данных и предложить многоуровневую систему профилактики (первичную-вторичную-третичную) с показателями эффективности, межведомственной координацией и требованиями комплаенса цифровых посредников.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы уголовно-правовой охраны детей от сексуальных посягательств и их криминологической профилактики в Казахстане представлены значительным

массивом публикаций, однако он развивается неравномерно. Уголовно-правовые аспекты противодействия развращению, совершаемому в отношении несовершеннолетних, получили отражение в трудах казахстанских ученых С.М. Рахметова, И.Ш. Борчашвили, ИИ. Рогова, М.С. Нарикбаева, А.А. Биебаевой и др. Существенный вклад в разработку обозначенной проблематики внесли и исследователи зарубежных стран СНГ, в числе которых А.А. Бимбинов, А.А. Жижиленко, В.В. Нагаев, А.В. Дыдо, В. П. Коняхин, Д.Е. Васильченко, А.П. Дьяченко, Ю.С. Пестерева, Е.И. Чекмезова, А.Н. Шагланова, А.Д. Обремченко, А.Н. Игнатова, И.П. Люблинский, Л.В. Логинова и др.

Как показало исследование, наиболее активно исследуются общие основания охраны половой свободы и половой неприкосновенности и проблемы квалификации насильственных составов, тогда как профилактика ненасильственных форм, включая развращение малолетних (ст. 124 УК РК), и влияние цифровизации на способы совершения, фиксации и выявления таких деяний описаны преимущественно фрагментарно - через отдельные прикладные сюжеты и частные квалификационные вопросы. На это указывает, в частности, сохранение «точечных» исследований именно по ст. 124 УК РК, где в качестве ключевых проблем фиксируются неопределенность признаков деяния и сложность доказывания, усиливающиеся при коммуникационно-опосредованных формах.

Ретроспективно понятийный аппарат и рамки обсуждения «развратных действий» формировались в советской доктрине преступлений против нравственности, где «растление» часто связывалось прежде всего с охраной общественной морали и публичного порядка. Эта исходная оптика объясняет устойчивость терминологического и концептуального разброса в постсоветский период (нравственный вред - вред нормальному развитию ребенка). Для казахстанской практики ранних лет независимости важным источником выступали разъяснения высшей судебной инстанции, а затем - нормативное постановление Верховного Суда (2007), однако в современной литературе подчеркивается, что оно не решает дефицит операциональных критериев именно для «развратных действий» и плохо приспособлено к новым сценариям, в том числе цифровым.

С начала 2000-х годов в Казахстане сформировался заметный корпус работ, затрагивающих уголовно-правовую охрану детей от сексуализированных посягательств и смежные вопросы предупреждения, однако этот массив остается методологически и тематически неравномерным. Наиболее разработаны общие вопросы преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и меры реагирования, тогда как собственно профилактика развращения малолетних и ее правовые «стыки» с цифровыми формами вовлечения исследованы фрагментарно. В последние пять лет наблюдается явная активизация прикладных исследований ведомственных и университетских

центров, где внимание смещается к виктимологическим барьерам сообщения, цифровым следам и рискам, а также к эффективности превентивной политики как комплексной деятельности государства и общества (например, в работах, основанных на анализе динамики 2020–2024 гг. и цифровых факторов). Вместе с тем общий дискурс пока чаще описывает «проблемное поле», чем предлагает согласованную модель профилактики развращения малолетних как явления на стыке уголовного права, криминологии, виктимологии и цифровой среды.

В национальной доктрине доминирует уголовно-правовой кластер, в котором основное внимание уделяется объекту охраны, общим признакам составов и вопросам дифференциации ответственности. Характерно, что даже в диссертационных исследованиях, включающих профилактический раздел, теоретико-понятийная часть преимущественно строится вокруг категории половой неприкосновенности как самостоятельного объекта уголовно-правовой защиты, а профилактика описывается через перечень субъектов и общие детерминанты преступности в работе А.А. Иманмусаева «Уголовно-правовые меры по противодействию преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних» (Косшы, 2020) [14].

Более сфокусированное обращение именно к составу развращения малолетних как к самостоятельной уголовно-правовой конструкции демонстрирует работа Г.Т. Шекеновой «Уголовно-правовые меры противодействия развращению малолетних» (Косшы, 2025) [15], где отдельно анализируются признаки состава и разграничение со смежными посягательствами. Ограниченность этого кластера проявляется в том, что профилактика чаще понимается как «приложение» к уголовно-правовой охране и недостаточно связывается с механизмами латентности, цифровыми траекториями виктимизации и стандартами безопасного сопровождения ребенка.

Второй устойчивый кластер - исследования квалификационных трудностей и границ состава, прежде всего в части возрастных критериев, «конкурирующих» составов и пробелов официального толкования. На уровне сравнительного анализа судебных правовых позиций и общей логики возрастной дифференциации существенный материал дают работы, в которых сопоставляются подходы Казахстана и России и фиксируются проблемные зоны. Например, статья А.А. Биебаевой, А.М. Калгужиновой и В.А. Шуняевой «Понуждение к действиям сексуального характера: правовые позиции Верховного суда Российской Федерации и Республики Казахстан» (2019) с обсуждением системной дифференциации составов по возрасту потерпевшего и места ст. 124 УК РК в этой системе [16]. Практико-ориентированная уголовно-правовая аргументация о необходимости официальных разъяснений по возрастным «нижним пределам» и о значении нормативных постановлений Верховного суда видна и в статье А.К. Абишевой [17].

Однако типичный предел таких работ - фокус на статической квалификации без развернутого объяснения того, как именно профилактика должна снижать вероятность перехода от «предконтактных» действий (в том числе в сети) к завершенным посягательствам и как стандартизировать реагирование так, чтобы минимизировать вторичную виктимизацию.

Отдельную роль в развитии темы сыграли комментарии и учебно-методические издания, обеспечившие унификацию терминологии и «ввод» проблематики в правоприменительное обучение. С одной стороны, это постатейные комментарии к УК РК, переиздаваемые и обновляемые, включая комментарий И.Ш. Борчашвили к Особенной части (т. 2, Алматы: Жеті жарғы, 2021) [18], а также более ранние издания комментариев под общей редакцией И.Ш. Борчашвили (Алматы: Жеті жарғы, 2007), [19]. Однако даже при высокой практической значимости такие материалы обычно не формируют самостоятельной криминологической модели профилактики развращения малолетних (включая цифровые риски) и не заменяют исследовательской проработки критериев «раннего выявления» и оценки латентности.

Диссертационные и прикладные исследования последних лет расширили поле за счет более «технологичных» сюжетов, связанных с цифровыми коммуникациями, доказуемостью и тактикой расследования. Наиболее показательным здесь является проект У.Ғ. Амановой «Кибергрумминг» қылмыстарын тергеп-тексерудің теориялық және практикалық проблемалары» (Косшы, 2025) [20], где прямо фиксируется отсутствие специальной уголовно-правовой конструкции кибергруминга в национальном законодательстве, анализируются особенности цифровых доказательств и предлагаются алгоритмы адаптированных действий с учетом психологической безопасности несовершеннолетних. Названные научные труды чаще решают задачу «как расследовать» и «как квалифицировать», чем задачу «как предотвратить» в терминах измеримых механизмов снижения риска и межведомственной профилактической архитектуры.

Криминологический и виктимологический кластер в последние годы концентрируется вокруг латентности, причинного комплекса и уязвимости отдельных групп детей, что непосредственно влияет на понимание профилактики как снижения барьеров выявления и безопасности сообщения. Так, статья Н.К. Абдрамановой и Е.О. Алауханова «Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних в Республике Казахстан и их латентность» (Вестник ТГУ. Право, 2023) прямо выводит проблему высокой скрытости и связывает ее с причинами, по которым потерпевшие и их окружение опасаются обращения в органы [21].

Близкую по направленности, но с международно-правовым акцентом и выделением детей с инвалидностью как группы повышенного риска, предлагает статья Ергалимовой А. [22].

В 2025 году криминолого-статистический разворот (с фиксацией цифровых рисков и виктимологических параметров) представлен в статье Г.Г. Нубаевой и Б.А. Кулмуханбетовой о динамике преступлений 2020–2024 гг. и ее влиянии на совершенствование законодательства [23]. Однако типичный пробел этого кластера - недостаточная интеграция выводов о латентности и виктимологических барьерах с уголовно-правовыми критериями состава развращения малолетних и с процессуальными стандартами доказуемости в цифровой среде. Профилактика часто описывается в общих терминах без единой операционализации, пригодной для оценки эффективности.

Зарубежная литература и международные стандарты формируют методологические ориентиры, которые особенно значимы для «цифрового» измерения профилактики.

Смежные (междисциплинарные) исследования расширяют понимание механизмов виктимизации и тем самым «подпирают» профилактику эмпирическим содержанием, но редко приводят к целостной уголовно-правовой конструкции. В психологической плоскости показателен массив смежных работ о кибергруминге как форме сексуализированного домогательства в коммуникации. Например, статья А.С. Медведевой о гендерной и психосексуальной специфике виктимизации несовершеннолетних [24] и исследование А.С. Медведевой и Е.Г. Дозорцевой о роли родителей в ситуации кибергруминга [25]. В казахстанском контексте важный эмпирический фон цифровых рисков для детей задает аналитический доклад НАО «Казахстанский институт общественного развития» «Исследование детского контента в Казахстане» (Астана, 2023) [26], где описана методология анализа площадок и потребления контента детьми. Дополнительный слой официального контекста (защита от насилия и эксплуатаций как приоритет) отражается в докладах ЮНИСЕФ по Казахстану [27]. Ограничение этого междисциплинарного массива состоит в том, что он хорошо объясняет поведенческие и средовые механизмы риска, но редко переводит их в критерии уголовно-правовой квалификации (в частности, применительно к развращению малолетних) и в юридически верифицируемые индикаторы эффективности профилактики.

В результате в доктрине и прикладных материалах сохраняется выраженный терминологический и концептуальный разброс, который проявляется как минимум в двух конкурирующих линиях: первая акцентирует охрану «нравственного развития» и традиционно связывает развратные действия с непосредственным воздействием на ребенка, вторая - смещает фокус на охрану половой неприкосновенности и психологической автономии, допуская включение бесконтактных и коммуникационно-опосредованных форм при доказанной сексуальной направленности. При этом цифровая среда дополнительно обостряет вопрос о границе уголовно-правового вмешательства. Проекты и статьи последних лет прямо фиксируют отсутствие специальной

нормы о кибергруминге и фактическое «поглощение» отдельных ситуаций смежными составами, что создает дискретность квалификации и повышает риск произвольности при оценке переписки и иных цифровых следов. Международные модели, напротив, задают тенденцию к превентивной криминализации «предложения встречи» через ИКТ (Совет Европы, ЕС), но одновременно требуют стандарта процессуальной добросовестности и защиты от провокации, что хорошо иллюстрирует сравнительно-правовой анализ..

Непроработанность единых дефиниций и презумпций «уязвимости/достоверности» осложняет и теорию, и практику. Становится трудно установить стабильные критерии разграничения развращения малолетних и смежных составов, а также стандартизировать профилактические меры так, чтобы они были одновременно эффективны и правомерны.

Следовательно, при наличии значимого корпуса исследований, отечественная наука и практика к 2025 году демонстрируют отсутствие согласованной модели профилактики развращения малолетних, которая бы одновременно (а) уточняла уголовно-правовые границы состава и его конкуренцию со смежными запретами, (б) учитывала латентность и виктимологические барьеры сообщения как системный фактор, и (в) включала цифровые траектории (кибергруминг, онлайн-коммуникации, цифровые доказательства) как самостоятельный объект регулирования и риск-менеджмента. На уровне источников это «расхождение» видно в том, что уголовно-правовые исследования преимущественно фиксируют квалификационные трудности и необходимость официальных разъяснений, криминологические - указывают на высокую скрытость и ограниченность эффекта существующих мер, а «цифровые» диссертационные проекты - констатируют отсутствие специальной конструкции и трудности доказуемости в сетевой среде. Тем самым обоснована необходимость дальнейшего научного исследования, способного связать уголовно-правовую охрану, криминологическую причинность и виктимологическую профилактику в условиях цифровизации в единую, методологически прозрачную и практически применимую рамку.

Дополнительный слой разработанности темы в Казахстане формируют исследования Р.Е. Джансараевой, Ш.Б. Маликовой, которые важны именно как методологический переход от общего уголовно-правового описания преступности к виктимологически ориентированной модели предупреждения [28; 29]. Р.Е. Джансараева, Ш.Б. Маликова выводят виктимологическую политику в самостоятельное направление уголовной политики и тем самым задают рамку, в которой профилактика понимается не как вторичное приложение к уголовно-правовой охране, а как особая система противодействия преступности, где акцент сделан на формировании виктимологии как самостоятельного комплексного направления правовой науки Казахстана и на

необходимости расширения исследовательского инструментария за пределы традиционного составного анализа. Для ювенальной проблематики существенны также исследования С.Б. Дузбаевой и М.Е. Акболатовой [30] о государственной политике предупреждения преступности несовершеннолетних и о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних в городе Алматы, поскольку в них фиксируются институциональные субъекты предупреждения, значимость территориально-статистического измерения и необходимость раннего выявления угроз ребенку. Как видим, в Казахстане имеется научная школа, которая может соединить уголовно-правовой, криминологический, виктимологический анализ. Однако, применительно к развращению малолетних такой синтез все еще не доведен до необходимой специальной модели профилактики.

Современные казахстанские авторы стали проявлять интерес к прикладному анализу виктимологических факторов, что, безусловно, повышает проработанность темы, но подтверждает ее незавершенность. В частности, Г.М. Рысмагамбетова и А.Т. Кабжанов в своих трудах рассматривают профилактику в качестве системы взаимосвязанных правовых, социальных и превентивных мер [31], а Н.К. Абдраманов и Е.О. Алауханов акцентируют внимание на высокой латентности, связанной с ограниченностью статистики и страхом потерпевших обращаться в органы.

Наконец, работа К. Жумабековой по защите детей от кибербуллинга важна тем, что она отражает расширение казахстанского дискурса от традиционной охраны ребенка к вопросам цифровой уязвимости, межведомственного реагирования и детской информационной безопасности. Следовательно, современная отечественная литература уже создала отдельные элементы требуемой научной конструкции, но они пока распределены между исследованиями ювенальной преступности, виктимологической профилактики, латентности и цифровых рисков и потому нуждаются в последующем объединении в единую уголовно-правовую и криминологическую модель профилактики развращения малолетних.

В результате можно констатировать, что при наличии значимого массива казахстанских работ по уголовно-правовой охране несовершеннолетних и отдельных криминологических исследований о латентности и виктимности сохраняется исследовательский пробел именно в части целостной юридико-криминологической модели профилактики развращения малолетних, совместимой с цифровой реальностью. Недостаточно разработаны согласованные критерии, позволяющие единообразно квалифицировать контактные и бесконтактные (коммуникационно-опосредованные) «развратные действия», а также стандарты доказуемости и превентивные алгоритмы межведомственного реагирования, которые одновременно снижали бы латентность и предотвращали вторичную виктимизацию ребенка. Указанный

пробел прямо фиксируется как в уголовно-правовых работах о квалификации (через проблему неопределенности дефиниции и разграничения составов), так и в криминологических исследованиях, подчеркивающих системную скрытость посягательств и институциональные барьеры сообщения.

В этой связи настоящее исследование направлено на совершенствование уголовно-правовой и криминологической защиты малолетних от развращения, в том числе в условиях цифровизации социальных коммуникаций в Казахстане.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Республики Казахстан, Уголовный кодекс Республики Казахстан, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, Закон Республики Казахстан О правах ребенка в Республике Казахстан, Закон Республики Казахстан О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, Закон Республики Казахстан О персональных данных и их защите, а также международно-правовые акты, прежде всего Конвенция о правах ребенка . Эти источники определяют рамки уголовно-правовой охраны малолетних, требования к процедурам выявления и расследования посягательств, а также условия реализации общесоциальных и специальных профилактических мер в офлайн и цифровой среде.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический (догматический) метод, системный метод, сравнительно-правовой метод, анализ правоприменительной практики (включая кейс-анализ типовых ситуаций, криминологические методы (статистический и виктимологический анализ, оценка латентности на смешанных данных), метод моделирования (построение уголовно-правовых и криминологических моделей, алгоритмов квалификации и риск-матриц). Диалектический подход и системный анализ, позволили рассмотреть уголовно-правовой запрет и профилактику как взаимосвязанные элементы целостной модели защиты ребенка. В работе формально-юридический метод применен для толкования норм и выявления коллизий, сравнительно-правовой метод использован для сопоставления решений Казахстана с зарубежными подходами и международными стандартами, а также использованы приемы логико-правового моделирования при построении правил разграничения составов и критериев квалификационной устойчивости. Криминологическая часть исследования опирается на анализ официальной статистики и документов, на методологию оценки латентности по смешанным источникам сведений, включая экспертные оценки и данные организаций, работающих с детьми. При формулировании предложений по профилактике использован риск-ориентированный подход, соотносящий глубину вмешательства с уязвимостью малолетних и вероятностью повторности посягательств при соблюдении принципов законности и соразмерности.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые для казахстанской доктрины и практики развращение малолетних

концептуализируется как комплексная междисциплинарная проблема, требующая одновременной настройки уголовно-правовой конструкции запрета и криминологической архитектуры профилактики в условиях цифровизации коммуникаций. В целом научный результат диссертации выражается в уточнении границ уголовно-правового запрета, разработке алгоритмов квалификации и стандартов доказывания, а также в проектировании многоуровневой системы профилактики и поствиктимной защиты, формализованных в доказательных продуктах (Приложения). Научную новизну диссертационного исследования определяют следующие основные **положения, выносимые на защиту:**

1. Обосновано, что нормативная определенность запрета посягательств на малолетних в офлайн- и цифровой среде обеспечивается не расширением уголовно-правовых формулировок, а введением критериев предельной криминализации, включающих ясность описания деяния, предсказуемость правоприменения и сопоставимость репрессии с превентивным эффектом. Предложен критерий оценки превентивной достаточности уголовной репрессии как условие допустимости уголовно-правового вмешательства. Тем самым криминологическая оценка превенции интегрируется в доктрину криминализации как элемент ее юридической обоснованности. Положение конкретизировано в виде формализованного теста проверяемости и предсказуемости запрета, пригодного для правоприменительной и нормотворческой экспертизы (Приложение А).

2. Разработана интегрированная уголовно-правовая и криминологическая концепция защиты малолетних в условиях цифровизации, в рамках которой цифровая среда осмыслена как фактор, трансформирующий механизм посягательства и пределы криминализации, обоснован двойной охраняемый интерес при конструировании состава развращения малолетних (половая неприкосновенность и нормальное развитие ребенка), сформулированы границы уголовно-правового вмешательства и критерии разграничения, обеспечивающие единообразие квалификации в офлайн- и цифровых сценариях, а также сформирована сравнительно-правовая рамка, позволяющая использовать международные стандарты и зарубежный опыт для совершенствования национальной модели запрета и профилактики.

3. Выявлены и систематизированы основные коллизии возрастных критериев и презумпций уязвимости в конструкции состава, влияющие на границы уголовной ответственности и устойчивость квалификации. Предложена модель разрешения коллизий, основанная на приоритете возраста как юридического фильтра при одновременном допустимом использовании доказуемых уязвимостных обстоятельств в качестве квалифицирующих признаков либо факторов индивидуализации ответственности, что ограничивает дискрецию правоприменителя (Приложение В).

4. Разработан квалификационный алгоритм разграничения и конкуренции уголовно-правовых запретов при смежности посягательств, включающий правила выбора нормы при различной направленности умысла, характере воздействия, способе взаимодействия и структуре эпизодичности. Алгоритм адаптирован к случаям коммуникационно-опосредованных форм и учитывает множественность эпизодов и соучастие, снижая вероятность типовых квалификационных ошибок и повышая предсказуемость правоприменения (Приложение C).

5. Сформулирован минимально достаточный стандарт установления ключевых обстоятельств по делам о развращении малолетних при использовании электронных данных и сведений коммуникаций, обеспечивающий квалификационную устойчивость при соблюдении процессуальных гарантий. Предложен процессуальный протокол щадящего доказывания, ориентированный на снижение рисков вторичной виктимизации ребенка без утраты требований допустимости и достоверности доказательств (Приложение D).

6. Сконструирована криминологическая модель механизма и детерминации развращения малолетних, раскрывающая взаимодействие семейных факторов, факторов институционального надзора и социально-цифровых рисков, формирующих условия виктимизации и повторяемости. Модель описывает типовые траектории вовлечения ребенка и выделяет точки профилактического вмешательства, согласованные с уголовно-правовыми границами запрета.

7. Предложен инструментарий оценки латентности развращения малолетних на основе смешанных источников данных, позволяющий выявлять структурные причины «невидимости» эпизодов и оценивать динамику скрытой части посягательств. Обоснованы показатели и правила их интерпретации, пригодные для мониторинга эффективности профилактики и управленческого риск-менеджмента в межведомственном контуре (Приложение E).

8. Разработана интегрированная многоуровневая система профилактики развращения малолетних, включающая первичные, вторичные и третичные меры, а также механизмы поствиктимной защиты, основанные на межведомственной координации и стандартах реагирования в офлайн- и цифровой среде. В систему включены критерии оценки эффективности, в том числе индикаторы снижения латентности, показатели качества маршрутизации сигналов и требования комплаенса цифровых посредников, обеспечивающие согласованность уголовно-правовых и криминологических мер (Приложение F).

Теоретическая значимость исследования определяется уточнением понятийного аппарата уголовно-правовой охраны малолетних от развращения и обоснованием связи между конструкцией состава, правилами квалификации и криминологическими механизмами скрытости.

Практическая значимость заключается в возможности использования выводов и предложений при совершенствовании законодательства, при

подготовке методических рекомендаций для органов уголовного преследования и субъектов профилактики, при разработке межведомственных маршрутов раннего выявления и сопровождения ребенка, а также в образовательных программах для юристов и специалистов, работающих с детьми. Предложенные правила квалификации, требования к доказательственной достаточности и показатели эффективности профилактики могут применяться при экспертной оценке проектов нормативных актов, при анализе правоприменительной практики и при проектировании региональных программ профилактики.

Апробация результатов исследования. Итоговые выводы диссертации опубликованы в следующих рецензируемых изданиях и материалах научных форумов:

1. Malikova Sh. B., Omarova A. B., Zhakslyk A. Zh., Atakhanova S. K., Beaver K. M. Adolescent sports, violent delinquency, and being processed through the criminal justice system: A longitudinal analysis of males // Journal of Criminal Justice. – 2025. - Vol. 97. - 102381. - DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2025.102381.
2. Zhakslyk A. J., Malikov S. B., Abdirazak B. Sexual offenses in the criminal law of the Republic of Kazakhstan // Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова. - 2024. - № 3(80). - С. 321-326.
3. Жакслык А.Ж. Проблемы обеспечения юридической определенности при квалификации половых преступлений // Обеспечение юридической аутентичности уголовного законодательства Республики Казахстан: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (27 ноября 2024 г.). - Алматы, 2024. - С. 114-118.
4. Рустемова Г.Р., Жакслык А. Международное сотрудничество в сфере защиты прав несовершеннолетних - жертв насилия // Актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних жертв преступлений: сборник материалов Международной научно-практической конференции (13 декабря 2023 г.). - Алматы, 2023. - С. 172–176.

Структура и объем диссертации состоит из введения, трех разделов, объединяющих 16 подразделов, заключения и списка использованной литературы и нормативных правовых актов. Объем диссертации соответствует установленным требованиям к работам данного вида.

1 Концептуальные основы уголовно-правовой охраны и криминологического анализа посягательств на малолетних

1.1 Критерии уголовно-правовой охраны малолетних и пределы превентивной криминализации

Точка отсчета находится в действующей системе уголовных запретов, где ответственность за преступления против половой неприкосновенности и свободы личности, а также за развращение малолетних встроена в общую логику охраны личности и повышения защиты ребенка по возрастному критерию, что проявляется как на уровне систематики Особенной части, так и на уровне санкций и специальных ограничений применения некоторых льгот и оснований освобождения от ответственности и наказания. При этом уголовно-правовая охрана малолетних не может быть адекватно определена без учета специального законодательства о правах ребенка, поскольку оно формирует рамку позитивных обязанностей государства в сфере профилактики и реагирования, задает ориентиры обеспечения помощи и сопровождения, а также подчеркивает недопустимость насилия и эксплуатации в отношении детей как социально значимого риска. В практическом плане это означает, что уголовный закон должен включаться как крайняя мера, когда иные меры правовой и социальной защиты явно недостаточны, а также тогда, когда без уголовной ответственности невозможно обеспечить пресечение скрытых и повторяющихся посягательств.

Наличие Закона о правах ребенка позволяет трактовать уголовно-правовое вмешательство как часть интегрированной политики, в которой уголовная репрессия не заменяет профилактику, а ограничивает и публично маркирует наиболее опасные формы поведения.

Критерии уголовно-правовой охраны малолетних должны соотноситься с приоритетами государственной правовой политики, которые предполагают требование социальной и криминологической обоснованности уголовно-правовых решений. В условиях динамики цифровых рисков и роста коммуникационно-опосредованных форм посягательств особенно важно избегать реактивного расширения состава под влиянием единичных резонансных эпизодов, когда расширение запрета не сопровождается моделированием правоприменения, оценкой доказуемости и анализом реального превентивного эффекта. Концепция до 2030 года задает необходимость опоры на стандарты обоснованности и качества уголовного закона, что непосредственно относится к формулированию состава развращения и к обсуждению возможности криминализации подготовительных действий в цифровой среде.

Конвенция о правах ребенка рассматривает ребенка как самостоятельного носителя прав и обязывает государство защищать его от насилия и эксплуатации, что делает уголовно-правовые меры важным инструментом такой защиты. При

этом подчеркивается, что эта защита должна реализовываться с соблюдением законности и справедливости, без размытых и произвольных запретов [32].

Международные подходы в целом исходят из того, что защита ребенка требует не только санкций, но и работающей системы - правовых и социальных механизмов, которые позволяют своевременно выявлять, пресекать и предотвращать повторные посягательства, при этом снижая вред для самого ребенка в процессе. Если уголовно-правовой запрет расширяется без процедур безопасности и без механизма поддержки, он может усиливать латентность и снижать готовность сообщать о посягательстве [33].

Цифровизация усиливает значимость дискуссии о превентивной криминализации, поскольку контакт правонарушителя с ребенком часто возникает и развивается в онлайн среде. Общий комментарий № 25 формулирует требование к государствам обеспечивать безопасность ребенка в цифровой среде, включая регулирование рисков, связанных с платформами и посредниками, доступом к вредоносному контенту и цифровыми формами эксплуатации. В уголовно-правовой плоскости это ставит вопрос о переносе порога ответственности на более ранние стадии посягательства, когда вред еще не реализован офлайн, но формируется эксплуатационное отношение, создается зависимость, запрашиваются материалы и организуются встречи. Одновременно цифровой контекст усиливает требования к технологической нейтральности и нормативной определенности, поскольку чрезмерно абстрактные формулировки порождают риск расширительного толкования и несоразмерного вмешательства.

Сравнительно-правовая рамка Совета Европы, закрепленная в Ланзаротской конвенции, предлагает модель, где уголовно-правовая охрана детей от сексуальной эксплуатации и насилия сочетается с профилактическими, институциональными и процессуальными стандартами. Такая модель важна в качестве примера возможности ранней криминализации при наличии четких порогов, понятной направленности умысла и как часть системы поддержки жертвы.

Пояснения к Ланзаторской конвенции показывают, что уголовная защита строится на четких и проверяемых признаках, а не на абстрактных намерениях. Криминализация связывается с конкретными действиями, которые подтверждают реальность угрозы. Этот подход не допускет произвольного расширения уголовного запрета [34]. Разъяснения по статье 23 конвенции также указывают, что важным порогом является приглашение ребенка и подготовка встречи. Это пример того, как можно закрепить ранний запрет, но сохранить его определенность и доказуемость.

Аналогичный подход закреплен в праве Евросоюза (ЕС). Здесь ранние запреты допустимы, но требуют четких криериев и учета возможностей доказывания, особенно в трансграничных ситуациях [35].

Что касается международных рекомендаций ООН, то в них подчеркивается необходимость защиты ребенка от повторной травмы и необходимость адаптации процедур. В итоге уголовно-правовая модель защиты детей должна не только предотвращать вред, но и снижать нагрузку на ребенка в процессе.

Руководящие принципы Совета Европы [13] о дружественном к ребенку правосудии дополняют эту рамку, подчеркивая требования доступности, возрастной адекватности, своевременности, уважения достоинства ребенка и реального обеспечения участия ребенка без давления. Для обсуждения пределов превентивной криминализации этот документ принципиален, поскольку ранние запреты в цифровой среде могут расширять массив дел, где доказательства основаны на коммуникации и где существует риск провоцирования, повторных допросов и раскрытия интимных деталей. Следовательно, критерии криминализации должны включать оценку процессуального контура, а не ограничиваться вопросом санкций.

Трансграничный характер цифровых посягательств усиливает значение международных механизмов получения и сохранения электронных данных. Будапештская конвенция формирует общий стандарт сотрудничества и процедур сохранения данных, что влияет на практическую исполнимость ранних составов. Наличие либо отсутствие эффективных механизмов доступа к данным у посредников и провайдеров является практическим критерием реализуемости превентивной криминализации, поскольку без данных невозможно обеспечить доказуемость и, следовательно, невозможно обеспечить справедливость и эффективность запрета.

В правовой литературе о цифровых доказательствах и праве на справедливое судебное разбирательство подчеркивается, что цифровизация расследований усиливает роль экспертизы, оценки надежности технологий, соблюдения равенства сторон и презумпции невиновности [36]. Применительно к делам о цифровых формах развращения малолетних эта позиция имеет прямое значение. Чем раньше переносится порог ответственности на стадии коммуникации, тем выше риск зависеть от цифровых данных и тем важнее стандарты их проверки и защитные механизмы против подделок, фальсификаций и некорректной интерпретации контекста

Критерии уголовно-правовой охраны малолетних целесообразно выводить из общей теории криминализации и качества уголовного закона. Постсоветская доктрина системно обсуждает методологию криминализации и декриминализации и указывает на необходимость научного обеспечения изменений уголовного законодательства, в том числе через анализ общественной опасности, правовой определенности, системной согласованности и практической применимости запретах [37]. Эти методологические положения релевантны для Казахстана, поскольку цифровизация создает соблазн

оперативного расширения запретов без проверки их качества и последствий для правоприменения

Одним из ключевых критериев предельной криминализации является принцип «крайней меры», трактующий уголовное право как крайний инструмент, который должен применяться при недостаточности иных средств. В конституционно-правовом измерении этот принцип рассматривается как ограничитель законодателя, требующий проверки необходимости и соразмерности криминализации [38]. Если применить к защите малолетних, то важно подчеркнуть, что названный принцип не отрицает уголовную охрану, но требует ее рационализации и согласования с профилактическими инструментами, включая образовательные, социальные и цифровые меры.

В европейской доктрине [39] криминализация как крайняя мера рассматривается как требование к законодателю предварительно оценить эффективность неуголовных механизмов и лишь при их недостаточности прибегать к уголовно-правовому запрету. Перенос этой логики в сферу защиты малолетних в цифровой среде означает, что расширение уголовного закона должно сопровождаться развитием комплаенса цифровых посредников, механизмов модерации, обучающих программ, раннего выявления и межведомственной координации. Иначе уголовное право будет подменять профилактику и создавать избыточную репрессию без снижения риска

Вместе с тем современная уголовно-правовая теория подчеркивает, что в уголовном праве нет автоматического запрета на раннюю криминализацию. В сферах, где вред тяжелый и затрагивает уязвимые группы, допустимо раннее уголовное вмешательство. Но при этом должны быть четкие и ясные критерии и признаки, гарантии защиты от произвольного применения [40]. Примером разработки таких критериев может быть применение принципа крайней меры при экономических правонарушениях, когда оценивается необходимость и отсутствие других возможных альтернативных мер и их соразмерность [41]. Такая методология, полагаем, применима и при защите малолетних, когда другие меры не работают и есть высокая вероятность наступления вреда. Иначе остается проблема предельной криминализации или риск чрезмерного расширения уголовного права.

Современная философия уголовного права рассматривает уголовное право как особый инструмент стигматизации и ограничения свободы, который требует строгих критериев оправдания. В сфере защиты малолетних это означает, что сильная ценностная мотивация защиты ребенка не может заменять юридическое обоснование состава и проверку его границ [42].

Развитие превентивной юстиции и расширение мер раннего вмешательства создают двойственную картину. С одной стороны, государство стремится предотвращать тяжкие преступления до наступления необратимого вреда, что в делах о сексуализированных посягательствах на детей имеет очевидный

охранительный смысл. С другой стороны, превентивные инструменты могут ослаблять традиционные гарантии и расширять наказуемость на риск, а не на вред. Исследования превентивной юстиции подчеркивают, что допустимость такой модели зависит от встроенности гарантий и от соблюдения принципов правового государства [43].

Вопрос о превентивной криминализации получает конкретизацию через анализ [44] преступлений, которые наказывают поведение до наступления вреда. Теоретически эти запреты требуют самостоятельного оправдания и должны быть связаны с предотвращением конкретного вреда, а не с наказанием за нежелательность поведения. Для защиты малолетних это означает, что ранние запреты должны иметь четко обозначенный объект охраны, ясное описание поведения и проверяемые признаки угрозы.

Однако в специальной литературе обозначенный превентивный поворот критикуется [45] из-за того, что расширение ранних составов приводит часто к наказанию за абстрактную опасность и подготовительные действия, в частности, в цифровой среде без связи с конкретным вредом. Поэтому, чтобы избежать ошибок в квалификации, необходимо осторожно подходить к криминализации цифровых форм груминга и развращения.

Надо сказать, что для обоснования криминализации в некоторых случаях используется концепция охраняемых уголовно-правовых благ и интересов. В рассматриваемом аспекте таким благом признают половую неприкосновенность и нормальное развитие ребенка. Но без четких границ такая защита становится формальной. Поэтому важно четко определять объект защиты [40].

При определении вреда как критерия криминализации в доктрине уголовного права отмечается, что данная категория выполняет функцию ограничителя криминализации [46]. Применительно к малолетним речь идет не только о телесных посягательствах, но и о психологической эксплуатации и разрушении границ, если эти формы вреда могут быть юридически описаны и доказаны. Но без четких юридических критериев с расширением понятия вреда растет риск неопределенности.

Проблема вреда также проявляется в том, что некоторые виды вреда трудно измеримы, что осложняет уголовно-правовое регулирование. Критика принципа вреда указывает, что без ясных критериев вред превращается в универсальное оправдание криминализации [47]. Применительно к защите малолетних это означает, что должен быть баланс между уязвимостью ребенка и высокой травматичностью сексуализированного воздействия с одновременным установлением юридической определенности состава и порогов ответственности.

Для конкретизации критериев криминализации полезна теория, различающая преступления как причинение вреда, как причинение риска и как нарушение правомерных интересов. Она подчеркивает, что оправдание

уголовного запрета требует анализа, какую именно категорию он регулирует и каким образом обеспечивается справедливость обвинения и наказания. Применительно к развращению малолетних важно отличать действия, которые уже реализуют сексуализированное воздействие, от действий, которые лишь создают риск. Вторая категория требует более строгих фильтров и доказуемости, иначе она может стать зоной произвольной криминализации [48].

Особый риск для превентивной криминализации представляет феномен прокси-преступлений, когда уголовный запрет переносится на поведение, лишь опосредованно связанное с предотвращаемым вредом [49]. При этом криминализация психологического вреда является дополнительным аспектом.

Исследования показывают, что криминализация психологического вреда может быть важна для защиты малолетних от социализированной манипуляции. Но должны быть четкие критерии, без которых такой запрет является размытым и трудно применимым [50].

Следовательно, если уголовно-правовая охрана развращения в цифровой форме опирается на психологический вред, нужно обеспечить юридические признаки, позволяющие доказуемо выделить именно эксплуатационное воздействие.

Показательно, что даже при анализе иных сфер, где применяется принцип вреда, исследователи подчеркивают необходимость строгих критериев легитимности криминализации и отказ от чрезмерного расширения уголовного закона [51]. Хотя предмет может отличаться, методологический вывод состоит в том, что криминализация должна быть последним инструментом и должна быть связана с предотвращением существенного вреда, а не с наказанием за непопулярное или спорное поведение. Перенос этого вывода на сферу защиты малолетних означает необходимость избегать расплывчатых оценочных формулировок и обеспечивать фильтры, которые удерживают состав в рамках конкретного охраняемого интереса.

В связи с этим методологически важно привлекать криминологические подходы, которые показывают возможности профилактики вне уголовного права. Ситуационная профилактика акцентирует изменение условий и возможностей совершения преступления [52]. Полагаем, что в контексте проблематики защиты малолетних это может означать создание цифровых барьеров, усиление модерации, контроль над контактами взрослых с детьми в определенных сервисах, повышение цифровой грамотности, а также развитие школьных и семейных программ.

Преступления в цифровой среде возникают из сочетания мотивов и обстоятельств. Поэтому перед расширением уголовного запрета важно оценить, какие риски можно снизить без уголовных мер, то есть нужен ситуационный подход. Расширение профилактиктических мер не должно подменяться избыточным уголовно-правовым контролем [53; 54]. Соответственно, уголовно-

правовые запреты должны быть согласованы с мерами снижения возможности совершения преступления.

Зарубежные исследования показывают уязвимость малолетних к онлайн-грумингу. Показывается, что онлайн-груминг часто начинается с доверия и постепенного размывания границ. При этом причинение вреда может возникать задолго до физического контакта. Специалисты подчеркивают, что такие ранние стадии сложно четко отделить от обычного общения [55]. С одной стороны, такие исследования подтверждают необходимость раннего вмешательства. С другой стороны, это требует осторожности.

Надо понимать, что Интернет создает условия для таких посягательств за счет анонимности, ложных аккаунтов и слабого контроля, что повышает скрытность и риск. Как правило, общение происходит в закрытых каналах. Поэтому затрудняется доказывание. Значит, наряду с расширением уголовного запрета нужно развивать механизмы фиксации цифровых данных и стандартов их оценки [56].

Системные обзоры только доказывают, что эффективная защита возможна лишь при сочетании уголовных запретов с мерами профилактики и выявления. Эти меры сегодня требуют учета процессов посягательства, роли платформ, проблем выявления. Ранние запреты должны быть как неотъемлемая часть системы выявления и реагирования [56]. Поэтому, прежде чем расширять состав развращения или вводить новый состав, связанный с грумингом, должны быть обозначены процедуры выявления, межведомственной координации, юридической ответственности цифровых посредников.

Исследования показывают, что груминг обычно строится постепенно; через повторяющиеся шаги и манипуляция [57]. Это помогает понять, как правильно описать такое поведение в законе и как его доказать. Если это не учитывать, закон может не работать или быть слишком размытым. Есть риск создать слишком узкий состав. Тогда как груминг - это не одно сообщение, а постепенный процесс, в котором через общение формируется доверие и зависимость. Вред при этом может появиться уже на ранней стадии через психологическое давление и нарушение границ. Однако по одному сообщению нельзя точно понять намерения, поэтому для закона нужны четкие признаки и контекст, которые можно доказать [58].

Поскольку в груминге часто повторяются похожие фразы и способы общения, это может быть использовано для раннего выявления и профилактики. Но сами по себе указанные признаки не доказывают вину, поэтому в законе нужно опираться только на конкретные действия и проверяемые доказательства.

Эмпирические исследования также подтверждают, что онлайн-посягательства на детей происходят по-разному и часто начинаются с постепенного давления и установления контроля, поэтому раннее вмешательство может помочь, но требует аккуратных действия и надежных доказательств,

чтобы не допустить ошибок и провокаций. Другими словами, нужны работающие механизмы выявления, поддержки жертв, нужны специально подготовленные специалисты. Важно учитывать, что ситуации и риски разные, поэтому закон должен быть гибким, опираться на реальные действия и учитывать изменения в цифровой среде, а не строиться на упрощенных представлениях [58; 59].

Специалисты, исследующие поведение нарушителя, отмечают, что оно меняется в зависимости от ситуации, например, при общении с реальным ребенком или с приманкой, или с участием правоохранительных органов [60]. Значит, полный запрет без учета различий между случаями будет мешать профилактике, реабилитации. Поэтому при криминализации следует учитывать допустимость доказательств, необходимость защиты прав человека наряду с защитой ребенка.

Также, специалисты отмечают, что не каждое онлайн-посягательство приводит к встрече офлайн, а разные формы поведения часто смешиваются [61]. Отсюда следует, что уголовный закон не должен строиться на упрощенных психологических типах. Он должен фиксировать конкретные действия и наличие преступного умысла.

Онлайн-правонарушители сильно различаются по уровню риска и поведению. Поэтому одинаково жесткий подход ко всем случаям может быть неэффективным [62]. Соответственно, законодателю необходимо учитывать степень опасности и использовать адресыне меры профилактики и оценки риска. В полицейских отчетах отмечается также, что способы груминга и осбенности общения с жертвой, характеристика жертв отличаются в разных ситуациях. Это может способствовать точнее определять признаки данного преступления, но приусловии качественного анализа цифровых доказательств [63].

Анализ связи онлайн груминга с другими формами виктимизации показывает, что рост онлайн активности меняет круг возможных жертв [64]. При этом многие жертвы новых форм онлайн-груминга остаются без надлежащей поддержки, поскольку до сих пор специалисты не обладают нужными знаниями в цифровой сфере [65]. Другими словами, оценка изменений в уголовном законодательстве должна строиться с позиции сохранения классических институтов и одновременного реагирования на новые условия в обществе и технологиях, не нарушая принцип законности. Расширение уголовного ответственности за новые виды онлайн-груминга должно сопровождаться подготовкой специалистов и развития новых форм поддержки жертв. Поэтому границы превентивной криминализации нужно определять с учетом того насколько развита в стране система помощи жертвам. Однако, нужно понимать, что одновременно возникает проблема точности законодательных формулировок, разграничения ненасильственных формулировок, разработки стандартов доказывания.

Национальная специфика Казахстана проявляется в высокой латентности преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и в барьерах сообщения, обусловленных страхом, зависимостью, стыдом и недостатком доверия. Научные работы подчеркивают, что усиление санкций само по себе не гарантирует роста выявляемости и может даже усиливать скрытость при внутрисемейных случаях [21]. В критериях криминализации это выражается как необходимость учитывать виктимологические и институциональные факторы. Уголовный закон должен быть встроен в модель безопасного сообщения и сопровождения, иначе он останется формальным.

Проблемы нормативной определенности и разграничения состава развращения фиксируются и в национальных диссертационных исследованиях. В работах, посвященных уголовно-правовым мерам противодействия развращению малолетних, отмечается сложность квалификации и отсутствие полной конкретизации того, какие действия охватываются составом. Для критериев криминализации это означает, что расширение охраны в целях профилактики должно начинаться с укрепления определенности запрета и построения разграничительных критериев со смежными составами, а не с механического увеличения санкции или расширения абстрактных формулировок.

Исследования по преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних в Казахстане подчеркивают значимость проблем разграничения, процессуальных трудностей и необходимости комплексной профилактики [14]. В доктрине права давно сложилось мнение, что уголовный запрет должен быть ясным, согласованным с нормами других отраслей законодательства, понятным для суда и следствия. В противном случае возникает риск широкого толкования норм уголовного законодательства. Поэтому цифровые формы преступлений против несовершеннолетних детей нельзя оценивать только по статистике преступности. Безусловно, нужны достоверные данные статистики, но также должна быть единая судебная практика, выработанные единые правила работы с цифровыми доказательствами, надлежащяя квалификация сотрудников следствия [16; 17; 20; 36].

Для дел о цифровых формах развращения малолетних это означает, что расширение превентивных составов может быть оправдано только при одновременном укреплении стандартов цифрового доказывания и защиты ребенка от вторичной виктимизации.

Итогом проведенного анализа является вывод о необходимости использовать комплексный тест для оценки допустимости и параметров превентивной криминализации в сфере защиты малолетних. Целесообразно включать в такой тествзаимосвязанные элементы, среди которых определенность запрета, степень угрозы охраняемому интересу, близость запрещаемого

поведения к причинению вреда, доказуемость без чрезмерной вторичной виктимизации, соразмерность санкции и прогнозируемый превентивный эффект.

Результативность применения такого теста должна подтверждаться не декларативно, а через наблюдаемые показатели качества правоприменения, к которым относятся устойчивость квалификации, снижение доли решений, основанных на расширительном толковании, снижение числа повторных травмирующих процессуальных действий, а также улучшение выявляемости при сохранении гарантий справедливого разбирательства. Эти показатели не заменяют уголовно-правовую аргументацию, но служат ее практической проверкой.

Если резюмировать, то проведенное исследование показывает, что критерии уголовно-правовой охраны малолетних и пределы превентивной криминализации должны формироваться как единая логическая система. Ее ядро составляют нормативная определенность, приоритет возрастного фильтра, ориентация на целенаправленное сексуализированное воздействие и требование доказуемости при минимизации вторичной виктимизации. При соблюдении этих условий уголовно-правовой запрет способен выполнять превентивную функцию, не подменяя собой общесоциальные и специальные меры профилактики, а дополняя их там, где риск причинения тяжкого вреда ребенку является непосредственным и социально неприемлемым.

Одновременно уголовно-правовая охрана должна быть встроена в многоуровневую систему профилактики и поствиктимной защиты, поскольку без организационных и социальных механизмов раннего выявления, сопровождения и реабилитации юридическая конструкция, даже будучи формально точной, не будет обеспечивать требуемого снижения рисков и латентности.

1.2 Двойной охраняемый интерес и границы запрета при построении состава развращения малолетних

В настоящем подразделе дополнительно обосновывается положение, выносимое на защиту. Его смысл состоит в том, что состав развращения малолетних не может строиться только вокруг одного интереса. Он должен одновременно охранять половую неприкосновенность ребенка и его нормальное развитие. Только такое понимание позволяет правильно оценивать как обычные ситуации, так и цифровые формы воздействия. При этом уголовное право должно вмешиваться не во всякое общение, а только там, где есть проверяемые признаки сексуализированного воздействия и реальной опасности для ребенка.

Данный подход согласуется с общей логикой международной и национальной защиты детства. Конвенция о правах ребенка закрепляет обязанность государства защищать ребенка от сексуальной эксплуатации и

насилия, а также создавать условия для восстановления нарушенных прав [1]. Закон Республики Казахстан о правах ребенка также исходит из приоритета интересов ребенка, запрета насилия и обязанности государства принимать специальные меры охраны [6]. Поэтому состав развращения должен рассматриваться не изолированно, а как часть общей системы защиты ребенка.

Любая концепция требует предварительного методологического уточнения исходных позиций исследования. Иначе она воспринимается как декларация, а не как результат научного моделирования. В связи с этим анализ двойного охраняемого интереса и границ уголовно-правового вмешательства целесообразно строить не из формально-догматического толкования состава, а из системного понимания взаимосвязи объекта охраны, механизма причинения вреда и превентивной функции уголовного закона. Кроме того, нужно исходить из понимания, что и цифровая среда трансформирует не только способы совершения посягательств, но и механизм их выявления, доказуемость, латентность и виктимологические барьеры сообщения, что неизбежно влияет на пределы допустимой криминализации. Именно такая методологическая установка позволяет обосновать необходимость корректировки границ запрета и выработки критериев разграничения, обеспечивающих единообразие квалификации как в офлайн, так и в цифровых сценариях.

Полагаем, что двойной охраняемый интерес позволяет избежать двух ошибок. Первая ошибка возникает тогда, когда развращение сводится только к физическому контакту или прямому удовлетворению сексуального интереса виновного. В таком случае цифровое воздействие может быть недооценено. Вторая ошибка возникает тогда, когда состав понимается слишком широко и охватывает почти любое неприемлемое общение. Тогда нарушается принцип законности и появляется риск произвольной квалификации.

Половая неприкосновенность в данном составе означает, что ребенок не должен становиться объектом сексуального использования, вовлечения или давления. Это касается не только прикосновений. Это также касается демонстрации материалов, склонения к интимным действиям, просьб о личных изображениях и иных форм воздействия, которые направлены на сексуализацию ребенка. Такой подход особенно важен в цифровой среде, где вред может начаться до встречи и даже без нее.

Нормальное развитие ребенка выступает вторым охраняемым интересом. Оно показывает, почему опасными могут быть бесконтактные действия. Ребенок может не понимать смысл происходящего, но постепенно привыкать к сексуализированному общению, секретности и зависимости от взрослого. Исследования онлайн груминга показывают, что уязвимость ребенка часто связана с доверием, недостатком опыта, желанием признания и влиянием манипуляции [55]. Поэтому охрана развития не является абстрактной моральной оценкой. Она связана с реальным риском вреда.

Вместе с тем нормальное развитие не должно превращаться в слишком широкое основание для наказания. Уголовное право не может наказывать человека только за грубость, неуместность или неопределенное общение. Нужно установить, что поведение объективно связано с сексуализированным воздействием на ребенка. Такой подход соответствует идее, что криминализация должна иметь ясную связь с вредом и не выходить за пределы необходимого [37; 46; 48].

Следовательно, двойной охраняемый интерес нужно понимать как рабочий критерий квалификации. Он помогает определить, есть ли в поведении не только нарушение запрета на сексуальное воздействие, но и угроза развитию ребенка. Если оба элемента подтверждаются фактами, состав имеет устойчивое основание. Если подтверждается только общая неприятность общения, без сексуализированной направленности и реального риска, уголовное вмешательство будет необоснованным.

Нормативная отправная точка казахстанской модели охраны состоит в том, что Уголовный кодекс РК закрепляет самостоятельный запрет развращения лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, а также разграничивает иные смежные составы, в том числе насильственные посягательства и составы, связанные с сексуализированным контактом и предложениями в отношении лица до шестнадцати лет.

Из содержания Уголовного кодекса РК следует, что законодатель уже выделяет несколько близких запретов в сфере защиты детей от сексуальных посягательств [8]. Поэтому для статьи о развращении особенно важно иметь четкие разграничительные признаки. Иначе одни и те же обстоятельства могут оцениваться по разным статьям. Это снижает предсказуемость закона и создает риск неравного подхода к потерпевшим и обвиняемым.

На наш взгляд, разграничение должно строиться не на названии статьи, а на содержании поведения. Если основным является насильственное причинение вреда, то вопрос о развращении должен решаться с учетом возможного поглощения или совокупности. Если поведение выражается в непристойном предложении или приставании, нужно определить, перешло ли оно в более глубокое сексуализированное воздействие на ребенка. Если же речь идет о подготовительном контакте через интернет, решающими становятся содержание общения, адресность и цель действий.

Законодательные изменения 2024 года усилили значение такого разграничения. Введение статьи 121-1 было направлено на усиление защиты женщин и безопасности детей [80]. Однако появление нового состава не устраняет автоматически проблему границы между приставанием и развращением. Напротив, эта граница стала более важной, потому что обе нормы могут применяться к ситуациям общения с лицом до шестнадцати лет и могут включать телекоммуникационные сети.

В таких условиях необходимо исходить из того, что развращение отличается не только внешней формой действия. Оно связано с воздействием, которое формирует или усиливает сексуализированное отношение к ребенку. Приставание может выражаться в отдельном непристойном действии или предложении. Развращение же должно предполагать более выраженную направленность на вовлечение ребенка в сексуализированное поведение, демонстрацию или восприятие такого поведения. Эта граница должна подтверждаться доказательствами, а не ощущениями следователя.

Как уже отмечалось, цифровая среда меняет сам характер посягательства. В цифровой среде взрослому проще выйти на общение с ребенком. Также проще скрыть личность и долго влиять на него через переписку. Но такой риск часто возникает постепенно; поскольку сначала устанавливается доверие. Затем границы общения взрослый начинает смещать. Это ребенок и его близкие не сразу замечают [66]. Но наказание возможно только тогда, когда есть ясные признаки реальной угрозы и преступного умысла. Не может быть наказания за неясные намерения или обычную переписку. Пожтому международные стандарты требуют четких критериев. Должно быть понятно сразу, что общение не является обычным разговором, а связано с сексуальным посягательством. Поэтому особое значение имеют доказательства. В этой связи из ст. 23 Ланзоротской конвенции следует, что любое вовлекающее действие дожно иметь признаки реальной угрозы. такова логикаи диррективы ЕС 2011/93/EU. Нужно точно установить содержание переписки, адресата и цель поведения.

Криминологические исследования показывают, что онлайн и офлайн груминг имеют общую цель, но разные формы проявления. В офлайн ситуации важны место, физическая близость, зависимость ребенка от взрослого и возможность непосредственного давления. В онлайн ситуации важны переписка, изображения, видеосвязь, аккаунты, псевдонимы и перевод общения в закрытый канал. Поэтому одинаковый правовой интерес охраняется через разные доказательственные признаки [56; 57; 58].

Для цифровых сценариев особенно важен критерий адресности. Нужно доказать, что сообщение, изображение, просьба или предложение были направлены именно ребенку или лицу, которое виновный воспринимал как ребенка. Это отличает уголовно значимую коммуникацию от общего размещения информации в сети. Адресность может подтверждаться аккаунтом, перепиской, номером телефона, голосовыми сообщениями, видеозаписями, данными устройства и иными цифровыми следами.

Не менее важен критерий направленности поведения. Он означает, что действия должны быть связаны с сексуализированным воздействием, а не с обычным общением. В цифровой среде такая направленность может проявляться в просьбах прислать интимное изображение, в демонстрации сексуального контента, в обсуждении сексуальных действий, в предложении скрыть общение

от родителей или в переводе ребенка в приватный канал. Но каждый такой признак должен оцениваться в совокупности с контекстом.

Следующий критерий состоит в объективной подтверждаемости. Суд и следствие не должны строить вывод только на предположении о внутреннем намерении. Нужны проверяемые данные. Это может быть содержание сообщений, последовательность контактов, характер отправленных материалов, реакция виновного на возраст ребенка, попытки скрыть общение, удаление переписки или создание нескольких аккаунтов. Исследования показывают, что стратегии правонарушителей могут различаться в зависимости от ситуации, поэтому нельзя механически переносить психологические схемы в юридическую квалификацию [60].

В цифровой среде важен и критерий реальности угрозы. Не всякое общение, даже неприятное или неуместное, должно вести к уголовной ответственности за развращение. Реальная угроза появляется тогда, когда контакт уже направлен на вовлечение ребенка в сексуализированное поведение или на формирование зависимости. Международные стандарты по онлайн вовлечению также проводят линию между абстрактным общением и действиями, которые подтверждают намерение совершить сексуальное посягательство [13; 34; 35].

При этом нельзя требовать, чтобы вред обязательно наступил в виде физического контакта. В цифровой среде вред может выражаться в психологическом давлении, страхе, стыде, зависимости, распространении изображений или угрозе такого распространения. Систематические исследования показывают, что онлайн преступления не всегда переходят в офлайн контакт, но это не делает их безопасными [61]. Поэтому граница вмешательства должна учитывать цифровую форму вреда, но не заменять доказательства общими оценками.

Также важно при расширении состава развращения на стадии общения или установления общения с малолетним, чтобы в процессуальном законодательстве были установлены границы. Ребенок должен быть защищен от повторной травмы в процессе расследования [67].

На наш взгляд, процессуальная защита ребенка является не дополнительным условием, а частью самой логики допустимой криминализации. Чем раньше закон переносит ответственность на стадию общения, тем больше дел строится на личной переписке, цифровых материалах и показаниях ребенка. Если процедуры не защищают ребенка от повторной травмы, ранняя криминализация может дать обратный результат. Семья будет бояться процесса, а ребенок может отказаться от сообщения.

Руководящие принципы ООН по делам с участием детей потерпевших и свидетелей подчеркивают необходимость уважительного обращения, защиты личной жизни и ограничения лишних страданий ребенка в правосудии [11]. Эти

стандарты важны для Казахстана как практический ориентир. Они показывают, что защита интересов ребенка не должна ослаблять проверку доказательств. Но сама проверка должна быть организована так, чтобы ребенок не проходил через повторные и травмирующие процедуры без необходимости.

Именно поэтому минимально достаточный стандарт доказывания должен включать не только содержание показаний ребенка, но и цифровые данные, которые могут подтвердить основные обстоятельства. В делах о цифровом развращении важно заранее определить, какие данные нужно сохранять. Речь идет о переписке, метаданных, аккаунтах, времени контактов, файлах, ссылках, данных платформы и сведениях об удалении сообщений. Без этого следствие будет зависеть от повторных объяснений ребенка.

Конвенция о киберпреступности формирует общий принцип международного сотрудничества и сохранения электронных данных, который важен как критерий реализуемости запрета при трансграничных коммуникациях и при использовании цифровых платформ. Если система не обеспечивает процедур сохранения данных и механизмов их проверки, расширение состава в цифровом измерении будет носить декларативный характер и создаст риск либо безнаказанности, либо чрезмерного давления на ребенка в попытке восполнить доказательственный дефицит.

Конвенция о киберпреступности важна не только как международный документ о сотрудничестве. Для рассматриваемой темы она показывает, что цифровые доказательства требуют скорости и процедурной точности. Если сообщение удалено, аккаунт закрыт, а платформа находится за пределами Казахстана, доказать содержание контакта становится намного сложнее. Поэтому уголовный запрет должен сопровождаться реальными механизмами сохранения данных и понятными правилами обращения к платформам.

Исследования цифровых доказательств также показывают, что справедливость процесса зависит от возможности проверить источник, целостность и надежность данных [36]. Для квалификации развращения это особенно важно. Переписка может быть неполной, скриншот может быть вырван из контекста, а аккаунт может быть использован другим лицом. Поэтому цифровые данные должны не просто предъявляться, но и проверяться. Иначе возникает риск ошибки как в сторону безнаказанности, так и в сторону необоснованного обвинения.

В этом смысле доказуемость становится границей уголовно правового вмешательства. Если государство вводит ранний запрет, но не обеспечивает сохранение и проверку цифровых следов, такой запрет будет слабым на практике. Он может выглядеть строгим в законе, но не помогать потерпевшим. Более того, следствие может пытаться заменить недостающие цифровые данные повторными допросами ребенка. Это противоречит идее бережного правосудия и повышает риск вторичной виктимизации.

Вместе тем, как нам думается, данное Нормативное постановление демонстрирует нормативный подход к определениям и разграничениям, который должен развиваться и в отношении ненасильственных посягательств на детей [68]. Актуальность этой задачи подтверждается публичной дискуссией о подготовке Верховным Судом нового нормативного постановления, которое должно дать разъяснения по разграничению статей о насильственных действиях сексуального характера, половом сношении или иных действиях сексуального характера с лицами до шестнадцати лет, приставании и развращении, то есть по ключевым квалификационным развилкам защиты ребенка [69].

Судебные разъяснения имеют значение не только для судей. Они задают ориентиры для следователей, прокуроров, адвокатов и экспертов. Если разграничение между составами ясно изложено, участники процесса лучше понимают, какие обстоятельства нужно устанавливать. Это сокращает число ошибочных квалификаций и снижает вероятность того, что похожие дела будут решаться по разному. Для ребенка это также имеет значение, потому что ясная квалификация уменьшает длительность процесса и число повторных действий.

Полагаем, что будущие разъяснения должны учитывать двойной охраняемый интерес. Они должны прямо показать, что развращение охватывает не только контактные действия, но и бесконтактное сексуализированное воздействие, если оно доказуемо и направлено на ребенка. Одновременно нужно указать, что простая неопределенная переписка, без сексуализированной направленности и реальной угрозы, не может подменять состав развращения. Такая позиция будет согласована с принципом законности и с задачей защиты ребенка.

Особое место должны занимать возрастные признаки. В казахстанской системе используются разные обозначения детей, включая малолетнего, несовершеннолетнего и лицо, не достигшее шестнадцати лет. Для квалификации важно, чтобы возраст потерпевшего был установлен точно, а осведомленность виновного о возрасте подтверждалась доказательствами. Это особенно сложно в интернете, где возможны псевдонимы, скрытые профили и недостоверные сведения. Поэтому возраст не должен считаться формальной деталью. Он является обязательным элементом оценки.

Официальная позиция правоохранительных органов по отдельным делам показывает, что статья о развращении может вменяться наряду с насильственными составами, что ставит вопрос о критериях совокупности и о том, является ли развращение самостоятельным дополнительным посягательством или поглощается более тяжким насильственным преступлением. Так, в пресс релизе Главной военной прокуратуры описан случай, когда лицо признано виновным одновременно по статьям об изнасиловании малолетней, насильственных действиях сексуального характера и

развращении малолетней, а суд назначил пожизненное лишение свободы и дополнительные меры, включая принудительное лечение [70].

Практика совокупности составов показывает, что развращение может выступать как самостоятельное посягательство рядом с более тяжкими преступлениями. Но такая совокупность должна быть обоснованной. Если развращающие действия были отдельным этапом воздействия и имели самостоятельное значение, они могут требовать отдельной оценки. Если же они полностью входят в способ совершения более тяжкого насильственного посягательства, возникает вопрос о поглощении. Без ясных критериев одно и то же поведение может оцениваться неодинаково [68; 70].

Для единообразия квалификации можно предложить несколько практических ориентиров. Нужно учитывать самостоятельность эпизода, его связь с последующим действием, содержание поведения, длительность контакта, наличие цифровых материалов и степень воздействия на ребенка. Также следует оценивать, было ли развращение способом подготовки к другому преступлению или самостоятельным вредом. Эти ориентиры не заменяют закон, но помогают применять его более последовательно.

В делах с множественными эпизодами важно не дробить искусственно одно поведение и не объединять без оснований разные действия. Цифровая переписка может длиться неделями и включать разные сообщения, файлы и просьбы. Следствие должно определить, образуют ли они один продолжающийся эпизод или несколько самостоятельных действий. Для этого нужны временные рамки, логическая связь сообщений, повторяемость цели и подтверждение того, что воздействие было направлено на одного или нескольких детей.

Дополнительный пласт практикориентированных проблем связан с доказуемостью и с процессуальными решениями на стадии досудебного расследования. В открытых источниках описаны случаи прекращения расследования по статье о развращении за отсутствием состава уголовного правонарушения, что свидетельствует о сложности установления юридически значимых признаков при неопределенности обстоятельств и при недостаточной доказательственной базе [72].

Случаи прекращения расследования показывают, что проблема состоит не только в содержании нормы. Она связана и с тем, как собираются доказательства на ранней стадии. Если переписка не сохранена, если не установлена принадлежность аккаунта, если нет данных о возрасте и адресности, дело может потерять перспективу. Поэтому критерии состава должны быть связаны с практическим алгоритмом доказывания. Юридическая конструкция должна быть понятна тем, кто первым принимает сообщение о преступлении.

В этом вопросе полезны исследования, посвященные расследованию кибергруминга в Казахстане. Они обращают внимание на необходимость уточнения процедур, адаптации следственных действий к участию

несовершеннолетних и развития работы с электронными данными [20]. Для подраздела это важно потому, что границы состава нельзя определять только теоретически. Они должны быть такими, чтобы следователь мог законно и бережно подтвердить факты, а суд мог проверить выводы.

Официальные и научные данные о динамике преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних также подтверждают необходимость осторожного подхода. Статистика показывает значимость проблемы, но сама по себе не объясняет все причины роста или снижения показателей [23]. На регистрацию влияют латентность, качество учета и готовность потерпевших обращаться за помощью [21]. Поэтому расширение уголовного запрета должно опираться не только на цифры, но и на анализ механизма вреда, доказуемости и защиты ребенка.

Цифровые исследования показывают, что правонарушители и ситуации онлайн посягательств неоднородны. Одни случаи связаны с попыткой дальнейшего контакта, другие с получением изображений, третьи с перепиской или обменом материалами [62; 63]. Поэтому закон не должен строиться на жестких психологических типах. Он должен фиксировать юридически значимые действия. Для состава развращения такими признаками являются сексуализированная направленность, адресность ребенку, проверяемость данных и реальный риск вреда развитию.

Также важно учитывать, что профилактика и квалификация взаимосвязаны. Если границы состава ясны, школы, родители, службы помощи и полиция лучше понимают, какие сигналы требуют немедленного реагирования. Если границы неясны, часть сигналов может быть проигнорирована как сомнительная, а часть обычных ситуаций может быть излишне криминализирована. В обоих случаях страдает защита ребенка. Поэтому единообразие квалификации является не только судебной задачей, но и условием эффективной профилактики.

Предлагаем понимать границы уголовного вмешательства через четыре связанных критерия. Поведение должно быть адресовано ребенку или лицу, воспринимаемому как ребенок. Оно должно иметь сексуализированную направленность. Эта направленность должна подтверждаться объективными данными. Действие должно создавать реальный риск нарушения половой неприкосновенности или нормального развития ребенка. При отсутствии хотя бы одного из этих критериев применение состава развращения становится спорным и требует особой осторожности.

Такая модель помогает разграничивать офлайн и цифровые случаи без создания двух разных составов. В офлайн ситуации доказательствами могут быть показания, медицинские данные, записи камер, сведения о месте и поведении участников. В цифровой ситуации ключевое значение получают переписка, файлы, данные аккаунтов и сведения платформ. Но правовой вопрос остается

единым. Нужно установить, было ли сексуализированное воздействие на ребенка и создавало ли оно реальный риск охраняемым интересам.

В рамках двойного интереса половую неприкосновенность можно понимать как запрет на превращение ребенка в объект сексуального использования. Нормальное развитие можно понимать как защиту ребенка от преждевременной и принудительной сексуализации, особенно когда она происходит через доверие, секретность и зависимость. Вместе эти интересы позволяют видеть реальный вред цифрового воздействия. Но они также требуют ясной границы, чтобы уголовное право не становилось средством наказания за неопределенные моральные оценки.

Поэтому предлагаемая модель не расширяет состав без ограничений. Она, напротив, делает расширение управляемым. Закон может учитывать цифровые способы воздействия, но только при наличии проверяемых признаков. Суд может оценивать переписку как форму развращения, но не должен подменять доказательства предположениями. Следствие может вмешиваться раньше, но обязано сохранять данные и беречь ребенка. Именно в таком сочетании двойной охраняемый интерес приобретает практическое значение.

Резюмируя, можно подчеркнуть, что криминологические исследования по онлайн грумингу показывают стадийность вовлечения, включая установление доверия, десенситизацию и создание секретности, что может объяснять, почему ребенок не сообщает и почему вред формируется до офлайн контакта. Исследования груминга показывают повторяемость стратегий манипуляции, однако одновременно подчеркивают контекстность коммуникации, что предостерегает от прямой подмены юридических критериев психологическими маркерами. Границы уголовно правового вмешательства должны проводить линию между сексуализированным воздействием и неопределенной коммуникацией, используя критерии адресности, направленности и объективной подтверждаемости угрозы. Критерии разграничения, обеспечивающие единообразие квалификации, должны быть согласованы со смежными составами, с появлением новых норм о приставании, с судебными разъяснениями и с практическими стандартами расследования и защиты ребенка в процессе.

В итоге можно сформулировать основное положение настоящего подраздела. Состав развращения малолетних должен строиться вокруг двойного охраняемого интереса. Он защищает половую неприкосновенность ребенка и его нормальное развитие. Эти интересы не конкурируют между собой, а взаимно уточняют границы запрета. Половая неприкосновенность не позволяет игнорировать сексуализированную направленность. Нормальное развитие позволяет учитывать бесконтактные и цифровые формы воздействия, если они создают реальный риск вреда.

Границы вмешательства должны определяться через законность, доказуемость и бережное отношение к ребенку. Законность требует понятных

признаков состава и ясного разграничения со смежными нормами. Доказуемость требует сохранения и проверки цифровых данных. Бережное отношение требует сокращения повторных допросов и защиты личной жизни ребенка. Такая система соответствует международным стандартам защиты детей и не противоречит правам обвиняемого на справедливый процесс [11; 13; 33; 36].

Для единообразия квалификации в офлайн и цифровых сценариях предлагается закрепить общую логику оценки. Нужно устанавливать возраст потерпевшего, адресность поведения, содержание воздействия, сексуализированную направленность, реальность риска, доказуемость цифровых или иных следов, а также связь со смежными составами. Такой подход позволяет не противопоставлять обычные и цифровые формы развращения. Он показывает, что различаются способы и доказательства, но охраняемый интерес и основные критерии остаются едиными.

Научная новизна такого подхода заключается в том, что двойной охраняемый интерес используется не как общая декларация, а как практический инструмент. Он помогает определить, когда уголовное право должно вмешиваться, когда нужно ограничиться профилактическими или административными мерами, и как отличать развращение от приставания, насильственных посягательств и иных смежных деяний. Это особенно важно для Казахстана, где цифровая среда уже стала постоянным каналом контакта, воздействия и сокрытия следов.

1.3 Сравнительно-правовые модели защиты детей от сексуальных посягательств в цифровой среде

Настоящий подраздел завершает первый раздел и переводит выводы, полученные, в частности, в подразделе 1.2, в плоскость проектирования многоуровневой профилактики развращения малолетних и оценки ее эффективности. Его задача состоит не в повторении национально-правового анализа, а в сравнительно-правовом анализе, который позволяет использовать международные стандарты и зарубежные решения для уточнения национальной модели запрета и профилактики, защиты малолетних в условиях цифровизации, а также для проверки двойного охраняемого интереса - половой неприкосновенности и нормального развития ребенка.

Схожую конструкцию закрепляет Директива ЕС 2011/93, устанавливающая минимальные правила определения преступлений и санкций в сфере сексуального насилия и эксплуатации детей, а также отдельные требования к профилактике, к защите потерпевших и к устранению барьеров сообщения со стороны специалистов, работающих с детьми. В совокупности эти источники подтверждают, что офлайн профилактика должна включать раннее выявление, межведомственные процедуры помощи и процессуальные гарантии, а

эффективность должна оцениваться не только по реактивным показателям уголовного преследования, но и по управляемым параметрам доступа ребенка к защите и поддержке [73; 35].

Так, немецкое уголовное право в конструкции сексуального злоупотребления детьми привязывает базовую охрану к порогу до 14 лет и, помимо непосредственных сексуальных действий, охватывает совершение сексуальных действий в присутствии ребенка, побуждение ребенка к сексуальным действиям, а также предъявление ребенку порнографических изображений или иных материалов. Сравнительный вывод состоит в том, что юридическая охрана в подобных составах направлена не только на предотвращение телесного контакта, но и на недопущение ранней сексуализации и деформации развития, что подтверждает доктринально важный тезис о двойном охраняемом интересе. Для Казахстана это имеет значение при выработке единообразных критериев разграничения между развращением и смежными посягательствами, поскольку в офлайн сценариях существенную роль играют демонстративные действия, контекст доверия и постепенное вовлечение, а оценка таких действий должна опираться на проверяемые признаки воздействия и на возрастной фильтр, а не на свободное усмотрение [74].

В той же логике предусмотрены инструменты, позволяющие пресекать поведение на ранних стадиях, когда имеются основания полагать, что ребенок находится в зоне риска, но уголовный порог еще не достигнут. Сравнительный вывод заключается в том, что профилактика в офлайн среде опирается на юридически формализованные триггеры раннего реагирования, а также на стандарты документирования намерения и риска, что обеспечивает баланс между превенцией и гарантиями и уменьшает вероятность произвольного вмешательства [75].

В части поствиктимной защиты и снижения вторичной виктимизации офлайн сравнительно правовой материал демонстрирует институционализацию мультидисциплинарных моделей, которые объединяют уголовное расследование и социально медицинскую помощь. Модель, продвигаемая Советом Европы, описывается как дружественный ребенку механизм координации параллельных уголовных и социальных расследований, где под одной крышей взаимодействуют прокуратура, полиция, социальные службы и медицинские специалисты. Ее функциональная ценность состоит в том, что получение сведений от ребенка для целей доказания сочетается с немедленным обеспечением защиты и поддержки, включая медицинскую и терапевтическую помощь, а организационная форма снижает риск повторной травматизации за счет сокращения числа контактов и исключения дублирования процедур. Для национальной модели профилактики это важно по двум причинам. Во-первых, уменьшается барьер сообщения, поскольку семья видит предсказуемый и не карательный маршрут помощи. Во-вторых, повышается доказательственная

устойчивость, поскольку форензик интервью и сопутствующие процедуры организуются по стандартам, ориентированным на достоверность и на интересы ребенка [76; 77].

Сопоставимую по логике модель демонстрирует сеть детских адвокационных центров в США, где ключевым элементом выступает межведомственная команда, обеспечивающая единый маршрут для ребенка и его законного представителя. Публичное описание модели подчеркивает, что ребенок дает информацию один раз обученному интервьюеру в безопасной обстановке, после чего специалисты правоохранительных органов, служб защиты детей, медицинские и психологические работники, прокуроры и виктимологические службы совместно принимают решения о необходимых мерах помощи и расследования. Для целей настоящей диссертации значимо, что такая организация работы одновременно снижает вторичную виктимизацию, повышает качество информации и ускоряет принятие решений, то есть создает условия, при которых поствиктимная защита является не внешним социальным сервисом, а функциональной частью уголовно правовой охраны [78].

Критерии эффективности офлайн поствиктимных моделей в зарубежной практике задаются через измеримые стандарты качества, которые могут быть использованы при построении национального мониторинга. В международных стандартах качества фиксируются требования к своевременности, включая предоставление ребенку и не виновным опекунам полной и понятной информации, возможность учитывать мнение ребенка при планировании вмешательств и минимизацию неоправданных задержек. Эти параметры трансформируются в управленческие индикаторы, такие как время от первого сигнала до первого интервью, число повторных опросов, доля случаев с подтвержденной маршрутизацией в поддержку и доля случаев, где обеспечены медицинская и психологическая помощь в раннем периоде. В казахстанском контексте использование подобных индикаторов позволяет связать многоуровневую профилактику с измеримой результативностью и с оценкой качества межведомственной координации [79].

В международном аспекте особую актуальность исследуемая проблематика приобрела в связи с развитием цифровой среды. Цифровая среда стала инфраструктурой повседневной жизни детей, поскольку общение, обучение, игры, творчество и участие в общественной жизни опосредуются платформами, мессенджерами и алгоритмами рекомендаций. Одновременно цифровые технологии меняют «экономику преступления», а именно снижают стоимость поиска уязвимых жертв, позволяют выстраивать доверие дистанционно, обеспечивают анонимизацию и быстрое распространение противоправного контента. Для Казахстана это означает необходимость постоянной адаптации уголовно-правовой охраны и профилактики. В связи с развитием цифровых технологий требуется четкое описание составов

преступлений и квалифицирующих признаков (включая онлайн-формы), а также развитие комплексной законодательной модели предотвращения и выявления рассматриваемых преступлений. Первые шаги уже были предприняты в 2024 году, предусматривающие законодательные изменения, направленные на безопасность детей и усиление ответственности за сексуальные домогательства в отношении несовершеннолетних [80].

Нормативная база онлайн-защиты детей не ограничивается уголовным законом. Она включает информационно-правовые механизмы (возрастная маркировка и ограничения доступа к вредной информации), требования к субъектам медиарынка и цифровых сервисов, а также меры государственной и общественной профилактики. Такие механизмы в Казахстане заложены в Законе РК «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В этом правовом акте определяется какая информация может быть опасной для детей, и устанавливает обязанности для создателей контентов. Также важную роль играет Закон РК «О правах ребенка», поскольку в нем закреплен запрет насилия и обязанность государства обеспечить защиту и поддержку детей [81]. В части прав ребенка в цифровой среде применимы также замечания общего порядка № 25 Комитета ООН по правам ребенка, Конвенция о правах ребенка, где подчеркивается необходимость сочетать защиту, участие и развитие ребенка без превращения цифровой политики в политику запрета.

Масштаб описываемых проблем подтверждается международными исследованиями, отчетами международных организаций и ростом числа выявляемых преступлений, совершаемых в отношении малолетних детей. К таким деяниям отнесены распространение материалов сексуального насилия над детьми, вымогательство интимных изображений, установление контакта с ребенком через Интернет для последующего вовлечения в опасные ситуации.

Международные организации подчеркивают, что цифровая среда усиливает уязвимость за счет комбинации таких факторов как, высокая доступность коммуникаций, эффект сетевой анонимности, автоматическое продвижение контента и отсутствие ответственности частных платформ. В частности, UNICEF в исследовательской повестке акцентирует необходимость перехода от реактивного реагирования к превентивным решениям, основанным на данных, межведомственном сотрудничестве и защите прав ребенка в цифровой среде [82].

В научной литературе для описания преступлений, опосредованных технологиями, используется концепт, объединяющий: (1) контактные посягательства, подготовка и совершение которых обеспечиваются цифровыми коммуникациями; (2) бесконтактные формы (принуждение к демонстрации интимных частей тела, распространение изображений, домогательства и т.п.); (3) производную виктимизацию, когда контент и данные о ребенке многократно используются и ретравматизируют. Систематические обзоры по онлайн-

грумингу показывают, что злоумышленники адаптируют стратегии под особенности платформ (мессенджеры, игровые сервисы, соцсети), а также под возраст и психосоциальные уязвимости жертв. Часть сценариев строится не на прямой угрозе, а на постепенной нормализации сексуализированного общения, изоляции и манипуляции [83].

Нормативное основа защиты малолетних формируется международными стандартами прав ребенка, национальным законодательством. Замечание общего порядка № 25 Комитета ООН по правам ребенка уточняет, что обязательства государств по Конвенции о правах ребенка распространяются на цифровую среду, включая регулирование деятельности частных субъектов, оценку воздействия цифровых продуктов на права детей, доступ к эффективной защите и механизмам жалоб. Таким образом, международный стандарт фиксирует, что защита детей онлайн - не только уголовно-правовая реакция, но и комплекс мер управления рисками, цифрового регулирования, образования и поддержки [84]. При этом национальная система является набором взаимосвязанных возможностей - предотвращение, выявление, расследование и судебное преследование, защита и реабилитация жертв, управление данными и партнерство.

Для темы сексуальных посягательств над детьми ключевое значение имеют специализированные договоры, ориентированные на криминализацию и профилактику. Ланцаротская конвенция Совета Европы вводит стандарт криминализации широкого спектра деяний, связанных с сексуальной эксплуатацией и насилием над детьми, включая онлайн-груминг и преступления, связанные с материалами сексуального насилия над детьми. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка по торговле детьми и детской порнографии закрепляет международный минимум криминализации и международного сотрудничества, который актуален и для цифровых форм эксплуатации [12].

Цифровая среда делает критическим вопрос международного сотрудничества и процедур доступа к данным. Будапештская конвенция о киберпреступности задает стандарты процессуальных инструментов (сохранение данных, обыск и выемка компьютерных данных, перехват и др.), в то время как новая универсальная Конвенция ООН против киберпреступности призвана укрепить глобальные механизмы сотрудничества, включая взаимную правовую помощь и оперативные каналы взаимодействия. Для защиты детей это означает, что национальная модель должна быть совместима с международными процедурами, иначе расследование трансграничных цифровых эпизодов будет системно «опаздывать» [85; 86].

Наднациональные акты ЕС существенно повлияли на развитие европейских моделей защиты детей онлайн. Директива 2011/93/ЕС закрепляет единый подход к криминализации, ответственности за материалы сексуального

насилия над детьми и к мерам помощи жертвам. В 2022 году Европейская комиссия предложила специальный Регламент о предотвращении и борьбе с сексуальным насилием над детьми онлайн (Регламент), который стремится установить обязанности для поставщиков услуг по оценке рисков, выявлению, сообщению и устранению материалов и угроз. Этот пакет стал одним из самых дискуссионных из-за коллизий между эффективностью выявления и требованиями к защите приватности и безопасности коммуникаций [87; 88].

В европейской дискуссии вокруг названного Регламента выявляется методологически важный для Казахстана конфликт, как обеспечить высокий уровень выявления и предотвращения, не создавая системных уязвимостей и не подрывая доверие к защищенным коммуникациям. Совет ЕС публично фиксирует необходимость баланса прав и эффективности будущих правил и движется к формированию общей позиции, а Европейский парламент поддерживает мониторинг законодательного процесса, позволяющий оценивать стадии и компромиссы. Вместе с тем надзорные органы по защите данных (EDPS) предупреждают о рисках, если «сканирование» станет фактически обязательным и будет затрагивать шифрование, создавая угрозы приватности и кибербезопасности [89].

Проведенное нами сравнительно-правовое исследование и изучение международного сотрудничества [90] строится в настоящем подразделе как матрица согласования, в которой каждая национальная модель оценивается по семи блокам - определение и охват составов преступлений, квалифицирующие признаки и санкции, учитывающие использование ИКТ, процессуальные инструменты и доступ к цифровым доказательствам, обязанности платформ и регуляторный комплаенс, превентивные меры и цифровая грамотность, защита, поддержка и реабилитация жертв, данные, мониторинг и международное сотрудничество. Такая структура коррелирует с международными методологиями оценки политики защиты детей онлайн и позволяет переносить лучшие практики без механического копирования. Для блока платформенной ответственности и прозрачности полезны подходы ОЭСР, обобщающие добровольные практики отчетности и критерии сопоставимости данных.

В исследовательской литературе подчеркивается, что управление риском груминга и онлайн-эксплуатации неизбежно сталкивается с размытыми границами между легитимным общением и вредоносными намерениями; поэтому эффективные модели сочетают уголовно-правовые запреты с превентивными, контекстными мерами и оценкой поведения. Такой подход развивает исследования феномена груминга как институционального, семейного и цифрового феномена.

Методологически матрица соотносится с практическими руководствами для индустрии и нашими ранее проведенными исследованиями [91].

Международные стандарты формируют минимальный набор деяний, которые государство должно криминализировать и эффективно преследовать. В европейской модели (Ланцаротская конвенция и ее разъясняющие материалы) акцент сделан на широком охвате - от контактных посягательств до бесконтактных форм эксплуатации, включая склонение ребенка к сексуальным действиям с использованием ИКТ и преступления, связанные с материалами сексуального насилия над детьми. Особенность цифровой среды состоит в том, что вред может возникать без физического контакта - через принуждение к созданию интимных изображений, шантаж угрозой распространения, а также через эксплуатацию в прямых трансляциях. Именно поэтому международные стандарты подчеркивают необходимость предотвращения вторичной виктимизации и многократного обращения контента [92].

Технические и политические документы международных организаций постепенно закрепляют терминологию, подчеркивающую, что речь идет о фиксации насилия и эксплуатации, а не о «порнографии» как жанре. Такое смещение важно не только семантически, поскольку оно влияет на этику работы с доказательствами, на психологическую поддержку жертв и на комплаенс индустрии. Сравнительные обзоры международных организаций показывают, что терминологическая унификация повышает сопоставимость статистики и улучшает международное сотрудничество, а «модельные» руководства для законодателей помогают государствам избегать как «узких» составов, так и избыточно расплывчатых формулировок.

Международное право прав ребенка все отчетливее требует от государств управлять цифровыми рисками через регулирование частных субъектов.

UNICEF отмечает, что онлайн эксплуатация детей часто связана с получением денег через подписки, рекламу, переводы или продажу контента. Поэтому государство должно не только наказывать виновных, но и требовать от интернет-платформ снижать риски, быстро удалять опасный контент и сообщать о нарушениях. Также нужен независимый контроль за тем, как эти меры выполняются. При этом защита детей не должна полностью ограничивать их право на общение и доступ к информации [93].

Безопасность детей должна учитываться еще при создании приложений и сайтов, а не только после появления жалоб. Механизмы помощи и подачи жалоб должны быть простыми и понятными для детей разного возраста [94].

Исследования показывают, что дети способны артикулировать практические риски. Например, где именно они сталкиваются с домогательствами или манипуляциями и предлагать решения, которые взрослые регуляторы часто не видят. Поэтому права ребенка в цифровой среде следует трактовать как «треугольник» защиты, участия и развития.

На уровне ЕС ход законопроекта по CSAM Regulation отражает попытку институционализировать комплексную схему, где обязанности провайдеров

подкрепляются надзором и координационными структурами. Для компаративного анализа полезно отслеживать стадии обсуждения в официальных трекерах законодательства, поскольку они показывают, какие проблемы считаются наиболее спорными (шифрование, объемы сканирования, гарантии и др.) [95; 96].

Особую дискуссию в международной повестке вызывает использование автоматизированных средств выявления незаконного контента и сообщений. Юридический анализ последствий для приватности и безопасности коммуникаций показывает, что если государство требует массового или непропорционального сканирования, возникают риски расширения целей, ошибок алгоритмов, дискриминационных эффектов и утечек данных. В то же время отказ от технологических инструментов в условиях огромных объемов контента ведет к практически полной неэффективности выявления. Поэтому современные модели в развитых странах ищут баланс и комбинируют высокоточные технические методы (например, «robust hashing») с процедурами контроля, отчетности и аудитом эффективности и ошибок [97].

Однако цифровая среда требует постоянной корректировки уголовно-правовых запретов. Научные публикации по онлайн-грумингу [98] подчеркивают, что значимая часть преступного поведения относится к стадии установления контакта, манипуляции и подготовки, и законодательство должно решать вопрос - какие подготовительные действия являются социально опасными и доказуемыми, а какие - подпадают под сферу профилактики и административного реагирования. В этой связи, мы в своих исследованиях также поднимали вопрос о том, что для Казахстана актуально сопоставить национальные составы с международными стандартами и выделить квалифицирующие признаки, в частности, связанные с повторностью и групповыми формами [99].

Криминализация не может быть эффективной без ясного разграничения терминов и без учета психологических механизмов вовлечения. Психолого-правовые исследования [100] показывают, что онлайн-груминг обычно развивается не как одномоментное принуждение, а как процесс, в котором преступник использует доверие, создает иллюзию близости, снижает «барьеры нормы» и формирует у ребенка ощущение соучастия или «вины». Для следственной и судебной практики это означает, что при оценке умысла и опасности следует учитывать динамику коммуникации, содержание манипуляций и контекст отношений, а не только отдельные реплики. В профилактике - строить сообщения и программы так, чтобы дети могли распознавать типичные сценарии вовлечения, понимать, что ответственность всегда лежит на взрослом преступнике, и знали безопасные каналы обращения за помощью.

Правовая модель защиты детей в цифровой среде должна включать не только уголовно-правовые запреты, но и измеримую профилактику. Оценка ITU по Казахстану показывает, что эффективность политики повышается, когда государство формирует: (а) единые стандарты детской онлайн-безопасности; (б) координацию между органами образования, соцзащиты и правоохранительными органами; (в) постоянные образовательные модули; (г) партнерство с индустрией. Казахстанские исследования в области медиаправа и журналистики дополнительно подчеркивают, что нормативные ограничения вредной информации должны сопровождаться цифровой грамотностью, иначе ребенок остается один на один с рисками в закрытых коммуникациях и «серых» платформах [101].

В развитых странах такие маршруты часто включают школьные протоколы сообщения, специализированные горячие линии/центры приема сигналов, психологическую помощь, а при необходимости - срочные меры защиты и сопровождение расследования. Следует согласиться, что для Казахстана важна институциональная связка, а именно школа и социальные службы должны уметь распознавать признаки онлайн-виктимизации и действовать по стандарту. Правоохранительные органы должны обеспечивать быстрый сбор цифровых доказательств без повторной травматизации ребенка. Усиление межведомственных протоколов особенно актуально в случаях, когда «цифровой эпизод» связан с офлайн-риском (возможность встречи, насилия, похищения) [102; 103].

В условиях цифровой среды расследование преступлений против несовершеннолетних требует ускоренных процедур фиксации доказательств и специализации кадров. Практико-ориентированные материалы подчеркивают роль стандартизированных действий на раннем этапе [104]. В частности, сохранение переписки, фиксация метаданных, работа с устройствами и облачными сервисами, корректное получение информации от платформ.

Казахстанские исследования показывают, что цифровые преступления быстро меняются. Преступники используют анонимные сервисы, криптовалюту, закрытые чаты и автоматические рассылки. Поэтому государству нужно постоянно обновлять методы расследования, обучать специалистов и развивать сотрудничество с другими странами и интернет-платформами. Для профилактики важно вовремя замечать подозрительное поведение и признаки угрозы [105].

Для эффективной борьбы нужны точные данные о преступлениях. Важно отдельно учитывать преступления, совершенные через интернет, способы их совершения и случаи повторного вреда детям. Иначе меры профилактики будут строиться на неполной статистике, а не на реальных рисках [106].

Цифровые преступления против детей часто связаны с распространением личных данных и интимных изображений. Это может усиливать

психологический вред и общественное давление на потерпевшего. Поэтому необходимо защищать конфиденциальность материалов дела и персональные данные детей. Исследования также показывают, что качество помощи потерпевшим влияет на их готовность обращаться за защитой [107; 108].

Европейская модель защиты детей в цифровой среде исторически опиралась на унификацию уголовно-правовых запретов и механизмов помощи жертвам, а в последние годы усиливает платформенный компонент. Сдвиг объясняется практикой. При огромных объемах контента и коммуникаций государство не может рассчитывать только на расследование «после факта». Необходимы обязанности по управлению риском на стороне сервисов, где возникает вред. В сравнительных исследованиях подчеркивается, что успех таких моделей зависит от трех условий: (1) четко определенных обязанностей; (2) независимого надзора и аудита; (3) технической реализуемости мер без подрыва безопасности и прав. В глобальном обзоре протоколов противодействия онлайн-эксплуатации отмечается, что европейские подходы стремятся институционализировать стандартизированные механизмы взаимодействия государства и индустрии, включая единые центры координации и общие форматы данных для трансграничного обмена [109; 110].

Британская модель показывает, что ранний уголовный запрет вместе с контролем интернет-платформ помогает не только расследовать уже совершенные деяния, но и предупреждать их [111; 112; 113].

В США главный упор сделан на обязанность интернет-сервисов сообщать о материалах сексуального насилия над детьми. Это закреплено в федеральном законе 18 U.S.C. § 2258A. Плюс этой модели в том, что государство получает много данных для выявления преступлений. Но ее эффективность зависит от качества технологий, защиты прав участников и ресурсов для проверки сообщений. Отдельной проблемой остается вымогательство интимных изображений, когда жертвы боятся обращаться за помощью из-за стыда или угроз [114; 115]

В Канаде действует ответственность за заманивание ребенка через телекоммуникации. Это правило закреплено в статье 172.1. Уголовного кодекса этой страны. Такой состав позволяет реагировать до фактического насилия. Для Казахстана этот подход может быть полезен как ранняя защита, но он требует дополнительного изучения. Профилактику также усиливают программы, которые учат подростков распознавать манипуляции и безопасно вести себя в сети [116; 117].

Австралийская модель тоже делает акцент на использовании телекоммуникаций. Закон прямо учитывает цифровой способ вовлечения ребенка и распространения вредного контента. Модель дополняется работой специального органа, который разрабатывает стандарты, инструменты помощи для детей и родителей, а также механизмы реагирования на опасный онлайн

контент [118]. В целом, отчеты об онлайн сексуальной эксплуатации детей помогают лучше понимать масштаб проблемы.

Для Казахстана показательно, что в этой модели наличие специализированного регулятора (или устойчивой специализированной функции) повышает согласованность профилактики, комплаенса индустрии и поддержки жертв.

Германия демонстрирует континентальную модель, в которой защита детей в цифровой среде складывается из сочетания уголовно-правовых запретов, медиа-регулирования и специальной системы защиты несовершеннолетних от вредной информации. На уровне «быстрого реагирования» на незаконный контент действует законодательство о принудительном исполнении требований по удалению противоправных материалов на платформах (NetzDG), которое повлияло на практику модерации и отчетности больших платформ [119]. Параллельно действуют требования к защите детей и молодежи в медиасреде. В частности, установлены возрастная классификация, ограничения доступа, требования к провайдерам и механизмы саморегулирования [120]. Для Казахстана данный опыт, показателен тем, что континентальная модель сильна тогда, когда молодежная медиа-защита и уголовное право работают как единая экосистема, а не как два несвязанных массива норм. Иначе платформы выполняют «формальные» требования, не снижая реальный риск виктимизации.

На уровне ЕС континентальная модель усиливается через горизонтальное платформенное регулирование. Здесь закреплена риск-ориентированная модель «должной осмотрительности» для онлайн-посредников, а именно обязанности по оценке рисков, мерам снижения, прозрачности, доступу исследователей к данным и надзору со стороны публичных органов. Для темы защиты детей важно, что законодателем создается общий каркас для борьбы с незаконным контентом и для повышения подотчетности больших платформ [121]. Отдельно в ЕС легализовано добровольное обнаружение и сообщение об онлайн преступлениях [122]. Думается, сравнительный урок для нашей страны состоит в том, что Казахстану целесообразно развивать не только уголовно-правовые нормы, но и горизонтальные требования к платформам по управлению рисками, с опорой на прозрачность, аудит и независимый надзор.

Отдельного внимания заслуживает британский подход, предлагающий модель регулирования, при которой цифровые сервисы (провайдеры) обязаны проектировать свои услуги с учетом интересов ребенка. Здесь главные требования по умолчанию - высокая приватность, минимизация сбора данных, ограничения профилирования, понятные объяснения и отсутствие практик, подталкивающих ребенка к рискованному поведению. Научно-политические исследования о данных детей и приватности показывают, что именно дизайн интерфейсов и экономическая модель платформы (монетизация внимания) в значительной степени формируют риски онлайн-домогательств. В частности,

публичность профиля, контакт-рекомендации, автоматическое добавление в чаты и другие создают такой риск [123]. Думается, данный опыт показывает, что даже без прямого копирования британского подхода в Казахстане возможно внедрение принципов «безопасности по умолчанию» через требования к платформам и к цифровым продуктам, используемым в образовании.

Международные организации рассматривают защиту детей онлайн как часть более широкой политики детского благополучия. Доклады UNICEF о детях в цифровом мире подчеркивают двойственность цифровой среды. Она расширяет образовательные и социальные возможности, но одновременно создает новые формы насилия и эксплуатации. Из этого следует ключевой принцип профилактики, что нельзя выстраивать политику исключительно вокруг ограничений доступа. Необходимы навыки, участие детей и доступ к поддержке. Обзорные исследования по цифровой грамотности показывают, что эффективность мер повышается, когда обучение строится не только на «правилах безопасности», но и на критическом мышлении, эмоциональной компетентности, навыках коммуникации и умении обращаться за помощью [124].

Если рассматривать проблему как часть более широкой повестки предотвращения насилия над детьми, полезно интегрировать цифровое измерение в комплексные стратегии (например, INSPIRE). Такие стратегии предполагают сочетание правового запрета, служб поддержки, изменения норм поведения, экономических и социальных мер, а в цифровой среде - также регулирование платформ и цифровую грамотность. Обзоры показывают, что наилучший эффект дают вмешательства, которые одновременно повышают знания о рисках, развивают навыки безопасной коммуникации и укрепляют доверие к каналам сообщения [125; 126]. Этот опыт показывает, что нужно оценивать профилактику по результатам, по изменениям поведения и росту обращаемости, а не по количеству мероприятий.

Европейский подход по Ланцаротской конвенции показывает, что цифровую защиту детей нужно развивать системно. Недостаточно изменить только уголовный закон. Нужно одновременно развивать профилактику, помощь жертвам, обучение специалистов и международное сотрудничество. Важны простые способы сообщения об угрозе, снижение стыда у потерпевших и четкие правила для школ и других учреждений [127; 128].

Образ «онлайн хищника» как чужого человека, действующего прямо и грубо, часто упрощает проблему. На самом деле все сложнее. Как уже упоминалось все происходит постепенно через получение доверия. Поэтому профилактика должна учитывать реальные сценарии общения, возраст детей и их цифровые навыки [129].

Отдельная проблема связана с личными данными детей. Чаще всего риск возникает из открытых профилей детей, геометок, публичных фото и функций поиска друзей. Иногда сами интерфейсы подталкивают ребенка раскрывать

лишнюю информацию о себе. Поэтому меры защиты не должны требовать чрезмерного сбора данных. Они должны учитывать приватность, кибербезопасность и доступность помощи [130].

Для расследования цифровых преступлений важны электронные доказательства и трансграничное сотрудничество. Для успешного расследования важно чтобы была возможность быстро сохранять данные. Запросы к провайдерам должны быть понятными и стандартными. Нужны подготовленные специалисты, а для международного сотрудничества должны быть отработанные понятные процедуры [131].

Для Казахстана наиболее полезен риск ориентированный подход. Государство должно ставить цель снизить риск домогательств и эксплуатации детей. Платформы должны оценивать риски, принимать меры защиты и показывать, как они это делают.

Полагаем, для Казахстана нужно перенять зарубежный опыт когда государство обязывает платформы открыто показывать, что они проводять оценку рисков для детей, обеспечивают прозрачноть и в то же время конфиденциальность данных детей.

Показательно, что в Великобритании развитие онлайн-регулирования сопровождается детальными руководствами регулятора по оценке рисков для детей и по выполнению обязанностей безопасности: это делает требования исполнимыми и проверяемыми. На уровне кибербезопасности и управления угрозами полезны общеевропейские практики анализа ландшафта угроз и рекомендаций для платформ и пользователей. Они помогают увязать правовые меры с реальными техниками злоумышленников и с типовыми уязвимостями сервисов. Соответственно, полезен вывод, что эффективность достигается не максимальным объемом запретов, а повторяемым циклом: риск-оценка - меры - проверка - корректировка» [132].

Сравнительное право показывает, что борьба с онлайн-эксплуатацией детей не должна разрушать такие фундаментальные гарантии как, приватность, безопасность коммуникаций и доступ к информации. Отчеты специальных процедур ООН по вопросам сексуальной эксплуатации детей подчеркивают, что государствам следует выбирать меры, которые одновременно эффективны и пропорциональны, а также обеспечивать доступность средств правовой защиты и поддержки жертв. Сходную логику закрепляют и политики международных организаций (например, рекомендации ОЭСР), которые рассматривают защиту детей онлайн как комплекс мер, включающий регулирование индустрии, образование, доступ к помощи и соблюдение прав ребенка. Любая мера (мониторинг, сканирование, возрастная идентификация) должна проходить оценку с точки зрения воздействия на права ребенка и кибербезопасность [133].

Итак, самый опасный этап рассматриваемого преступления начинается с первого контакта. В этот момент ребенок еще может не понимать, что им

манипулируют. Поэтому меры профилактики должны учить детей распознавать давление, защищать их личные границы, прекращать опасное общение, сохранять доказательства, при необходимости обращаться за помощью в правоохранительные органы. Важно объяснять малолетним детям опасность самостоятельного создания интимных изображений, поскольку такие материалы могут использоваться для шантажа и контроля [134].

Искусственный интеллект (ИИ) и технологии дипфейки меняют структуру угроз. Сегодня становится возможным создавать реалистичные изображения и видео сексуального насилия над детьми без участия реальной жертвы или на основе «подмешивания» реальных детских лиц. Это поднимает сложные вопросы для уголовного права - как квалифицировать синтетический контент, как соотнести его с охраной достоинства и неприкосновенности ребенка, и какие меры допустимы для обнаружения и пресечения распространения. Европейские аналитические обзоры подчеркивают, что дипфейки могут использоваться не только для порнографизации, но и для шантажа, кибербуллинга и «репутационного уничтожения» подростка, что требует междисциплинарной реакции - уголовно-правовой, административной и образовательной. Материалы исследований о злоупотреблениях ИИ демонстрируют, что синтетический контент уже используется в преступных сообществах, а скорость и масштаб распространения делают традиционную ручную модерацию недостаточной [135; 136].

Цифровая эксплуатация детей часто носит трансграничный характер. Преступник, платформа, сервер и жертва могут находиться в разных странах. Это требует оперативных каналов, унифицированных форматов данных, совместимых процедур сохранения и передачи доказательств и механизмов совместных расследований. Международные полицейские структуры (INTERPOL) развивают практические руководства и операционные инструменты для борьбы с сексуальной эксплуатацией детей в сети, в том числе по идентификации жертв и по координации между странами. Вместе с тем рамочные модели предлагают рассматривать международную кооперацию как отдельную «способность» национальной системы. Она должна быть обеспечена нормативно, организационно и ресурсно (контакты, обучение, инфраструктура). Для Казахстана это означает, что международное сотрудничество должно быть встроено в национальную архитектуру как постоянный процесс, а не как разовое реагирование на резонансные дела [137].

Монографические исследования, посвященные обращению с материалами сексуального насилия над детьми и управлению правовыми рисками, подчеркивают, что эффективные модели одновременно решают задачу защиты ребенка и задачу правовой определенности. Недопустимо создавать составы, которые невозможно отличить от легитимного общения или которые приводят к массовым ошибкам и необоснованным обвинениям. В этом смысле полезны и

международные практико-ориентированные исследования, рассматривающие «просмотр/хранение» незаконного контента, профилактику рецидива и поддержку жертв как элементы единой политики [138].

В практической плоскости полезно опираться на научные концепции онлайн-эксплуатации (которые описывают пересечение офлайн-и онлайн-рисков) и на разработки по виртуальной профилактике киберпреступлений, где подчеркивается роль цифровых инструментов раннего предупреждения, взаимодействия школы и семьи и профилактической коммуникации [139].

Коммуникация должна быть связана с измеримыми индикаторами: рост обращений в безопасные каналы, сокращение времени реагирования, доля случаев, где ребенок получил психологическую помощь, качество удаления контента и скорость сохранения цифровых доказательств. В этом контексте полезны публичные сообщения международных и национальных организаций, которые фиксируют конкретные риски и динамику случаев. Публикации UNICEF Казахстан о зарегистрированных случаях онлайн-домогательств [140] и материалы казахстанских правовых изданий, обсуждающие профилактику, могут выступать базой для разработки национальной коммуникационной стратегии и для адаптации содержания школьных модулей.

При проектировании таких требований важно учитывать» специфику построения платформ. Здесь часть рисков связана не с контентом как таковым, а с рекомендательными алгоритмами, дизайном интерфейса и бизнес-моделью. Юридические исследования ответственности платформ подчеркивают, что спор вокруг «кто виноват - пользователь или платформа» не должен мешать построению процедур предотвращения. Цель регулирования - уменьшить вероятность вреда и обеспечить быстрый путь к помощи [141].

Теория приватности показывает, что приватность - структурный элемент безопасности. Если сервисы по умолчанию делают данные публичными, облегчают контакт неизвестных взрослых с детьми и стимулируют раскрытие информации, они повышают риск домогательств и эксплуатации [142]. Следовательно, политика защиты детей должна включать приватность и информационную безопасность как профилактику сексуального насилия. Важно избегать «технологического морализма». Следует согласиться, что вместо того чтобы пытаться полностью запретить ИИ, регулирование должно снижать риск вреда и обеспечивать доказуемые стандарты ответственности [143]. Думается, использование международных стандартов и руководств поможет «перевести» права ребенка в управляемые требования, делая регуляцию платформ проверяемой и воспроизводимой [144].

Сеть международных горячих линий и их практические руководства демонстрируют, что устойчивость достигается за счет стандартов качества, обучения аналитиков, соглашений с индустрией и регулярной публикации агрегированных показателей эффективности. Международные руководства

UNICEF по кейс-менеджменту подчеркивают, что без координации услуг ребенок может «потеряться» между ведомствами, а помощь станет эпизодической. Клинические рекомендации ВОЗ по реагированию на сексуальное насилие над детьми подчеркивают необходимость бережной, доказательной и безопасной поддержки, включая внимание к психосоматическим проявлениям и рискам самоповреждения [145].

Современные клинические руководства по терапии травмы у детей и подростков предлагают структурированные методы, которые могут быть адаптированы в национальной системе (с учетом языка, культуры и доступности услуг) [146]. Иными словами, и в Казахстане для цифровых дел следует добавить компонент «управления цифровым следом», такие как, консультации о приватности, о безопасности аккаунтов, о минимизации повторного распространения и о правовых механизмах удаления контента.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что эффективная защита детей от сексуальных посягательств в цифровой среде складывается из трех взаимосвязанных контуров - точной криминализации, включая ранние барьеры против груминга, охват сексторшна и обращение с CSAM/CSEM, риск-ориентированного регулирования платформ, включающего оценку рисков, меры снижения, прозрачность и независимый надзор, а также межведомственной профилактики и поддержки жертв, охватывающей маршрутизацию, психологическую помощь, конфиденциальность и цифровую криминалистику. Ключевой вызов ближайших лет - генеративный ИИ и синтетический контент. Он меняет объект охраны, масштаб и скорость распространения и ставит новые вопросы к доказательственности и модерации. Политические брифы UNICEF по ИИ и онлайн-эксплуатации подчеркивают необходимость действовать упреждающе, формировать стандарты и обеспечивать, чтобы инновации не увеличивали риск насилия над детьми [147].

В завершение сравнительно-правового анализа сформулируем краткий вывод, что для Казахстана целесообразно основываясь на мировом опыте поэтапно обновить стратегию, закрепить стандарты межведомственного реагирования, развивать горячие линии и удаление контента, обучать практиков, защищать данные жертв и включать детей в политику онлайн-безопасности.

2 Уголовно-правовые проблемы квалификации развращения малолетних

2.1 Возраст как источник коллизий в конструкции состава развращения малолетних

Настоящий подраздел посвящен возрасту как источнику коллизий в конструкции состава развращения лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, и смежных составов, образующих нормативный контур уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. В логике диссертации данный анализ является необходимым звеном между общетеоретической постановкой проблемы профилактики развращения малолетних и последующим моделированием устойчивой квалификации и доказательственных алгоритмов в цифровой среде.

Коллизии возрастных критериев в условиях цифровизации проявляются острее, поскольку фактическая сторона деяния все чаще включает дистанционные контакты, коммуникацию в сетях телекоммуникаций, цифровые следы, а также ситуации преднамеренного или ошибочного искажения возраста в аккаунтах и переписке. Это порождает расширение дискреции правоприменителя при выборе нормы, установлении заведомости возраста, оценке уязвимости и индивидуализации ответственности, что противоречит принципу законности и требованию нормативной определенности уголовного запрета. В связи с этим исследование обозначенной проблемы построено на выявлении и систематизации основных коллизий возрастных порогов и презумпций уязвимости и на конструировании модели их разрешения, ориентированной на минимизацию произвольного толкования и на повышение устойчивости квалификации при работе с электронными данными.

В казахстанской доктрине уголовного права и криминологии вопросы возрастной дифференциации в сфере половых посягательств традиционно обсуждаются в связке с категорией половой неприкосновенности и переходом от охраны исключительно нравственности к охране нормального психосексуального развития ребенка. При этом заметны две конкурирующие линии аргументации, различающиеся как по пониманию роли возраста, так и по оценке допустимости презумпций уязвимости. Первая линия исходит из приоритета формально закрепленного возрастного порога как достаточного критерия криминализации и разграничения составов. Ее представители подчеркивают, что в условиях принципа законности именно фиксированный возраст обеспечивает предсказуемость квалификации и ограничивает произвольное моральное оценивание поведения. В рамках такого подхода термин «малолетний» рассматривается как общеизвестная правовая категория, содержание которой может выводиться из общесистемного контекста

казахстанского права, без необходимости специального определения в Уголовном кодексе. Вторая линия, напротив, акцентирует, что возраст как единичный порог не отражает многообразия уязвимостей ребенка и не покрывает типовые ситуации эксплуатации в цифровой среде. В этой парадигме предлагается расширять нормативную группу преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, вводить дополнительные квалифицирующие признаки и усиливать роль межведомственных профилактических механизмов, поскольку сама структура угроз смещается в сторону дистанционных и гибридных форм сексуализированного воздействия на детей.

Аргументы второй линии отчетливо выражены в работах исследователей, связывающих возрастные категории с одновременной охраной половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних и указывающих на неполноту действующей законодательной дефиниции группы составов, включенной в пункт 42 статьи 3 Уголовного кодекса. Так, в диссертационном исследовании, выполненном в системе Академии правоохранительных органов, предлагается пересмотреть законодательный подход к определению названной группы преступлений и расширить ее на посягательства, затрагивающие половою свободу несовершеннолетних, а также обосновывается необходимость более согласованного учета возрастных порогов в разных отраслях законодательства. Вместе с тем данная позиция, при всей ее криминологической оправданности, недостаточно разводит задачи криминализации и задачи индивидуализации ответственности. В части возрастных критериев она нередко подменяет юридическую определенность расширением перечней и понятий, что способно увеличить объем дискреции при квалификации и усложнить доказывание в цифровой среде, где проблема заведомости возраста становится центральной [148].

Наиболее наглядно эта проблема проявляется при сопоставлении уголовно-правовой терминологии с межотраслевыми определениями. В гражданском законодательстве малолетние прямо связываются с возрастом до четырнадцати лет, что служит цели разграничения дееспособности и представительства [149]. Законодательство о правах ребенка считает ребенком любого человека до восемнадцати лет. Но в уголовном законе одновременно используются разные понятия, обозначающие лиц до 18 лет. Например, «малолетний», «несовершеннолетний» и «лицо до шестнадцати лет». При этом их значения не всегда четко объяснены внутри самого закона. Из за этого возникают сложности при применении норм и риск ошибок, особенно когда в интернете доступны разные и устаревшие версии законов.

Отдельный пласт доктринальных расхождений связан с оценочными категориями беззащитности, беспомощности и зависимости, которые в уголовном праве выступают либо как элементы объективной стороны, либо как

квалифицирующие признаки, либо как обстоятельства, отягчающие ответственность. В современной казахстанской литературе обращается внимание на риск смешения указанных оценочных категорий с возрастом и на опасность перекладывания на суд фактического конструирования порога уязвимости в каждом деле. Предлагается уточнять формулы уголовного закона таким образом, чтобы возрастные признаки не подменяли собой доказуемость состояния беззащитности или зависимости и чтобы исключить автоматическое отнесение любого ребенка к беззащитным без оценки конкретной ситуации [150]. Данный подход методологически важен для рассматриваемого подраздела, поскольку он позволяет разграничить возраст как юридический фильтр, основанный на четком пороге, и уязвимостные обстоятельства как доказуемые факторы риска, подлежащие отдельному установлению и недопустимые к двойному учету.

С учетом цифровизации доктринальная дискуссия постепенно смещается от традиционного анализа физических контактных действий к оценке коммуникационных и контентных практик, посредством которых формируется сексуализированное воздействие на ребенка. В казахстанских публикациях, посвященных использованию IT технологий при совершении посягательств против половой неприкосновенности несовершеннолетних, отмечается, что цифровая среда усложняет установление возраста и заведомости, повышает латентность, а также трансформирует типологию следов, переходя от свидетельских показаний к электронным данным, метаданным и логам сервисов. Одновременно цифровые посредники становятся фактическими держателями критических доказательств, а возраст потерпевшего и его самопрезентация в сети превращаются в предмет доказательственного спора [151] Эта постановка подтверждает, что возрастные коллизии нельзя трактовать как сугубо терминологическую проблему. Они напрямую влияют на полноту профилактических мер и на способность процесса удерживать баланс между эффективным преследованием и защитой ребенка от вторичной виктимизации.

Сравнительно-правовой и международно-правовой контекст также задает дополнительную рамку для оценки казахстанских возрастных конструкций. Конвенция ООН о правах ребенка исходит из презумпции универсальной детскости до 18 лет и возлагает на государство обязанность обеспечивать специальные меры защиты ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений.

Лансаротская конвенция Совета Европы, ориентированная на криминализацию широкого спектра сексуальной эксплуатации и сексуального насилия в отношении детей, подчеркивает необходимость предотвращения, защиты жертв и межведомственного сотрудничества, включая взаимодействие в цифровой среде. Европейская директива 2011/93/ЕС закрепляет для целей регулирования понимание ребенка как лица до 18 лет и предусматривает отдельную криминализацию «solicitation of children for sexual purposes», то есть

предложения или склонения ребенка к сексуальным действиям, что демонстрирует тенденцию выделения предконтактных и дистанционных форм поведения в самостоятельные составы. Для Казахстана эти стандарты важны не как модель прямого заимствования, а как инструмент оценки того, в какой мере возрастные пороги и дефиниции внутри национального уголовного закона обеспечивают предсказуемость и сопоставимость квалификации при трансграничных цифровых контактах.

Процессуальный контур доказывания возраста и защиты несовершеннолетних в уголовном процессе задает Уголовно-процессуальный кодекс, в котором возраст включен в обстоятельства, подлежащие доказыванию, и одновременно используется как критерий специальных гарантий при допросе, депонировании показаний и назначении экспертизы [152]. Это означает, что возраст в делах о развращении и смежных посягательствах не может быть воспринят как «фоновый» факт. Он должен быть установлен с надлежащей процессуальной точностью и подтвержден допустимыми доказательствами, поскольку от него зависят как применимость соответствующей статьи, так и пределы процессуального вмешательства в жизнь ребенка.

Системная связь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных порогов по возрасту в условиях цифровизации осложняется тем, что доказательства возраста все чаще включают цифровые следы, данные регистраций, сведения платформ и экспертизы изображений, а также потому, что несовершеннолетний потерпевший может быть одновременно активным участником цифровой коммуникации, что создает риск интерпретации его поведения как «согласия» или «инициативы», юридически не значимых при заданном возрастном пороге.

Факт терминологической размытости подтверждается и официальными информационными материалами, в которых статья 124 описывается как «развращение малолетних», хотя ее диспозиция привязана к порогу шестнадцати лет [153]. Такое расхождение не является исключительно стилистической ошибкой. В условиях формально-юридической квалификации оно отражает подмену законодательной конструкции практическим ярлыком, что может влиять на первичную правовую оценку и на выбор процессуальной тактики. Для цифровых дел это важно потому, что на ранних стадиях расследования именно первоначальная квалификация определяет набор следственных действий и объем взаимодействия с цифровыми посредниками. Если квалификация строится на неформальной категории «малолетний», возрастной фильтр смещается и вероятность ошибочного отбора нормы возрастает.

Четвертый блок коллизий образуется внутри сегмента до 16 лет при разграничении между статьями 121-1 и 124. Статья 121-1 криминализирует совершение непристойных действий сексуального характера в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста, если такие действия сопряжены с предложениями, в том числе с использованием сетей

телекоммуникаций, включая сеть Интернет, или прикосновениями сексуального характера. Статья 124 устанавливает ответственность за совершение развратных действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Диспозиции обеих норм содержат оценочные элементы, при этом статья 121-1 по санкции представляет собой существенно более мягкую реакцию, чем статья 124. Коллизионность возникает в двух плоскостях. Во-первых, понятие «непристойные действия» семантически перекрывает часть поведения, которое в практике ранее квалифицировалось как «развратные действия», и граница между ними не определена законодателем. Во-вторых, в статье 121-1 наряду с предложениями упоминаются прикосновения сексуального характера, что сближает ее с контактными формами посягательства, традиционно относимыми к развращению. В результате возрастной фильтр до 16 лет не обеспечивает устойчивого выбора нормы, а выбор нормы может зависеть от оценки следователем социальной опасности конкретного эпизода. Это и есть расширение дискреции, которое в делах с электронными данными усиливается, поскольку доказательства предложений и коммуникации объективируются перепиской, тогда как доказательства прикосновений часто опираются на показания ребенка. Практическая значимость проблемы отражена в профессиональном обсуждении проекта нормативного постановления Верховного Суда, в котором среди дискуссионных вопросов прямо обозначено разграничение статьи 121-1 со статьей 124 и необходимость уточнения критериев физического контакта и характера действий [154].

Данные Генеральной прокуратуры и международных исследований показывают, что преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних остаются серьезной проблемой, а часть таких фактов вообще не попадает в официальный учет. Ошибки при определении возраста потерпевшего и сложности доказывания, особенно в интернете, могут приводить к неправильной квалификации дел. Исследования также показывают, что наиболее уязвимыми являются дети разных возрастных групп, включая 11-13 и 14-15 лет [155].

Системный анализ динамики преступности против половой неприкосновенности несовершеннолетних, построенный на официальной статистике и судебной практике, указывает на необходимость комплексных профилактических мер и на риски, связанные с цифровой средой и распространением противоправного контента. В частности, отечественными специалистами, подчеркивается, что законодательные реформы и организационные меры должны сопровождаться уточнением правоприменительных критериев, поскольку сама структура посягательств меняется под влиянием цифровых коммуникаций [23]. Данный вывод значим тем, что он связывает криминологический уровень анализа с уголовно-правовой определенностью. Если возрастные пороги и презумпции уязвимости не

согласованы, профилактика оказывается менее адресной, а правоприменение менее устойчивым, что в итоге поддерживает латентность.

Анализ правоприменительной практики показывает, что возрастные коллизии проявляются по-разному в зависимости от тяжести деяния и от наличия цифровых следов. В делах о насильственных посягательствах возраст потерпевшего чаще устанавливается документально и подтверждается экспертизой, а вопросы коллизий сводятся к квалифицирующим терминам «несовершеннолетний» и «малолетний» и к недопущению двойного учета уязвимости.

Показателен пример дела, по которому суд признал виновным бывшего военнослужащего по части четвертой статьи 120, части четвертой статьи 121 и части третьей статьи 124, назначив пожизненное лишение свободы и принудительное лечение в виде химической кастрации. Для настоящего подраздела важен не сюжет дела, а то, что в официальной коммуникации статья 124 обозначается как «развращение малолетней», тогда как диспозиция статьи 124 оперирует порогом не достижения шестнадцатилетнего возраста. Такой язык демонстрирует, что в практике термин «малолетний» используется как обобщающий маркер повышенной уязвимости, а не как строго определенный возрастной порог. Это подтверждает необходимость нормативной фиксации возраста малолетия внутри уголовного закона и разграничения его с порогом 16 лет в статье 124, иначе формальная определенность санкционных последствий оказывается сниженной. В цифровых делах, где развращающие действия осуществляются дистанционно, возрастные коллизии проявляются иначе. В апреле 2025 года сообщалось о приговоре специализированного суда по делам несовершеннолетних, которым лицо было признано виновным по части первой статьи 124 за действия, совершенные посредством телефонной связи в отношении несовершеннолетней в возрасте 12 лет [156]. Такая фабула демонстрирует важные выводы. Прежде всего, что цифровой способ совершения развратных действий не исключает квалификации по статье 124, если по содержанию воздействие направлено на сексуализацию и соответствует понятию «развратные действия». Также вывод о том, что доказательство заведомости возраста в подобных делах может строиться на материалах переписки и аудиосообщений, что снижает зависимость от повторных травмирующих допросов ребенка, но одновременно усиливает значение правильного закрепления электронных данных.

Вопрос о возрасте становится доказательственным ядром, поскольку если защита ставит под сомнение осведомленность обвиняемого о возрасте, то качество извлечения, аутентификации и интерпретации цифровых следов напрямую влияет на устойчивость квалификации. В отсутствие нормативно закрепленных тестов заведомости возрастной спор может трансформироваться в

спор об оценке «разумности» предположений обвиняемого, что повышает дискрецию суда.

Еще один типовой сюжет практики связан с тем, что в делах о развращении без насилия обвиняемые нередко отрицают событие или свою роль, а доказательственная база ограничена показаниями потерпевшего и косвенными данными. В одном из публично освещенных дел 2024 года подсудимый не признал вину и просил оправдать его, однако суд назначил наказание по статье 124 [157]. Для настоящего подраздела значимо, что такие дела акцентируют уязвимость доказательства возраста и заведомости при отсутствии объективированных цифровых следов. Именно поэтому процессуальные механизмы депонирования показаний и специализированного допроса должны использоваться как инструменты снижения вторичной виктимизации и повышения надежности доказательств, а не как формальная процедура. В противном случае возрастной элемент состава превращается в конфликтную точку, по которой сторона защиты может добиваться переквалификации или оправдания путем посева сомнений относительно возраста или осведомленности о нем.

С введением статьи 121-1 в правоприменении возникла новая зона коллизий, связанная с выбором между уголовно наказуемым развращением по статье 124 и «предконтактным» приставанием по статье 121-1. Практика показывает, что по статье 121 1 наказание может быть значительно мягче, чем по статье 124, включая общественные работы [158]. Из за этого похожие случаи иногда квалифицируются по более мягкой статье. Это создает риск разных решений по одинаковым ситуациям. Проблему усиливает то, что закон не дает четких границ между непристойными и развратными действиями, а также не раскрывает единообразно понятия «малолетний» и «несовершеннолетний». В цифровой среде возникают и дополнительные сложности с доказательством возраста и намерений через электронные данные.

Исследование показывает, что для единообразной практики нужны четкие правила оценки электронных доказательств и признаков осведомленности о возрасте потерпевшего. Также необходимы программы профилактики для детей 11-13 и 14-15 лет. Такие программы должны обучать безопасному поведению в интернете, цифровой грамотности и способам обращения за помощью.

После изменений закона в 2024 году появились новые сложности в разграничении статей 121 1 и 124. При этом цель реформы заключалась в усилении защиты женщин и детей от сексуальных посягательств [80]. Новый закон не решил проблему возрастных различий, потому что в нем так и не были четко объяснены понятия «малолетний» и «несовершеннолетний». Также не решена проблема определения границы между разными видами сексуальных действий. Но, из-за упоминания общения через интернет стало особенно важно

правильно собирать и проверять электронные доказательства, чтобы подтвердить возраст потерпевшего и намерения виновного.

Проведенное исследование позволило установить, что возраст в составе развращения лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, имеет не только техническое значение. Он определяет саму границу уголовно правовой охраны ребенка. Через возраст законодатель показывает, когда ребенок нуждается в особой защите, а когда государственное вмешательство должно быть особенно осторожным. Поэтому возраст нельзя рассматривать как простую формальную деталь состава. Он влияет на квалификацию, доказывание, выбор меры ответственности и защиту потерпевшего.

Как мы увидели, возраст выполняет две связанные функции. С одной стороны, он является юридическим фильтром. Этот фильтр помогает определить, применима ли конкретная статья уголовного закона. С другой стороны, возраст выражает презумпцию уязвимости ребенка. Такая презумпция объясняет, почему государство усиливает охрану детей от сексуализированного воздействия. Однако эти функции нельзя смешивать. Возраст как элемент состава должен быть четким. Уязвимость как дополнительное обстоятельство должна доказываться отдельно.

Основной вывод состоит в том, что действующее регулирование не всегда дает правоприменителю ясный и единый возрастной ориентир. В уголовном законе одновременно используются понятия малолетний, несовершеннолетний и лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста. Эти понятия близки по смыслу, но не совпадают. Когда их содержание не раскрыто прямо в уголовном законе, возникает риск разного толкования одинаковых ситуаций. Это особенно опасно в делах о половой неприкосновенности детей.

Такая терминологическая неопределенность имеет не только теоретическое значение. Она влияет на регистрацию сообщений, первичную квалификацию, построение обвинения и итоговое судебное решение. Если следователь или суд не имеют четкого словаря возрастных категорий, они вынуждены обращаться к другим отраслям права или к привычной практике. Это может приводить к ошибкам. В результате один и тот же факт в разных регионах может получить разную правовую оценку.

Отдельное значение имеет категория малолетнего. В ряде норм она используется как признак повышенной опасности деяния и как основание для строгих последствий. Однако в самом уголовном законе нет специального определения малолетнего потерпевшего. На практике это создает неустойчивость. Иногда термин малолетний употребляется как общее обозначение любого ребенка. Иногда он связывается с возрастом до четырнадцати лет. Такая разница подрывает предсказуемость уголовного закона.

Поэтому, считаем, что необходимо закрепить в уголовном законе легальные определения основных возрастных категорий для целей охраны

потерпевших. Малолетним следует считать лицо, не достигшее четырнадцати лет. Несовершеннолетним следует считать лицо, не достигшее восемнадцати лет. При этом нужно прямо указать, что понятие несовершеннолетнего субъекта ответственности и понятие несовершеннолетнего потерпевшего выполняют разные функции. Такое уточнение снизит риск смешения понятий.

Исследование также показало, что возраст до шестнадцати лет является самостоятельным специальным порогом в составах, связанных с сексуализированным воздействием. Этот порог не должен автоматически отождествляться с малолетием. Иначе закон теряет внутреннюю логику. Ребенок до четырнадцати лет и подросток четырнадцати или пятнадцати лет оба нуждаются в охране. Но уровень их уязвимости, способность понимать происходящее и характер рисков могут различаться. Эти различия должны учитываться юридически корректно.

Поэтому считаю обоснованным сохранить возрастной порог до шестнадцати лет как основной фильтр состава развращения. Одновременно внутри статьи о развращении следует выделить совершение деяния в отношении малолетнего как квалифицирующий признак. Такой подход позволит четко различать общую охрану всех лиц до шестнадцати лет и усиленную охрану детей до четырнадцати лет. Это повысит точность квалификации и сделает санкционную политику более понятной.

В ходе исследования установлено, что особую сложность создает разграничение статьи о приставании сексуального характера и статьи о развращении. Обе нормы связаны с лицами, не достигшими шестнадцати лет. Обе могут охватывать сексуализированное поведение. Но санкции по ним различаются существенно. Если граница между непристойными и развратными действиями не ясна, появляется риск произвольной переквалификации. В одних случаях более опасное поведение может быть оценено слишком мягко. В других случаях менее опасный эпизод может получить чрезмерно строгую оценку.

Необходимо ясно развести рассматриваемые составы. Приставание должно охватывать ранние формы сексуализированного общения и предложения, когда еще нет завершенного развращающего воздействия. Развращение должно охватывать действия, которые уже направлены на сексуализацию ребенка или вовлечение его в сексуализированное поведение. Контактные действия сексуального характера целесообразно относить к развращению, а не к более мягкому составу приставания. Это позволит избежать размывания границы между нормами.

Цифровая среда усиливает выявленные возрастные коллизии. В интернете возраст ребенка может быть указан неверно, скрыт или искажен. Общение может происходить через мессенджеры, игровые платформы, социальные сети и закрытые каналы. В таких условиях вопрос о возрасте становится не только фактическим, но и доказательственным. Нужно установить не просто настоящий

возраст ребенка, но и то, знал ли виновный об этом возрасте. Поэтому признак заведомости приобретает центральное значение.

Исследование показало, что заведомость возраста нельзя доказывать только предположениями. Недостаточно ссылаться на внешность ребенка, стиль общения или общий характер переписки. В цифровых делах такие признаки могут быть неточными. Необходима совокупность данных. Значение имеют прямые сообщения о возрасте, упоминание класса или школы, данные профиля, переписка с родителями, фотографии документов, а также иные электронные следы. Каждый источник должен проверяться на подлинность.

Для практики нужен единый тест заведомости возраста. Он должен разделять доказательства на более сильные и более слабые. Прямое указание возраста в переписке должно иметь больший вес, чем предположение по фотографии. Сведения официальных документов должны иметь больший вес, чем информация из непроверенного аккаунта. Такой подход поможет следствию и суду принимать более предсказуемые решения и снизит риск давления на ребенка при доказывании возраста.

Отдельный результат исследования связан с оценкой электронных данных. В цифровых делах переписка, аудиосообщения, изображения, данные аккаунтов и сведения платформ часто становятся главным источником доказательств. Если эти данные собраны и закреплены правильно, они могут уменьшить зависимость дела от повторных допросов ребенка. Это важно для защиты потерпевшего. Но если цифровые данные получены некачественно, дело становится уязвимым, а следствие начинает восполнять пробелы дополнительными опросами ребенка.

Поэтому считаем необходимым закрепить минимальные правила работы с электронными доказательствами в делах о развращении и смежных составах. Нужно фиксировать источник данных, время получения, способ изъятия, признаки подлинности и сведения о возможных изменениях. Следует сохранять не только текст сообщений, но и контекст общения. Без контекста отдельная фраза может быть истолкована неверно. Это особенно важно при оценке намерения виновного и направленности поведения.

Исследование подтвердило, что возрастные коллизии связаны не только с квалификацией, но и с профилактикой. Если статистика и регистрация дел не различают возрастные группы достаточно точно, профилактика становится менее адресной. Меры, рассчитанные на детей до четырнадцати лет, не всегда подходят подросткам четырнадцати и пятнадцати лет. Напротив, подростковые цифровые риски не всегда характерны для младших детей. Поэтому возрастная детализация нужна не только суду, но и системе предупреждения преступлений.

Думается, что профилактические программы должны отдельно учитывать группы одиннадцати тринадцати лет и четырнадцати пятнадцати лет. Для младшей группы важнее защита от доверительного влияния взрослых, контроль безопасной среды и раннее сообщение о странном поведении. Для старшей

группы особое значение имеют цифровая грамотность, умение распознавать манипуляции, понимание рисков интимного контента и знание безопасных способов обращения за помощью. Такой подход будет более точным, чем общие запреты.

В результате исследования установлено, что субъектная коллизия также требует внимания. Речь идет о ситуации, когда подросток четырнадцати или пятнадцати лет совершает сексуализированные действия в отношении более младшего ребенка. Сейчас не все составы, связанные с развращением и приставанием, включены в перечень преступлений, ответственность за которые наступает с четырнадцати лет. Это создает пробел. Особенно остро он проявляется в цифровых случаях, где насилия может не быть, но вред для малотетнего является реальным.

Однако, нельзя автоматически расширять уголовную ответственность подростков без учета ювенальных гарантий. Безусловно, если подросток воздействует на малолетнего ребенка, использует цифровые угрозы, шантаж или вовлекает его в создание интимных материалов, государство должно иметь адекватный правовой инструмент. При этом приоритет должны сохранять воспитательные меры, восстановительные подходы и индивидуальная оценка риска повторного вреда.

Важным результатом исследования является разграничение возраста и уязвимости. Возраст может быть элементом состава. Уязвимость может быть связана с зависимостью, инвалидностью, психологическим состоянием, семейной ситуацией или цифровым шантажом. Но эти признаки не должны автоматически сливаться. Если возраст уже учтен в составе преступления, его нельзя повторно использовать как отягчающее обстоятельство. Иначе возникает двойной учет, который нарушает справедливость наказания.

По нашему мнению, уязвимостные обстоятельства должны учитываться только тогда, когда они доказаны конкретными данными. Нельзя просто предполагать беспомощность ребенка на основании его возраста. Важно установить, в чем именно проявлялась зависимость или повышенная уязвимость. Это могут быть доверительные отношения с виновным, педагогический или семейный статус, страх перед разглашением переписки, психологическое давление или социальная изоляция. Такой подход позволяет усилить защиту ребенка без произвольного расширения закона.

Цифровые сценарии требуют особой осторожности при оценке согласия или инициативы ребенка. Ребенок может сам вступить в переписку, отправить сообщение или продолжить общение. Но это не означает юридически значимого согласия на сексуализированное воздействие. Особенно если общение строится на манипуляции, доверии, угрозах или обещаниях. Поэтому поведение ребенка не должно использоваться для перекладывания ответственности с виновного на потерпевшего.

В делах о развращении важно учитывать риск вторичной виктимизации. Повторные допросы, многократный просмотр интимных материалов, публичное обсуждение обстоятельств и неделикатные вопросы могут причинить ребенку дополнительный вред. Поэтому процессуальная защита ребенка должна рассматриваться как часть устойчивой квалификации. Если ребенок боится расследования, он может отказаться от сообщения или изменить показания. Это повышает латентность и снижает качество доказывания.

Полагаем, что в делах данной категории необходимо шире использовать щадящие процедуры. Первичное интервью должно проводиться подготовленным специалистом. Его желательно фиксировать на видео, чтобы не повторять одни и те же вопросы. Доступ к цифровым материалам ребенка должен быть строго ограничен. Следователь, прокурор, суд и эксперты должны работать с такими материалами только в необходимом объеме. Это защитит ребенка и одновременно сохранит доказательственную ценность данных.

Исследование также позволило сделать вывод о необходимости единых разъяснений судебной практики. Пока границы между статьями о приставании, развращении, сексуальных действиях с лицом до шестнадцати лет и насильственными составами остаются не до конца ясными, практика будет колебаться. Судебные разъяснения должны установить критерии разграничения по характеру действий, наличию контакта, направленности поведения, возрасту потерпевшего, признаку заведомости и совокупности эпизодов.

Особое значение имеет вопрос о совокупности составов. Развращение может быть самостоятельным преступлением. Но оно может также предшествовать более тяжкому посягательству или сопровождать его. В таких случаях важно определить, поглощается ли развращение более тяжким составом или требует самостоятельной квалификации. Ответ должен зависеть от того, было ли развращающее воздействие самостоятельным эпизодом и имело ли оно отдельное значение для формирования вреда. Без такого критерия возможны как избыточное обвинение, так и необоснованное сужение ответственности.

Отдельно установлено, что возрастные коллизии влияют на официальную видимость преступности. Статистика обычно фиксирует статью и зарегистрированное дело, но не всегда показывает возрастную подгруппу, цифровой способ, число эпизодов и характер роли виновного. Поэтому одна и та же статистическая категория может скрывать разные по риску ситуации. Это затрудняет планирование профилактики и распределение ресурсов. Для более точной оценки нужны данные по возрастным группам, способу совершения и виду цифрового контакта.

Проведенное исследование показало, что первичная регистрация сообщения имеет самостоятельное значение. Именно на этой стадии часто выбирается первая правовая рамка дела. Если она выбрана неточно, дальнейшее расследование может пойти по неверному пути. В цифровых делах это особенно

важно, потому что электронные следы могут быстро исчезнуть. Ошибка в первичной квалификации может привести к потере данных, несвоевременному запросу к платформе и повторному обращению к ребенку за сведениями.

Думается, что возраст потерпевшего должен устанавливаться не приблизительно, а с процессуальной точностью. Документы о рождении и удостоверяющие сведения должны иметь приоритет. Если таких документов нет или они вызывают сомнение, необходима экспертиза. При этом важно учитывать, что эксперт иногда дает не точный возраст, а возрастной диапазон. В таких случаях нельзя произвольно выбирать удобную границу. Для квалификации сомнения должны разрешаться с учетом презумпции невиновности, а для защиты ребенка нужно применять более безопасные процессуальные гарантии.

Исследование позволило выделить и проблему санкционного разрыва между смежными составами. Если более мягкая статья охватывает поведение, близкое по содержанию к более строгой статье, возникает риск искусственного выбора нормы. Такой выбор может зависеть от привычки следователя, позиции прокурора или региональной практики. Это снижает равенство перед законом. Поэтому разграничение составов должно быть связано не с общей оценкой тяжести, а с проверяемыми признаками действия, контакта, цели и последствия для ребенка.

Особое внимание следует уделить роли цифровых посредников. В цифровых делах именно платформы и сервисы часто хранят сведения, которые подтверждают возраст, содержание общения, время контакта и связь между участниками. Если порядок обращения к таким сервисам не ясен, доказательства могут быть утрачены. Значит, уголовно правовая модель должна сопровождаться практическим механизмом сохранения данных. Иначе даже правильно сформулированная норма не будет работать эффективно.

Предложенные выводы имеют значение не только для квалификации, но и для доверия к системе защиты. Ребенок и его семья чаще обращаются за помощью, когда понимают, что их сообщение будет принято серьезно, данные будут сохранены, а сам ребенок не станет объектом повторного давления. Поэтому юридическая определенность, бережное расследование и цифровая готовность органов являются связанными элементами одной системы.

В результате исследования предложена общая модель разрешения возрастных коллизий. Сначала устанавливается возраст потерпевшего на момент деяния. Затем проверяется, какой возрастной порог предусмотрен конкретной нормой. После этого определяется характер действий и их направленность. Далее устанавливается заведомость возраста и проверяются квалифицирующие признаки. Только после завершения квалификации могут оцениваться дополнительные уязвимостные обстоятельства для назначения наказания. Такая последовательность снижает риск произвольных решений.

Данная модель важна и для офлайн, и для цифровых сценариев. В офлайн делах она помогает правильно оценивать контактные действия, зависимость ребенка от взрослого и риск двойного учета возраста. В цифровых делах она помогает работать с перепиской, аккаунтами, контентом и данными платформ. В обоих случаях общий принцип остается единым. Квалификация должна строиться на четких признаках, а не на моральной оценке поведения или на предположениях о возрасте и уязвимости.

Научный результат исследования состоит в том, что возраст предложено рассматривать как системный элемент конструкции состава, а не как отдельный технический признак. Возраст связывает объект охраны, пределы уголовной ответственности, доказательственные стандарты и профилактические меры. Если возрастные категории не определены точно, нарушается вся система. Ошибки возникают не только в статье о развращении, но и в смежных составах, статистике, профилактике и защите потерпевшего.

Итоговый вывод состоит в необходимости нормативной и практической согласованности. Уголовный закон должен содержать ясные возрастные категории. Составы приставания и развращения должны иметь понятные границы. Заведомость возраста должна доказываться по единым правилам. Электронные данные должны сохраняться и проверяться надежно. Процессуальные действия должны защищать ребенка от повторной травматизации. Только при таком подходе можно обеспечить единообразие квалификации.

С учетом проведенного исследования считаем, что возрастные коллизии являются не второстепенной проблемой юридической техники, а одним из ключевых факторов устойчивости всей системы охраны ребенка. Их разрешение позволит точнее разграничивать составы, снижать латентность, повышать доверие к расследованию и делать профилактику более адресной.

2.2 Разграничение и конкуренция уголовно-правовых запретов при смежности посягательств

В условиях цифровизации типовые фактические ситуации приобретают гибридный характер, когда коммуникационно-опосредованные формы поведения, такие как переписка, обмен изображениями, видеосвязь, трансформируются в физические контакты либо сопровождают их и образуют множественность эпизодов. Это усложняет выбор между статьями 124, 121-1, 122, 120, 121, 123 УК РК, а также между смежными запретами, связанными с порнографией, проституцией и иными формами сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, закрепленными в статьях 311, 312, 144, 134 УК РК, и повышает риск произвольного толкования при квалификации. Настоящий

подраздел логически продолжает выявленные в подразделе 2.1 возрастные коллизии, поскольку возраст потерпевшего остается юридическим фильтром, но в ситуациях смежности посягательств одного возраста недостаточно для устойчивой квалификации.

Необходимо выработать алгоритм выбора нормы, который опирается на конструктивные признаки состава, умысел, характер воздействия, способ взаимодействия и структуру эпизодичности, а также учитывает цифровые следы и процессуальные ограничения их получения и оценки по УПК РК. В целях диссертации данный подраздел выполняет функцию методического звена между нормативной определенностью запрета и риск-ориентированной профилактикой, поскольку без предсказуемой квалификации невозможно построить корректные модели выявления, учета латентности и предотвращения вторичной виктимизации.

В работах, посвященных конкуренции норм, подчеркивается, что правоприменитель должен различать конкуренцию и совокупность как разные юридические конструкции, поскольку при конкуренции выбор делается в пользу одной нормы, а при совокупности устанавливается множественность преступлений, что влияет на объем обвинения и наказания. В частности, Т.Т. Бапанова, анализируя конкуренцию и совокупность, фиксирует, что трудности возникают при содержательной конкуренции, когда одно деяние содержит признаки нескольких составов, и настаивает на необходимости четкого разграничения неоднократности, совокупности и рецидива, поскольку смешение этих категорий приводит к нестабильности квалификации и ошибкам при назначении наказания [159].

Конкурирующая позиция проявляется в прикладной доктрине комментариев к УК РК, где акцент смещен на приоритет специальной нормы и на предотвращение необоснованного множественного вменения. В комментарии к Особенной части УК РК И.Ш. Борчашвили последовательно исходит из того, что при наличии специальных составов, ориентированных на защиту несовершеннолетних от сексуальных посягательств, предпочтение должно отдаваться норме, наиболее полно охватывающей общественную опасность, при этом дополнительная квалификация по смежным статьям допустима лишь при наличии самостоятельного объекта посягательства и самостоятельного результата, не поглощаемого основным составом. Такой подход методологически оправдан как средство ограничения уголовно-правовой репрессии и устранения двойного учета одних и тех же фактических обстоятельств.

Процессуальная доктрина также влияет на разграничение запретов, поскольку доказательственная модель определяет, какие признаки состава реально устанавливаются и какие остаются предположениями. В комментарии к УПК РК под редакцией М.Ч. Когамова обращается внимание на то, что

доказательства должны отвечать критериям относимости, допустимости и достоверности, а также что нарушения процедуры получения и фиксации сведений, особенно при использовании специальных и негласных методов, способны привести к признанию доказательств недопустимыми и, как следствие, к изменению квалификации или к оправданию [160].

Сопоставление указанных подходов показывает, что казахстанская доктрина в целом предлагает универсальные правила конкуренции и совокупности, но недостаточно разрабатывает прикладные критерии для смежных сексуальных составов в цифровой среде. Универсальные правила, такие как приоритет специальной нормы, поглощение менее тяжкого деяния более тяжким, разграничение идеальной и реальной совокупности, остаются необходимыми, но недостаточными. Они не отвечают на вопросы, которые в практике возникают системно, например, как квалифицировать цепочку действий, включающую сексуализированную переписку, отправку порнографического контента, предложение встречи, демонстрацию половых органов по видеосвязи, попытку физического контакта и последующее распространение полученных материалов. В отсутствие алгоритма квалификации правоприменитель вынужден опираться на субъективные оценки «степени развращения» и на фрагментарные доказательства, что повышает риск произвольного выбора статьи и создает неоднородность практики. Следовательно, требование диссертации о построении уголовно-правовой и криминологической модели профилактики предполагает разработку именно алгоритмического механизма разграничения запретов как элемента предсказуемости правоприменения и как условия корректного риск-ориентированного учета цифровых угроз.

Серьезные коллизии возникают в треугольнике статей 120, 121 и 122 УК РК, где критерий насилия и возраст потерпевшего пересекаются. При наличии насилия либо угрозы насилия, а также при использовании беспомощного состояния квалификация должна строиться вокруг статей 120 и 121 УК РК, а возраст несовершеннолетнего выполняет функцию квалифицирующего признака и основания усиления ответственности. Указанный подход закреплен в разъяснениях Верховного Суда Республики Казахстан, где обращается внимание на необходимость правильного определения характера насилия, способа его применения и содержания сексуального действия при квалификации по делам об изнасиловании и иных насильственных действиях сексуального характера.

Криминологический анализ показывает, что проблемы квалификации смежных посягательств не являются единичными и коррелируют с общей динамикой преступности против половой неприкосновенности несовершеннолетних и с ее латентностью. В официальной информации Генеральной прокуратуры Республики Казахстан о криминогенной ситуации за 2024 год указано, что по итогам года зарегистрировано 874 преступления против

половой неприкосновенности несовершеннолетних, при этом отмечено выявление скрытых преступлений, что подтверждает наличие латентного сегмента и необходимость совершенствования механизмов выявления и учета [9]. В цифровой среде латентность усиливается по причинам, связанным с анонимностью коммуникации, страхом огласки и возможностью шантажа через распространение интимных материалов. Эта латентность напрямую влияет на практику квалификации, поскольку правоприменитель часто получает неполную и фрагментарную доказательственную картину, ориентируется на один эпизод, который стал известен, и при этом не видит всей серии коммуникаций и действий, что затрудняет решение вопроса о множественности преступлений и о конкуренции норм.

Показательной для практики является ситуация, получившая публичное освещение в 2019 году, когда в одном из торгово-развлекательных центров Алматы имело место посягательство в женском туалете в отношении несовершеннолетней, и уполномоченные органы сообщали о квалификации по статьям 121 и 124 УК РК [161]. Даже при отсутствии доступа к полному тексту судебного акта сам факт одновременного упоминания этих статей отражает типовую проблему, когда в одну квалификационную связку включаются насильственные действия сексуального характера и развращение, хотя материально-правовая логика требует установить, является ли развращение самостоятельным эпизодом либо оно поглощается насильственным посягательством как предварительная или сопутствующая стадия.

Другой пример относится к 2020 году, когда сообщалось о вынесении приговора в отношении мужчины, совершившего непристойные действия в отношении несовершеннолетних в общественном месте, и квалифицированного по статье 124 УК РК [162]. Этот кейс важен тем, что демонстрирует, как в практике развращение часто связывается с физическими действиями, происходящими в пространстве публичного доступа, и оценивается через призму явной непристойности поведения. Однако с точки зрения конкуренции норм такая «очевидность» в цифровых делах отсутствует. Если аналогичное по содержанию воздействие осуществляется через камеру смартфона либо через отправку изображений, то внешняя наблюдаемость снижается, а доказательная база строится на электронных данных.

Особую проблему для устойчивости квалификации представляет практика по внутрисемейным посягательствам, где доказательная ситуация осложнена зависимостью потерпевшего, отсутствием свидетелей и высокими рисками вторичной виктимизации. В 2023 году в открытых источниках обсуждалось оправдание лица по обвинению в изнасиловании несовершеннолетней дочери, при этом в контуре дела фигурировало и обвинение по статье 124 УК РК [163].

Связь между конкуренцией норм и допустимостью доказательств наглядно проявляется в делах, связанных с оборотом порнографических материалов. В

2014 году сообщалось о ситуации, когда по делу в отношении иностранного гражданина, подозреваемого в изготовлении и распространении порнографических материалов с участием несовершеннолетних, суд исключил часть доказательств из материалов уголовного дела [164].

В дискуссии о цифровых формах сексуальных посягательств на несовершеннолетних дополнительное значение имеет анализ механизмов кибергруминга и коммуникационно-опосредованных действий. В одном из казахстанских аналитических материалов, посвященных совершению правонарушений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием ИТ-технологий, описывается типовая модель поведения преступника, включающая установление доверительного контакта через социальные сети, переход к обсуждению интимных тем, просьбы о направлении интимных изображений и последующую эскалацию к встрече или к видеодемонстрации сексуального характера [165]. Несмотря на публицистический формат такого материала, его ценность для научного анализа состоит в фиксации типовых цифровых сценариев, которые в реальной практике порождают конкуренцию статей 121-1, 124, 312 и 123 УК РК и требуют формализованных критериев квалификации.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что международные и региональные стандарты рассматривают проблему смежности сексуальных посягательств на детей как вопрос предсказуемости уголовно-правовой реакции и эффективности профилактики. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия предусматривает криминализацию ряда форм поведения, включая развратные действия, сексуальные контакты с детьми и, принципиально, склонение детей к сексуальным действиям через коммуникационные каналы, что в европейской модели выделяется в самостоятельный состав так называемого склонения детей к сексуальным действиям [13].

Наличие такой конструкции в зарубежных системах направлено на устранение разрыва между подготовительными коммуникационными действиями и физическим посягательством и тем самым на снижение латентности, поскольку позволяет реагировать на ранних стадиях. Европейский союз в Директиве 2011/93/ЕС также строит модель защиты детей через комплексную криминализацию сексуального насилия, сексуальной эксплуатации и детской порнографии, включая отдельные положения о груминге, что демонстрирует тенденцию к нормативному разведению смежных запретов и к формализации критериев выбора нормы [35]. Для Казахстана международные стандарты важны как ориентир при совершенствовании законодательства и практики защиты детей. Они помогают оценивать, насколько статьи 121-1 и другие нормы позволяют вовремя вмешиваться и четко разграничивать разные формы посягательств.

Конвенция о правах ребенка требует защищать детей от сексуальной эксплуатации и насилия, в том числе в цифровой среде. Это означает, что уголовный закон должен содержать понятные и предсказуемые правила, которые помогают предотвращать вовлечение детей в опасное общение. Если границы между нормами остаются неясными, расследование затягивается, увеличивается число повторных допросов и возрастает риск дополнительной психологической травмы для ребенка.

Структура эпизодичности в цифровых делах требует особого внимания, поскольку цифровая коммуникация естественным образом порождает множественные действия, каждое из которых может быть формально описано как отдельное деяние. Для ограничения произвольного дробления и для обеспечения единообразия следует опираться на разъяснения Верховного Суда Республики Казахстан о применении законодательства в связи с множественностью уголовных правонарушений [166] и адаптировать их к особенностям цифровых посягательств. В рамках предлагаемого алгоритма целесообразно различать три уровня. Первый уровень представляет собой единичное преступление с множеством действий в его составе, когда серия сообщений, звонков и пересылок образует единый способ совершения одного развратного воздействия, направленного на одного потерпевшего, и объединена единым умыслом и общей целью. Второй уровень представляет собой продолжаемое преступление, когда однородные непристойные действия совершаются повторно в разные моменты времени, но сохраняется единый умысел и единая направленность на одного потерпевшего, а временные интервалы не свидетельствуют о прекращении преступного поведения. Третий уровень представляет собой реальную совокупность, когда появляются разнородные посягательства на разные объекты, например сочетание развращения с изготовлением и распространением детской порнографии, либо посягательства в отношении нескольких потерпевших, либо когда после завершения одного посягательства формируется новый умысел на другое. Такая трехуровневая модель позволяет более предсказуемо решать вопрос о множественности, снижает риск необоснованного «накопления» эпизодов по каждому сообщению и одновременно не допускает искусственного объединения разнородных деяний.

Учет соучастия является обязательным компонентом алгоритма, поскольку цифровая среда облегчает распределение ролей и создает ситуации, когда один участник обеспечивает коммуникацию и психологическое воздействие, другой организует передачу материалов, третий осуществляет физический контакт, а четвертый монетизирует результаты через продажу контента или организацию встреч. В таких условиях механическое вменение основного состава всем участникам без анализа формы соучастия приводит к ошибкам квалификации и нарушает принцип индивидуализации ответственности. Верховный Суд Республики Казахстан в разъяснениях о применении законодательства об

ответственности за соучастие подчеркивает необходимость установления общего умысла, согласованности действий и роли каждого участника [167].

В итоге алгоритм выполняет не только квалификационную, но и гарантийную функцию, поскольку стабилизирует правовую оценку и делает предсказуемыми связанные с ней процессуальные и санкционные последствия.

Итак, построение состава развращения малолетних нельзя сводить только к анализу статьи уголовного закона. Электронные средства связи создают ситуации, где угроза ребенку формируется постепенно. Это может происходить через переписку, звонки, видеосвязь, закрытые группы и игровые площадки. Поэтому уголовный закон должен решать две задачи. Первая задача состоит в ясном определении запрета и пределов ответственности. Вторая состоит в том, что нужно показать, как выявлять вовлечение ребенка, скрытые случаи и причины несообщения о преступлении. Без такой связи закон может усиливаться только формально, а выявление преступлений останется низким.

В Казахстане защита детей от действий сексуального характера основана на нормах Уголовного кодекса Республики Казахстан. К ним относятся нормы о действиях сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцати лет, о приставании сексуального характера и о развращении лица, не достигшего шестнадцати лет. Закон различает охрану по возрасту ребенка и по характеру воздействия. Однако электронная среда усложняет применение этих норм. Не всегда ясно, где начинается преступное действие и где оно заканчивается.

Предлагаемый подход включает два положения. Прежде всего речь о том, что электронная среда должна рассматриваться как важный фактор преступного поведения, а не как простой канал связи. Также, пределы уголовной ответственности должны проверяться через ясность нормы, возможность ее применения и доказывания. При этом нужно учитывать безопасное участие ребенка в процессе и не допускать его повторной травматизации. Такой подход соответствует международной защите прав ребенка. Государство должно не только запрещать опасные действия, но и предупреждать их, выявлять и помогать ребенку.

Запрет развращения охраняет не один, а два важных интереса. Первый - половую неприкосновенность ребенка. Второй - его нормальное развитие. Оба интереса связаны между собой. Если учитывать только половую неприкосновенность, часть опасных действий без физического контакта может остаться вне уголовной оценки. В электронной среде вред часто возникает раньше физической встречи. Он может выражаться в давлении, привыкании ребенка к опасному общению, просьбах скрывать связь и зависимости от взрослого.

Но нельзя понимать развращение слишком широко. Уголовный закон не должен превращаться в общий контроль за нравственностью. Это создает риск произвольного применения нормы. Поэтому состав развращения должен

определяться не моральной оценкой, а связью действия с конкретным вредом ребенку. Такой вред состоит в использовании ребенка в целях сексуального характера и в нарушении его нормального развития.

Два объекта охраны помогают отличать развращение от смежных составов. Если есть сексуальный контакт или действия сексуального характера, применяются специальные нормы. Если физического контакта нет, но есть вовлечение ребенка в опасное общение, возможна оценка по нормам УК РК о развращении или приставании. Поэтому двойной объект не расширяет состав автоматически. Он помогает выбрать норму, которая точнее отражает вред.

Электронная среда меняет структуру преступного поведения. Виновный может связаться с ребенком без личной встречи. Он может скрывать свою личность, создавать доверие, действовать в то время, когда контроль взрослых слабее. Он также может угрожать распространением материалов или склонять ребенка к их созданию. В таких случаях вред может возникать уже на этапе общения.

2.3 Квалификация при множественности эпизодов и соучастии с учетом цифровых форм взаимодействия

Сложность заключается в том, что судебные разъяснения по множественности и соединению обвинений исторически ориентированы на офлайн-модели преступного поведения и не содержат специальных критериев для цифровых коммуникационных цепочек, хотя именно они стали типовой фактической основой дел о сексуальных посягательствах и смежных преступлениях против детей. В качестве базового ориентира сохраняют значение разъяснения Верховного Суда о производстве по уголовным делам в связи с множественностью уголовных правонарушений [166].

Вместе с тем в цифровых делах этот подход сталкивается с новым типом фактической раздробленности, когда единый преступный замысел реализуется через множество технических действий, отправку сообщений, пересылку файлов, администрирование каналов и использование нескольких аккаунтов. Применение разъяснений к таким ситуациям требует дополнительной формализации критериев, иначе широкая зона усмотрения правоприменителя приводит к непредсказуемости квалификации и к неравномерности судебной практики [168].

Сходная проблема проявляется и при квалификации соучастия. В делах, где взаимодействие с ребенком осуществляется через цифровые каналы, часть участников может не вступать в прямой контакт с потерпевшим, но обеспечивать инфраструктуру, контент и технические условия. Это ставит вопрос о разграничении соисполнительства, организации, подстрекательства и

пособничества, а также о границе между соучастием и прикосновенностью к уголовному правонарушению в формах, связанных с укрывательством, сбытом предметов и содействием в сокрытии цифровых следов. Для казахстанской практики важны как разъяснения Верховного Суда об ответственности за соучастие, так и разъяснения об ответственности за прикосновенность и пособничество, поскольку они задают ориентиры определения роли участника и оценки его вклада в общий результат [167; 169].

Так, в работах, посвященных конкуренции норм и совокупности, обоснована мысль о том, что множественность должна выводиться не из количества телодвижений или процессуальных эпизодов, а из структуры объективной стороны и из юридически значимого результата, поскольку иначе механическое умножение эпизодов разрушает принцип справедливости и провоцирует переквалификацию на стадиях апелляции и кассации. Одновременно подчеркивается необходимость строгого разграничения конкуренции и совокупности через критерий охвата деяния специальной нормой и через запрет двойного учета одних и тех же обстоятельств при построении обвинения.

В научно-практических комментариях к Особенной части УК РК, напротив, чаще фиксируется ориентир на самостоятельность каждого оконченного акта сексуального посягательства либо каждого самостоятельного эпизода воздействия на потерпевшего, если эти действия разделены во времени и объективно могут восприниматься как отдельные события, даже при наличии общего мотива.

В цифровых преступлениях против детей разные участники часто выполняют разные задачи. Один человек может искать детей, другой собирать деньги, третий управлять каналом или общаться с потерпевшим. Из-за такого распределения ролей преступление становится менее заметным для ребенка и окружающих, а выявить его сложнее.

Казахстанские исследования соучастия давно указывали, что групповая преступность опасна не только количеством участников, но и разделением функций между ними. В цифровой среде этот вывод сохраняет значение. Поэтому при расследовании важно точно определять роль каждого участника и не смешивать соучастие с косвенной причастностью [170].

Комментарии к УПК РК подчеркивают, что обвинение должно строиться только на реально подтвержденных доказательствах, полученных законным путем. Нельзя признавать действия совместными или продолжаемыми только на основе предположений. Это особенно важно для цифровых преступлений, потому что электронные данные могут быстро удаляться, а их восстановление часто требует специальных экспертиз и сложных следственных действий [171].

Казахстанские исследования, посвященные цифровым преступлениям против несовершеннолетних, показывают, что использование интернет

технологий часто объединяет сразу несколько форм посягательств. В одном онлайн общении могут одновременно быть элементы приставания, развращения, вовлечения и распространения порнографических материалов. Это усложняет разграничение составов преступлений и повышает латентность таких деяний. При этом многие работы в основном указывают на рост угроз, но пока недостаточно предлагают четкие критерии квалификации при множественности эпизодов и участии нескольких лиц [21].

Правоприменительная практика демонстрирует, что наиболее проблемные конфигурации множественности эпизодов и соучастия формируются вокруг цифровых каналов распространения контента. Показателен публично описанный кейс, в котором органами прокуратуры выявлен телеграм-канал с фото и видео порнографического характера с участием несовершеннолетних, аудитория которого насчитывала тысячи подписчиков и была монетизирована через платный доступ. По сообщению уполномоченного органа, в структуру вовлеченных лиц входили администраторы и лица, обеспечивавшие финансовые операции. Материалы по делу демонстрируют типовую квалификационную развилку. Первый вариант состоит в том, чтобы квалифицировать каждую публикацию или каждую продажу доступа как отдельный эпизод распространения и строить обвинение как многократную совокупность. Второй вариант состоит в квалификации как продолжаемого деяния в рамках единого канала, с выделением самостоятельных эпизодов лишь при смене способа или при доказанности различных целей. Третий вариант связан с квалификацией по совокупности статей, если помимо распространения имело место изготовление материалов либо вовлечение несовершеннолетних в их создание. Дополнительно встает вопрос о роли подписчиков и лиц, осуществлявших расчеты, поскольку не всякое участие в финансовой операции автоматически означает умысел на сексуальную эксплуатацию детей. Данный кейс тем самым иллюстрирует необходимость алгоритма, который связывает эпизодичность с доказуемой структурой действий и который дифференцирует соучастие по ролям [172].

Иной пласт практики связан с ситуациями, когда сексуальное посягательство на несовершеннолетнего сопряжено с причинением вреда здоровью, угрозами или иными насильственными действиями, а также с серией эпизодов в отношении одного потерпевшего. Публично освещенный пример рассмотрения дела Верховным Судом, где осужденный был признан виновным по статье о половых действиях с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и одновременно по статье о причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности, показывает, что кассационная инстанция уделяет внимание согласованности квалификации с фактическими обстоятельствами и с выводами экспертиз. Для темы настоящего подраздела важно, что подобные дела часто включают серию действий в течение определенного периода, а также несколько участников, например, лиц,

способствовавших сокрытию или продолжению посягательства. В таких ситуациях устойчивость квалификации зависит от того, как следствие и суд обосновали границы каждого деяния, какие эпизоды признали самостоятельными и какие действия признали входящими в один состав [173].

Исследования и официальные данные показывают, что цифровые преступления против детей часто включают несколько эпизодов и участие нескольких лиц. Государственные программы признают, что такие преступления остаются серьезной проблемой, а многие случаи вообще не выявляются. Особенно это касается интернет-среды, где ребенок может не понимать опасность ситуации или бояться обращаться за помощью. При этом официальная статистика обычно показывает только количество зарегистрированных дел, но не раскрывает, сколько эпизодов было внутри одного дела и как именно распределялись роли участников. Из-за этого сложно полноценно оценивать практику расследования и квалификации. Поэтому особенно важно иметь единые и четкие правила оценки таких преступлений, даже при недостатке статистических данных [174].

Международные стандарты исходят из того, что в цифровой среде опасность для детей возникает не только при физическом насилии, но и через интернет общение, склонение и вовлечение ребенка. Поэтому многие страны устанавливают ответственность за сексуальные домогательства через интернет, а также за создание и распространение материалов сексуального насилия над детьми. Одновременно государство должно обеспечивать эффективное расследование и защиту интересов ребенка. При этом ряд юрисдикций использует конструкции продолжаемого поведения и правила объединения эпизодов в один состав при наличии единого замысла, чтобы избежать чрезмерного дробления обвинения на сотни действий, которые, по сути, представляют единое посягательство. Для Казахстана значимы эти подходы как источник критериев формализации, но они должны быть адаптированы к структуре УК РК и к имеющимся составам, в том числе через уточнение практики применения институтов множественности и соучастия [13].

Адаптация алгоритма к коммуникационно-опосредованным формам означает, что квалификационная версия должна опираться на структурирование цифровых событий в двух измерениях. Первое измерение представляет собой временную линию эпизодов, где для каждого эпизода фиксируются цель воздействия, канал связи, ключевые сообщения или файлы, факт восприятия ребенком и доказательства завершенности. Второе измерение представляет собой матрицу участия, где по каждому участнику фиксируется его вклад в каждый эпизод и его субъективное отношение к преступному результату. Такая двухмерная модель обеспечивает проверяемость квалификации и уменьшает риск подмены доказательства участия предположением о принадлежности аккаунта. Кроме того, она позволяет ясно разграничивать ситуации реальной

совокупности эпизодов и ситуации единого продолжаемого поведения, поскольку единство умысла и единство процесса становятся предметом доказывания, а не умозрительного вывода.

Официальная аналитика органов прокуратуры, характеризуя криминогенную ситуацию, традиционно выделяет сегмент преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и фиксирует необходимость профилактических мер. Для целей настоящего подраздела важно, что такие обзоры не дают сведения о количестве эпизодов в рамках зарегистрированных дел и не отражают долю групповых форм, поэтому статистическая картина не позволяет делать прямые выводы о структуре многоэпизодности. Однако сама постановка вопроса в официальных документах подтверждает актуальность разработки единых квалификационных стандартов, которые обеспечивают устойчивость обвинения и повышают выявляемость серийных преступных схем в цифровой среде [9].

Показательны и отдельные судебные сообщения, в которых фигурируют ситуации множественности потерпевших и эпизодов. В одном из публично описанных случаев суд признал лицо виновным в совершении развратных действий в отношении двух малолетних девочек в общественном месте. Материалы сообщения иллюстрируют, что даже при отсутствии цифрового компонента квалификация по числу потерпевших требует отдельного доказывания по каждому ребенку и не может быть заменена общей характеристикой поведения обвиняемого. В цифровых кейсах этот вывод усиливается, поскольку один и тот же субъект может одновременно воздействовать на несколько детей в разных чатах. Следовательно, алгоритм должен сочетать правило множественности по числу потерпевших с правилом укрупнения по техническим действиям внутри одного эпизода, что исключает как недоучет вреда, так и произвольное умножение эпизодов [175].

Квалификационная устойчивость в делах о развращении малолетних и смежных посягательствах в цифровой среде зависит от сопряжения материально-правового алгоритма с процессуальным структурированием доказательств по эпизодам и ролям.

Дополнительное развитие данного вывода требует представить квалификацию не как разовый выбор статьи, а как последовательную проверку фактов. В делах о развращении малолетних и смежных посягательствах ошибка часто возникает тогда, когда следствие сразу выбирает норму по общему впечатлению от поведения. Более устойчивым является иной подход. Сначала нужно установить, что именно произошло, как это происходило, кому было адресовано воздействие и какую цель преследовал виновный. Только после этого можно выбирать статью и решать вопрос о совокупности.

Предлагаемый квалификационный алгоритм исходит из того, что правовая оценка должна начинаться с установления потерпевшего и возраста. Возраст

нужен не только для выбора статьи, но и для оценки процессуальных гарантий ребенка. Если речь идет о цифровой коммуникации, нужно установить, каким способом виновный узнал или должен был понимать возраст ребенка. Для этого проверяются сообщения, данные профиля, содержание переписки, сведения о школе, фотографии и иные цифровые следы. Заведомость возраста не должна выводиться из предположений [8; 152].

После установления возраста необходимо определить направленность умысла. Важно понять, было ли поведение направлено на сексуализацию ребенка, на установление сексуального контакта, на получение контента, на шантаж или на распространение материалов. Один и тот же канал общения может использоваться для разных целей. Поэтому квалификация должна зависеть не от названия платформы и не от количества сообщений, а от доказанной цели поведения и содержания воздействия. Такой подход снижает риск произвольного выбора нормы.

Далее оценивается характер воздействия. Если общение выражается только в предложениях, просьбах или попытках начать сексуализированный контакт, при отсутствии завершенного развращающего воздействия, возможна оценка через состав приставания. Если же общение уже включает демонстрацию интимных материалов, склонение ребенка к сексуализированным действиям, вовлечение в обмен интимной информацией или иное воздействие на развитие ребенка, возникает основание для квалификации как развращения. При насилии, угрозах или фактических сексуальных действиях применяются более строгие составы.

Особое значение имеет способ взаимодействия. Офлайн эпизод обычно связан с местом, временем, физическим контактом и очевидным кругом участников. Цифровой эпизод может состоять из переписки, аудио, видео, пересылки файлов, временных сообщений и нескольких аккаунтов. Поэтому техническое действие не всегда является отдельным преступлением. Отправка нескольких сообщений в рамках одного разговора может образовывать один эпизод. Но переход к новому потерпевшему, новой цели или новому виду воздействия может указывать на самостоятельный эпизод [166; 168].

В связи с этим эпизодичность следует оценивать по юридически значимым признакам. К ним относятся потерпевший, период общения, канал связи, цель воздействия, характер материалов, способ давления и момент завершения действий. Если эти признаки совпадают и поведение развивается как единый процесс, допустима оценка как продолжаемого деяния. Если же меняется потерпевший, появляется новая форма вреда или возникает самостоятельная цель, нужно рассматривать вопрос о совокупности. Это правило важно для дел с длинной перепиской.

Множественность потерпевших требует отдельного подхода. Если одно лицо одновременно общается с несколькими детьми в одном чате или в разных

каналах, вред не должен растворяться в общей характеристике поведения. По каждому ребенку нужно установить факт воздействия, возраст, содержание общения и связь с действиями виновного. При этом не следует искусственно умножать эпизоды только потому, что было много сообщений. Баланс состоит в том, чтобы не скрыть вред каждому ребенку и не превратить техническую активность в чрезмерную совокупность.

Алгоритм также должен учитывать конкуренцию норм. Если специальная норма полностью охватывает поведение, она имеет приоритет перед общей нормой. Если же в рамках одного поведения возникают разные виды вреда, возможна совокупность. Например, развращение может предшествовать созданию или распространению материалов сексуальной эксплуатации ребенка. В таком случае нужно установить, было ли развращающее воздействие самостоятельной стадией причинения вреда или оно полностью поглощается последующим более тяжким составом [159; 166; 168].

При разграничении развращения и распространения материалов важно не смешивать производство контента, его оборот и воздействие на ребенка. Лицо, которое непосредственно склоняет ребенка к созданию изображения, может отвечать за воздействие на ребенка. Лицо, которое затем распространяет материал, может отвечать за оборот такого материала. Если один участник совершает обе группы действий, возможна совокупность при наличии самостоятельных признаков каждой нормы. Если другой участник только пересылает материал без участия в воздействии на ребенка, его роль оценивается отдельно.

Соучастие в цифровых делах требует осторожной оценки роли каждого лица. Сам факт нахождения в одном канале, подписки на чат или участия в платеже не всегда доказывает общий умысел. Для признания соучастия нужно установить, что лицо понимало характер посягательства, принимало общую цель и своим действием реально помогало ее достижению. Администрирование канала, подбор материалов, организация оплаты, сокрытие следов и прямое общение с ребенком могут иметь разное юридическое значение [167; 169; 170].

Организатором следует считать лицо, которое создает или направляет преступную схему, распределяет роли, определяет правила доступа и обеспечивает устойчивость канала. Исполнителем является лицо, которое непосредственно совершает действия, образующие объективную сторону состава. В цифровом деле это может быть не только человек, который физически контактировал с ребенком, но и лицо, которое через переписку оказывает развращающее воздействие. Пособником может быть лицо, которое предоставляет технические средства, деньги или доступ, понимая преступную цель.

Нужно отделять соучастие от прикосновенности. Если лицо узнало о преступлении после его совершения и помогло скрыть следы, оно не всегда

является соучастником основного посягательства. Его ответственность зависит от того, было ли заранее согласованное участие и был ли общий умысел. Это особенно важно при удалении переписки, закрытии канала или переводе денежных средств. Нельзя заменять доказательство совместности простой ссылкой на полезность действий для виновного [169; 171].

Для цифровых сценариев предлагается использовать двухмерную схему фиксации. В одной части отражается линия эпизодов. Там указываются дата, канал связи, потерпевший, содержание воздействия, материалы и результат. В другой части отражается линия участников. Там фиксируются действия каждого лица, его связь с аккаунтом, доказательства осведомленности и отношение к цели. Такая схема помогает видеть, где есть общий умысел, где есть самостоятельный эпизод, а где есть только техническое действие без доказанной преступной роли.

Минимально достаточный стандарт доказывания должен включать несколько обязательных обстоятельств. Нужно установить личность потерпевшего и его возраст, личность пользователя аккаунта, содержание коммуникации, адресность сообщения, направленность поведения, способ совершения, границы эпизода и роль каждого участника. Также нужно подтвердить подлинность электронных данных и законность их получения. Без этих обстоятельств квалификация становится нестабильной и может зависеть от оценочных предположений [152; 171].

Электронные данные должны проверяться по источнику, целостности и контексту. Скриншот сам по себе не всегда достаточен, потому что его можно изменить или вырвать из общего разговора. Более надежными являются данные, полученные с устройства, из аккаунта, от платформы или через экспертное исследование. Важно сохранять метаданные, время сообщений, сведения об отправителе и получателе, вложения и технические признаки файла. При этом сбор данных должен проводиться законным способом.

Минимальный стандарт не означает максимальный объем следственных действий. Напротив, он нужен для того, чтобы не допрашивать ребенка повторно без необходимости. Если возраст, содержание переписки и направленность поведения подтверждаются цифровыми данными, повторное воспроизведение травмирующих обстоятельств должно быть ограничено. Ребенок не должен становиться главным инструментом восполнения пробелов, которые возникли из за плохой работы с электронными следами [11].

Поэтому предлагается процессуальный протокол щадящего доказывания. Его смысл состоит в том, что доказательства собираются так, чтобы сохранить их надежность и одновременно защитить ребенка. На ранней стадии нужно быстро сохранить электронные данные, зафиксировать аккаунты, устройства, ссылки, файлы и сведения о платформе. Затем проводится первичное интервью с

ребенком в безопасных условиях. Его желательно фиксировать на видео, чтобы снизить необходимость повторных опросов.

Интервью должно проводить подготовленное лицо с участием специалиста, который понимает возрастные особенности ребенка. Вопросы должны быть простыми и нейтральными. Нельзя подталкивать ребенка к нужному ответу или заставлять его многократно пересказывать интимные детали. Если цифровые материалы уже подтверждают часть обстоятельств, вопросы должны быть направлены только на то, что нельзя установить иным путем. Такой подход сохраняет доказательственную ценность показаний и снижает вторичную травматизацию.

Доступ к интимным изображениям и личной переписке ребенка должен быть ограничен. Следователь, прокурор, суд и эксперт должны работать только с тем объемом материалов, который необходим для дела. При возможности следует использовать описания, хеш значения, копии с ограниченным доступом и закрытый порядок исследования. Это не уменьшает силу доказательств. Напротив, такая организация снижает риск утечки данных и повышает доверие семьи к расследованию [11; 36].

Процессуальный протокол должен предусматривать и проверку цифровой цепочки хранения. Нужно фиксировать, кто получил данные, когда они были получены, где они хранятся, кто имел к ним доступ и какие действия с ними проводились. Если речь идет о данных платформы или иностранного сервиса, требуется своевременное направление запроса о сохранении сведений. Без этого переписка может быть удалена, а доказательственная база станет зависеть от памяти ребенка и косвенных показаний [85; 152].

Важным элементом стандарта является правило достаточности. Следствие должно заранее определить, какие обстоятельства уже подтверждены и какие еще требуют проверки. Это позволяет не собирать лишние данные и не расширять вмешательство в частную жизнь ребенка. Если доказательства подтверждают только факт обычного общения, уголовная квалификация недопустима. Если они показывают сексуализированное воздействие, возраст и направленность умысла, есть основание для применения соответствующей нормы.

Алгоритм также снижает риск типовых ошибок. К таким ошибкам относятся искусственное дробление переписки на множество эпизодов, необоснованное объединение разных потерпевших в один эпизод, признание соучастия без доказанного общего умысла, подмена развращения приставанием и восполнение слабых электронных доказательств повторными допросами ребенка. Каждая из этих ошибок влияет не только на исход дела, но и на доверие к правосудию. Поэтому единые правила квалификации имеют профилактическое значение.

В коммуникационно опосредованных формах нужно отдельно проверять адресность воздействия. Сообщение должно быть направлено конкретному

ребенку или группе детей, а не только размещено в открытом пространстве без установленной связи с потерпевшим. Если материал размещен публично, квалификация должна учитывать, было ли доказано восприятие ребенком и была ли цель воздействовать именно на него. Это правило помогает отличать развращение от иных составов, связанных с оборотом запрещенного контента.

Если цифровое общение позднее переходит в офлайн контакт, нужно определить роль предшествующей переписки. Она может быть самостоятельным развращающим эпизодом, если уже содержала сексуализированное воздействие и имела отдельное значение для формирования доверия или зависимости. Она может быть способом подготовки другого преступления, если полностью подчинена последующему акту и не образует самостоятельного вреда. Разграничение должно проводиться по содержанию общения, длительности воздействия и доказанной цели виновного [13; 35].

В делах с интимными изображениями ребенка нельзя исходить из того, что создание материала самим подростком снижает ответственность взрослого. В цифровой среде ребенок может действовать под давлением, из доверия, из страха раскрытия переписки или из желания сохранить отношения. Поэтому важны признаки управления поведением ребенка. К ним относятся просьбы о новых изображениях, угрозы распространения, обещания, контроль канала связи и перевод общения в закрытую переписку [65; 115].

При оценке соучастия в таких ситуациях нужно различать знание о незаконности контента и участие в воздействии на ребенка. Подписчик закрытого канала может понимать, что материал незаконен, но это не означает его участие в развращении конкретного ребенка. Иной вывод возможен, если доказано, что он заказывал материал, давал указания, финансировал создание нового контента или участвовал в давлении на потерпевшего. Это позволяет не расширять соучастие без доказательств [167; 172].

Для следствия полезно применять рабочую карту эпизода. В ней отражаются потерпевший, возраст, канал связи, ключевые сообщения, тип материала, действие каждого участника, доказательства заведомости и процессуальный источник данных. Такая карта не заменяет обвинение и не является самостоятельным доказательством. Она помогает не потерять важные сведения, не смешать роли участников и заранее увидеть пробелы, которые требуют проверки через законные процессуальные действия [152; 171].

Предлагаемый алгоритм может быть вынесен в приложение к исследованию как практическая схема для следователя, прокурора и суда. Его ценность состоит не в жесткой автоматизации квалификации, а в последовательности вопросов. Такая последовательность помогает одинаково оценивать офлайн и цифровые ситуации. Она также показывает, где заканчивается обычная коммуникация, где начинается уголовно значимое воздействие и когда требуется отдельная оценка соучастия или совокупности.

Таким образом, усиленная модель подраздела связывает материальное право и процесс. Квалификационный алгоритм помогает выбрать норму и определить границы эпизодов. Минимальный стандарт доказывания показывает, какие обстоятельства должны быть подтверждены. Протокол щадящего доказывания защищает ребенка и сохраняет достоверность доказательств. В совокупности эти элементы повышают предсказуемость правоприменения, уменьшают риск произвольных решений и позволяют учитывать особенности цифровых форм взаимодействия без отказа от принципов законности и справедливости.

2.4 Квалификационная устойчивость и доказательственная достаточность при защите ребенка от вторичной виктимизации

Настоящий подраздел посвящен обеспечению квалификационной устойчивости и доказательственной достаточности по делам о развращении малолетних и лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, при одновременном снижении рисков вторичной виктимизации ребенка в уголовном процессе. Уголовно-правовой центр анализа образует статья 124 УК РК, а смежные запреты сексуального блока и нормы о вовлечении несовершеннолетних и обороте порнографических материалов.

В цифровых преступлениях важные обстоятельства обычно подтверждаются перепиской и другими электронными данными. Поэтому правильная квалификация зависит не только от содержания закона, но и от того, насколько качественно собраны и закреплены цифровые доказательства. Для этого нужны понятные правила доказывания и специальные процедуры, которые позволяют защищать ребенка от повторной травматизации во время расследования. Поэтому наша цель состоит в обосновании минимально достаточного стандарта установления ключевых обстоятельств и процессуального протокола щадящего доказывания, которые повышают предсказуемость правоприменения.

Доктринальная дискуссия в Казахстане вокруг статьи 124 концентрируется на неопределенности термина развратные действия и на границах его отграничения от иных сексуальных составов. В комментарийной литературе развратные действия обычно описываются как действия сексуального характера, не содержащие признаков изнасилования или насильственных действий сексуального характера, направленные на сексуализацию ребенка и удовлетворение влечения виновного. При этом в практическом толковании акцент нередко смещается к непосредственному телесному воздействию и к наблюдаемым физическим проявлениям, что воспринимается как условие доказуемости и условие исключения сомнений при квалификации [176]. Такая

позиция стремится минимизировать риск расширительного толкования и защитить презумпцию невиновности, но она содержит методологическую уязвимость, поскольку в цифровой среде воздействие может быть интенсивным и сексуализированным без физического контакта, а требование телесности фактически порождает искусственную зависимость обвинения от повторных показаний ребенка.

Конкурирующая позиция исходит из того, что развратные действия как социально опасное поведение ориентированы на сексуализированное воздействие на ребенка и на формирование у него представлений и навыков интимного поведения, а способ воздействия не может быть сведенным только к физическому контакту. В ведомственной научной литературе подчеркивается, что ни УК РК, ни имеющиеся разъяснения судебной практики не предлагают развернутого определения развратных действий, и в этой связи предлагается признать развратными и такие действия, при которых непосредственный физический контакт отсутствует, включая действия, совершенные посредством сетей телекоммуникаций [177]. Ценность данной позиции состоит в ее адаптации к коммуникационно-опосредованным сценариям, однако она сталкивается с проблемой доказательственного контроля, поскольку цифровые следы требуют проверки происхождения и целостности, а расширение состава без одновременной процессуальной стандартизации добывания цифровых доказательств повышает риск недопустимости и последующей квалификационной нестабильности.

Для оценки жизнеспособности обеих позиций ключевым является институт допустимости доказательств и его влияние на квалификационную устойчивость. В казахстанской процессуальной доктрине допустимость рассматривается как юридический фильтр, который исключает фактические данные, полученные с нарушением процессуальной формы, и тем самым защищает право на справедливое судебное разбирательство. На материале анализа противоречивой практики по признанию недопустимости доказательств подчеркивается, что нарушение процедуры сбора и закрепления фактических данных на ранних стадиях способно предопределять исход дела, поскольку в суде такие данные исключаются и обвинение вынуждено перестраивать доказательственную конструкцию, нередко усиливая давление на потерпевшего [178]. Для дел о развращении это означает, что без заранее заданного минимума допустимых цифровых доказательств даже обоснованная уголовно-правовая интерпретация развратных действий может оказаться процессуально неустойчивой.

В учебной литературе по уголовному процессу отмечается, что доказывание в уголовном судопроизводстве должно обеспечивать не только установление фактов, но и соблюдение прав участников, включая недопущение унижения достоинства и чрезмерного вмешательства в частную жизнь. При производстве по делам с участием несовершеннолетних центральным становится

требование индивидуализации процессуальных решений и учет уязвимости ребенка, что предполагает ограничение повторяемости следственных действий и применение специальных мер защиты [179]. Однако в Казахстане пока нет четких правил, позволяющих опираться в таких делах в основном на цифровые доказательства. Поэтому слабость электронной доказательственной базы нередко восполняется повторными допросами ребенка. Это может причинять ребенку дополнительную психологическую травму.

Уголовно-процессуальный кодекс РК (УПК РК) требует доказывать все основные обстоятельства дела, включая возраст потерпевшего, характер действий, намерения виновного и способ совершения преступления, в том числе через интернет. Однако УПК РК пока не выделяет электронные доказательства в отдельную категорию. Из-за этого возникают сложности с проверкой подлинности цифровых данных и правильным сохранением информации о них.

В делах рассматриваемой категории ребенок может получить дополнительную психологическую травму уже во время расследования и суда. Причиной могут стать повторные допросы, изучение личных материалов и излишняя публичность процесса. Верховный Суд РК разъясняя указывает, что при рассмотрении таких дел государственные органы обязаны защищать права и достоинство потерпевшего, а также учитывать его уязвимое положение [180]. Это означает необходимость минимизировать контакты ребенка с обвиняемым, ограничивать распространение сведений об интимных аспектах жизни и избегать процессуального поведения, превращающего ребенка в объект проверки версии вместо субъекта права. Следовательно, требования квалификационной устойчивости и требования защиты от вторичной виктимизации должны быть объединены в единой модели доказывания.

Кейс-анализ открытых материалов по Казахстану показывает, что коммуникационно опосредованные формы развращения уже получают судебную оценку и формируют набор типовых доказательственных проблем. В публично описанном случае специализированный суд по делам несовершеннолетних города Алматы признал лицо виновным в развратных действиях в отношении 12-летней школьницы, при этом фабула строилась на знакомстве через мессенджер Telegram, видеозвонке и совершении непристойных действий и предложений интимного характера, а приговор предусматривал лишение свободы сроком семь лет [181]. Для целей настоящего подраздела значимо не наказание, а структура доказательственной базы, поскольку в подобных сценариях решающими становятся цифровые следы коммуникации и техническая привязка аккаунта к лицу. Публичное описание дела демонстрирует, что квалификация по статье 124 становится возможной и при отсутствии физического контакта, однако устойчивость такой квалификации зависит от того, насколько корректно были извлечены и закреплены данные переписки и вызовов и насколько полно было исключено использование аккаунта другим лицом.

Второй типовой кейс, отраженный в открытых сообщениях, связан с развратными действиями, совершенными педагогом в отношении несовершеннолетней в офлайн ситуации, где обвиняемый не признал вину и просил переквалифицировать деяние на более легкую статью, а суд назначил длительный срок лишения свободы и пожизненный запрет заниматься деятельностью, связанной с воспитанием детей [182]. Этот кейс важен в том отношении, что даже при наличии офлайн компонента спор о квалификации часто переносится в плоскость доказательственной достаточности и оценки показаний. В подобных делах цифровые данные могут выполнять роль независимого стабилизатора квалификации, например через фиксацию предшествующей переписки, фотографии, геолокации и иных следов контакта, что позволяет сократить объем повторных допросов. Одновременно кейс иллюстрирует риск вторичной виктимизации, когда вследствие психологической травмы ребенок может быть переведен на дистанционное обучение, а процессуальные действия могут сохранять долгосрочные социальные последствия.

Официальная статистика используется в настоящем подразделе как индикатор масштаба проблемы и как источник анализа латентности, а не как прямое измерение реальной распространенности. В официальном сообщении о криминогенной ситуации за 2024 год фиксируется показатель преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и отмечается их высокая социальная чувствительность [9]. Для анализа квалификационной устойчивости важен вывод о том, что в этих категориях даже незначительные колебания учета могут отражать изменения в активности выявления и в готовности семей сообщать о фактах посягательства, а не реальные изменения. Цифровизация одновременно повышает вероятность выявления через следы коммуникации и повышает барьеры сообщения, поскольку семейные и школьные контексты могут предпочитать скрывать цифровые инциденты из-за страха стигматизации и из-за непонимания, какие действия в сети образуют уголовно значимое развращение.

Международные стандарты исходят из того, что расследование и суд не должны причинять ребенку лишние страдания. Документы ООН закрепляют право ребенка на уважительное обращение, защиту личной жизни и специальные процедуры допроса с учетом возраста и психологического состояния [183]. Европейские стандарты требуют, чтобы правосудие учитывало возраст и психологическое состояние ребенка. Совет Европы рекомендует проводить как можно меньше повторных допросов, избегать одинаковых вопросов и создавать безопасные условия для общения с ребенком. Также подчеркивается важность участия подготовленных специалистов, защиты личной жизни и сохранения конфиденциальности [184].

С точки зрения настоящего исследования эти принципы поддерживают вывод о необходимости протокола щадящего доказывания, который связывает решение о повторном допросе с доказыванием невозможности восполнить пробелы иными способами и делает цифровые данные ключевым ресурсом для сокращения повторных контактов.

Эмпирические исследования, проведенные в европейском контексте, подтверждают, что не само участие ребенка в правосудии является основным травматизатором, а повторяемость и непредсказуемость процедур, отсутствие понятной информации и ощущение потери контроля. В исследовании Агентства ЕС по основным правам, основанном на опыте детей, вовлеченных в судебные процедуры как потерпевших, свидетелей или сторон, фиксируется значимость понятного объяснения процедур, дружелюбной инфраструктуры, ограничения контакта с обвиняемым и минимизации повторных интервью [185]. Эти выводы применимы к казахстанским условиям как аргумент в пользу стандартизации процессуальных решений, поскольку без формализованного протокола практика будет зависеть от индивидуальной культуры следователя и судьи, что увеличивает дискрецию и одновременно увеличивает риск вторичной виктимизации.

Собственная научная позиция состоит в том, что предлагается определить минимальный набор обстоятельств и доказательств, необходимых для расследования дел о развращении малолетних с использованием электронных данных и переписки. Также предлагается специальный порядок расследования, который помогает уменьшить психологический вред для ребенка и при этом сохранить достоверность доказательств.

Предлагаемый подход исходит из того, что для правильной квалификации нужны четкие и заранее понятные правила оценки обстоятельств дела. Электронные данные могут подтверждать важные факты и снижать необходимость повторных допросов ребенка, если такие данные правильно проверены и закреплены. При этом следственные действия должны проводиться так, чтобы не усиливать травматизацию потерпевшего. Такой механизм может применяться в рамках действующего законодательства после его точечного уточнения.

Минимально достаточный стандарт предлагается понимать как нормативно ориентированную модель, определяющую обязательный набор ключевых обстоятельств, без установления которых вывод о наличии состава развращения является недостаточно обоснованным, а также определяющую допустимые способы подтверждения каждого обстоятельства.

Стандарт выполняет функцию юридического фильтра и функцию виктимологического ограничителя. Как фильтр он ограничивает расширительное толкование и предотвращает квалификацию по статье 124 на основе моральной оценки или на основе непроверяемых данных. Как виктимологический

ограничитель он задает правило, что следствие не может подменять отсутствие объективируемых доказательств множественными допросами ребенка, если эти допросы не добавляют юридически значимой информации и воспроизводят травмирующий опыт. В отличие от общей формулы достаточности доказательств стандарт переводит абстрактное требование в конкретные критерии, пригодные для контроля прокурором и судом, а также для оценки со стороны защиты.

На основе стандарта формулируется процессуальный протокол щадящего доказывания. Протокол представляет собой последовательность процессуальных и организационных действий, где каждый шаг связан с конкретным риском вторичной виктимизации и с конкретной задачей доказательственной достаточности. Назначение протокола заключается в том, чтобы перераспределить доказательственную нагрузку от ребенка к объективируемым источникам, прежде всего к цифровым следам, и тем самым ограничить повторяемость интервью и объем предъявления ребенку интимных материалов. Протокол не заменяет требования закона и не вводит новых доказательств, он конкретизирует, как применять действующие процессуальные инструменты в делах этой категории с учетом уязвимости ребенка и с учетом особенностей цифровых данных.

С учетом зависимости цифровых доказательств от цифровых посредников целесообразно усилить межведомственные механизмы взаимодействия. На уровне правоприменения это предполагает стандартизацию запросов к операторам связи и платформам, создание шаблонов для срочной консервации данных, а также обучение следователей базовым требованиям цифровой криминалистики и психологии общения с ребенком. На уровне профилактики требуется развитие безопасных каналов сообщения и консультационной поддержки семей, чтобы снижение латентности не превращалось в рост вторичной виктимизации. Внутриведомственные регламенты должны закреплять, что цифровые следы используются не как повод для расширения исследуемого интимного материала, а как ресурс для сокращения повторных интервью и для повышения доказательственной надежности.

3 Криминологическая модель механизма и профилактика развращения малолетних

3.1 Криминологический механизм и детерминационный комплекс развращения малолетних

Криминологическое объяснение развращения малолетних в условиях цифровизации требует одновременного удержания двух рамок. Первая рамка задается уголовно-правовыми границами запрета, которые определяют, какие формы сексуализированного воздействия и вовлечения подлежат криминализации и где проходит граница между противоправным и девиантным поведением. Вторая рамка задается профилактической задачей, поскольку без реконструкции механизма и детерминационного комплекса невозможно обосновать риск-ориентированную модель предупреждения и поствиктимной защиты, включая минимизацию вторичной виктимизации. В логике настоящей диссертации данный подраздел связывает результаты нормативного анализа и типологизации квалификационных ошибок, выполненные во втором разделе, с построением криминологической модели профилактики в третьем разделе настоящей диссертации, поскольку устойчивость квалификации и доказуемость цифровых эпизодов зависят от того, насколько правоприменитель понимает типовые траектории вовлечения ребенка и воспроизводимость условий виктимизации.

Системная методология предполагает рассматривать механизм развращения малолетних как пересечение уголовно-правовой охраны и системы защиты детства, в которой приоритет интересов ребенка и обязанность государства создавать условия безопасности закреплены как в отраслевом законодательстве о правах ребенка, так и в стратегических документах правовой политики. Эта связка важна по двум причинам. Во-первых, она задает межведомственный характер профилактики и поствиктимной защиты, включая взаимодействие органов образования, здравоохранения, социальной защиты, полиции и цифровых посредников. Во-вторых, она позволяет обосновать, что профилактические меры должны быть соразмерны риску и не превращаться в тотальный контроль цифровой коммуникации детей, поскольку чрезмерное ограничение права на частную жизнь может само по себе стать фактором сокрытия виктимизации и отказа от обращения за помощью.

Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года фиксирует общий вектор усиления доказательственной и процессуальной определенности, а также ориентацию на превентивность и защиту уязвимых групп, что применительно к цифровым формам развращения означает необходимость разведения уголовно-правовых и профилактических инструментов и их согласования по целям, адресатам и допустимым

ограничениям прав. В криминологическом аспекте это требует моделирования не только причинных факторов, но и операциональных критериев риска, которые могут быть использованы в правоприменении и межведомственном взаимодействии без расширительного толкования состава преступления.

Цифровизация как контекст профилактики фиксируется в государственных документах кибербезопасности, которые, хотя и ориентированы преимущественно на защиту информационно-коммуникационной инфраструктуры, в логике системного метода задают обязательность управления рисками в цифровой среде как для государства, так и для операторов и пользователей. Для защиты детей это означает, что профилактика сексуализированной эксплуатации должна включать компоненты цифровой гигиены, управления доступом, реагирования на инциденты и сохранения доказательственной информации, поскольку без институционально закрепленных процедур реагирование нередко запаздывает до стадии уголовного преследования, когда ущерб уже причинен.

Комплексный план по защите детей от насилия, суицидов и обеспечению их прав и благополучия на 2023–2025 годы институционализирует межведомственный характер профилактики, предусматривая меры выявления неблагополучия, развития служб поддержки и совершенствования взаимодействия с цифровой средой. Однако нормативные документы планового характера преимущественно описывают мероприятия, а не механизм причинения вреда и не критерии, позволяющие целенаправленно выбирать инструменты вмешательства на ранних стадиях вовлечения. В результате практическая профилактика нередко сводится к кампанийным информационным мерам и разовым рейдам, тогда как цифровые траектории вовлечения носят кумулятивный характер и требуют постоянного мониторинга рисков и адресного сопровождения уязвимых детей.

Проблема недостаточной операционализации профилактики частично осознается законодателем через развитие понятийного аппарата. Так, в новом законе о профилактике правонарушений закрепляется понятие виктимологической профилактики как самостоятельного направления деятельности субъектов профилактики, что принципиально важно для рассматриваемого вида посягательств, поскольку уязвимость ребенка и ее социально-цифровые корреляты выступают не побочным обстоятельством, а структурным элементом механизма виктимизации. Вместе с тем даже при наличии такого понятия сохраняется риск подмены виктимологической профилактики перекладыванием ответственности на ребенка или семью, если не задана модель причинной связи между факторами и конкретными точками вмешательства [186]

В казахстанской криминологической доктрине механизм преступного поведения традиционно описывается как последовательность этапов, в которых

внешняя ситуация взаимодействует с личностными свойствами и приводит к принятию решения о совершении преступления, его реализации и посткриминальному поведению. Такой подход детализирован в учебной литературе на государственном языке, где отдельно рассматриваются детерминация, латентность, виктимология и механизм преступного поведения, а также подчеркивается, что технический прогресс облегчает трансграничность и анонимность преступлений, включая распространение порнографических материалов и использование дистанционных каналов воздействия [187]. Достоинством этой позиции является сохранение причинно-следственной логики и учет латентности, однако ее слабость проявляется в недостаточной спецификации цифровых посредников как самостоятельного элемента ситуации, поскольку цифровая среда не только расширяет возможности, но и изменяет структуру контакта и контроля.

Схожая логика представлена в другом казахстанском учебнике, где криминология определяется как междисциплинарная наука о преступности, ее причинах, личности преступника и предупреждении, при этом криминологический анализ проводится через призму общественных отношений и социально-нравственных регуляторов. В этом подходе внимание сосредоточено на социальной природе преступности и на том, что границы уголовно наказуемого поведения задаются законом, тогда как криминологическое исследование выходит за пределы формальной квалификации и оценивает условия возникновения преступности как явления. Данное различение полезно для нашей темы, поскольку позволяет отделить профилактику от уголовного преследования и рассматривать цифровые коммуникации как часть социальных отношений, а не только как технологию. Вместе с тем при переносе классической схемы на развращение малолетних проявляется методологический дефицит. Неочевидно, какие параметры цифровой коммуникации следует считать причинно значимыми, а какие остаются нейтральными, и по каким критериям эти параметры переводятся в операциональные индикаторы риска для практической профилактики [188].

Иная, конкурирующая позиция в казахстанской доктрине исходит из того, что преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием IT-технологий формируют самостоятельный вызов, поскольку цифровая среда создает новый тип доступности жертвы и новые способы воздействия, не сводимые к традиционным контактным действиям. В рамках этой позиции акцент делается на необходимости адаптации правоприменения и профилактики к онлайн-коммуникациям, где граница между подготовительными действиями, непристойным воздействием и вовлечением размыта из-за мимолетности сообщений и трудностей их процессуального закрепления.

Исследования показывают, что в Казахстане правила защиты детей в интернете пока недостаточно согласованы между собой. Законы о защите детей,

персональных данных, информационной безопасности и работа интернет платформ часто действуют разрозненно. При этом у цифровых платформ нет четких обязанностей по предотвращению сексуализированного вреда и сохранению данных для расследования. По этой причине многие опасные ситуации остаются скрытыми, а государственные органы не всегда могут вовремя вмешаться. Между тем исследователи отмечают, что меры защиты должны быть связаны с реальными способами вовлечения детей в опасное общение, иначе такие предложения останутся только общими рекомендациями без практического эффекта [189].

Официальные данные показывают, что преступления против половой неприкосновенности занимают значительную часть всех преступлений против детей. В государственных докладах отмечается, что такие деяния составляют около 35 процентов преступлений в отношении несовершеннолетних. Также подчеркивается, что многие случаи остаются скрытыми, а значительная часть преступлений совершается в жилых помещениях, где их сложнее выявить. Показан рост зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности детей с 719 фактов в 2022 году до 876 фактов в 2023 году, включая увеличение изнасилований, насильственных действий сексуального характера и развращения, последнее выросло с 94 до 106 случаев. Для криминологической модели эти цифры важны не как самоцель, а как индикатор того, что детерминационный комплекс включает скрытую домашнюю и социально близкую среду, а цифровые контакты должны рассматриваться как канал доступа, который может проявляться и в домашнем контексте через устройства и аккаунты членов семьи [190]

Ограничения официальной статистики усиливаются цифровым измерением, поскольку значимая часть вреда причиняется на стадиях, которые еще не достигают порога уголовно-правового запрета или не фиксируются как самостоятельные эпизоды. Исследование Kazakhstan Kids Online, проведенное в 2023 году с участием детей, родителей и педагогов во всех регионах Казахстана, показывает ранний возраст первого выхода детей в интернет и наличие регулярных онлайн-рисков, включая добавление незнакомых лиц, столкновение с нежелательным контентом и недостаточную практику обращения за помощью. Методологическая ценность этого исследования для рассматриваемой темы заключается в том, что оно позволяет операционализировать социально-цифровые условия виктимизации через измеряемые индикаторы, которые предшествуют преступлению как юридическому факту, но статистически отражают потенциальную зону доступа взрослых к детям и вероятности формирования доверительных онлайн-контактов. Следовательно, криминологическая модель должна строиться на смешанных данных, где криминальная статистика описывает лишь верхнюю часть айсберга, а исследования цифрового поведения детей дают материал для оценки латентности

и для определения точек раннего вмешательства без криминализации самой детской коммуникации [191].

Сопоставление национальных данных с международными аналитическими материалами подтверждает, что цифровая среда усиливает масштаб и латентность сексуализированной эксплуатации детей. В отчете Международного союза электросвязи о защите детей в онлайн-среде по Казахстану отмечается необходимость комплексных мер, включающих правовое регулирование, повышение цифровой грамотности, развитие механизмов сообщения и межведомственное взаимодействие, а также учет того, что информационно-коммуникационные технологии используются как детьми, так и правонарушителями [192]. Для нас значение этого источника состоит в том, что он задает структуру профилактической политики, ориентированной на управление рисками, и тем самым поддерживает тезис о необходимости моделирования типовых траекторий вовлечения ребенка и точек вмешательства, которые могут быть реализованы до наступления уголовной ответственности и без расширительного толкования состава.

Виктимологический анализ для данной темы неизбежно включает оценку вторичной виктимизации, поскольку в цифровых делах ребенок сталкивается с многократным воспроизведением травмирующих обстоятельств через просмотр переписок, изображений и аудио или видеозаписей, а также через повторные процессуальные контакты. В специализированных материалах, подготовленных при участии международных организаций по вопросам судопроизводства с участием детей в Казахстане, подчеркивается необходимость дружественных процедур, конфиденциальности и ограничения повторных допросов, что прямо связано с доказательственными потребностями по цифровым эпизодам [193]. Указанные рекомендации важны для построения механизма виктимизации, поскольку они позволяют включить в модель не только момент причинения первичного вреда, но и поствиктимный контур, в котором институциональная реакция может либо снизить, либо усилить последствия, влияя на повторяемость и латентность.

Международные стандарты правосудия в отношении детей-жертв и свидетелей преступлений, закрепленные в руководящих принципах Экономического и Социального Совета ООН, исходят из приоритета достоинства ребенка, права на информацию, минимизации стресса и ограничения вмешательства в частную жизнь. Содержательно эти стандарты задают критерии, которые применимы и к цифровым делам, поскольку фиксация электронных данных требует обращения с интимной информацией и вовлечения специалистов. В криминологической модели это означает, что точки профилактического вмешательства и последующего реагирования должны быть согласованы с требованиями о конфиденциальности, недопустимости стигматизации и обеспечении доступа к поддержке, иначе институциональная

реакция становится фактором отчуждения ребенка от системы защиты и повышает вероятность повторной виктимизации.

Сравнительно-правовой метод показал нам, что международные стандарты профилактики сексуализированной эксплуатации детей в цифровой среде смещают акцент с реагирования на завершенное преступление к раннему выявлению и прерыванию траектории вовлечения. Лансаротская конвенция Совета Европы прямо фиксирует рост сексуальной эксплуатации и сексуального насилия в связи с использованием информационно-коммуникационных технологий и требует комплексной политики, сочетающей криминализацию, профилактику, защиту жертв и международное сотрудничество. Значение этих положений для Казахстана состоит в том, что они поддерживают необходимость включения цифровых посредников и образовательных институтов в профилактическую модель и требуют, чтобы профилактические меры не подменялись только ужесточением наказаний, поскольку конвенционный подход строится на сочетании мер до и после уголовного преследования.

Европейская директива 2011/93/ЕС, хотя и не является обязательной для Казахстана, представляет полезный ориентир в части нормативного выделения онлайн-составляющих и минимального стандарта мер защиты ребенка в уголовном процессе. Она закрепляет комплексный подход, включающий профилактику, обучение специалистов, поддержку жертв и специальные процессуальные меры, направленные на предотвращение дополнительной травматизации ребенка через участие в расследовании и судебном разбирательстве. Сравнительный вывод состоит в том, что зарубежные модели стремятся формализовать ранние стадии онлайн-вовлечения, а также обязанности по поддержке и сопровождению ребенка, тогда как казахстанская модель в большей степени опирается на общий состав развращения и процессуальные инструменты, не имея достаточной операционализации цифровых индикаторов риска. Этот разрыв и восполняется предлагаемой в диссертации криминологической моделью механизма и детерминации.

Для конструирования детерминационного комплекса целесообразно использовать экологическую логику уровней, но адаптировать ее к уголовно-правовым границам запрета. На микроуровне находятся семейные и индивидуальные факторы, определяющие уязвимость ребенка и доступ правонарушителя. На мезоуровне расположены институты надзора и поддержки, включая школу, медицинские и социальные службы, а также цифровые посредники и их модерационные практики. На макроуровне действуют культурные нормы, социальная толерантность к сексуализации детства, экономические условия и доступность цифровой инфраструктуры. Функциональные анализы системы защиты детей в Казахстане показывают, что вторичная профилактика часто опирается на учет неблагополучных семей, но критерии такого учета и механизмы сопровождения неоднородны, что создает

разрывы между выявлением риска и реальным оказанием поддержки. В цифровом контексте эти разрывы усиливаются, поскольку надзор за онлайн-поведением детей в значительной степени приватизирован и возложен на семью, тогда как семья нередко и является источником дефицита защиты [194]

Эмпирические исследования казахстанских авторов, выполненные на основе данных по преступлениям в отношении несовершеннолетних в крупных городах, подтверждают значимость социально близкой среды и обязанность представителей институтов сообщать о признаках жестокого обращения и эксплуатации. В частности, в анализе преступлений в отношении несовершеннолетних в городе Алматы подчеркивается, что значительная часть посягательств совершается лицами из окружения ребенка, а виктимологический аспект требует рассматривать не только поведение правонарушителя, но и уязвимость, связанную с зависимостью ребенка и дефицитом защиты. Для нашей темы эти выводы важны тем, что цифровой канал общения нередко лишь расширяет пространство контакта, но не отменяет центральности отношений доверия и зависимости, которые могут складываться как в семье, так и в школьной или иной институциональной среде. Следовательно, детерминационный комплекс развращения малолетних не может быть редуцирован к характеристикам интернета и должен включать институциональные механизмы раннего выявления неблагополучия и реагирования на него [195]

Первая траектория иллюстрируется практикой осуждения за развратные действия, совершенные дистанционно в видеосвязи. В одном из дел, освещенных официальным информационным агентством, установлено, что взрослый мужчина, находясь в другом городе, познакомился с несовершеннолетней через мессенджер, после чего в ходе видеосвязи совершал действия непристойного характера и делал предложения интимного характера без применения физического насилия. Судебная оценка привела к назначению наказания в виде лишения свободы сроком семь лет, что показывает, что правоприменитель признает общественную опасность коммуникационно-опосредованных развратных действий, даже когда отсутствует физический контакт. Для криминологической модели значимо, что в фактической основе дела ключевыми выступили цифровые следы общения, а не показания о физическом воздействии. Это подтверждает необходимость включать в механизм стадию фиксации цифровой коммуникации и сохранения данных как самостоятельный фактор, влияющий на возможность уголовно-правовой реакции и, соответственно, на профилактическую предсказуемость [196]

Вторая сторона практики демонстрирует, что дефицит доказательственной базы и процессуальные ошибки могут приводить к оправданию даже по тяжким обвинениям, что усиливает латентность и снижает готовность семей сообщать о преступлениях. Показательным является судебное дело, в котором подсудимый

обвинялся в совершении насильственных половых посягательств и развращении малолетней, при этом суд вынес оправдательный приговор в связи с недоказанностью вины. По опубликованному сообщению, ключевыми проблемами оказались противоречия в доказательствах и отсутствие достаточной совокупности подтверждающих данных. С криминологической точки зрения подобные исходы усиливают риск вторичной виктимизации, поскольку ребенок проходит через длительное расследование и судебное разбирательство, но без подтверждения его статуса жертвы в юридическом смысле и без очевидной перспективы восстановления справедливости. Кроме того, такие дела иллюстрируют, что для внутренней траектории, где правонарушитель находится в семье, доказательственная зависимость от показаний особенно высока, а значит, модель профилактики должна включать инструменты раннего выявления, независимые от признаний и поздних заявлений [197]

Для смешанной траектории, где цифровой контакт может переходить в офлайн взаимодействие, характерна высокая зависимость от ситуативных возможностей правонарушителя и от дефицита надзора. В сообщении о рассмотрении дела специализированным межрайонным судом по уголовным делам Туркестанской области указывалось, что развратные действия совершены в отношении девочки двенадцати лет, а фабула дела была связана с использованием доверия и возможности доступа к ребенку. При отсутствии в открытых данных сведений о цифровом канале, данный пример важен как контраст. Он показывает, что даже традиционный офлайн сценарий требует оценки факторов доступа и контроля, которые в современных условиях часто переплетены с цифровыми практиками, поскольку планирование встреч, обмен сообщениями и скрытность коммуникации все чаще реализуются через мессенджеры. Следовательно, криминологическая модель должна быть инвариантна по отношению к каналу контакта и описывать единые механизмы формирования доверия и изоляции, которые затем реализуются как в офлайн, так и в онлайн формах [198]

Четвертая, сетевая траектория особенно показательна для цифровизации, поскольку вовлечение ребенка здесь сочетается с экономической мотивацией и распределением функций между участниками. В одном из резонансных дел, освещенных в открытых источниках, сообщалось о выявлении сети порностудий, функционировавших в разных городах и контролируемых организованной группой, при этом деятельность была связана с созданием и оборотом материалов сексуального характера в онлайн-среде. Даже без раскрытия деталей конкретных потерпевших этот кейс демонстрирует, что развращение в таких схемах может выступать как инструмент вербовки и удержания несовершеннолетних, а также как средство снижения их сопротивления и нормализации участия в производстве контента. С криминологической точки зрения это требует рассматривать цифровые платформы и платежные инструменты как часть

ситуации преступления и включать в модель профилактики финансовые и технологические маркеры, по которым возможна ранняя идентификация студийного или стримингового формата эксплуатации [199].

Для целей ранней профилактики существенны ситуации, которые еще не достигают уровня развращения, но демонстрируют начало сексуализированного преследования и тестирование границ ребенка. С этой точки зрения показательны дела по статье о приставании сексуального характера к лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, поскольку они отражают переход от социально приемлемого общения к противоправному воздействию, часто в публичных местах или в условиях короткого контакта. В одном из опубликованных сообщений о рассмотрении дела городским судом указывалось, что взрослый совершал в отношении несовершеннолетней непристойные действия и высказывания, и суд назначил наказание в виде общественных работ [200]. Криминологически подобные случаи важны как индикатор того, что профилактическое вмешательство должно быть адресовано не только тяжким формам сексуализированного насилия, но и ранним формам сексуализированного поведения взрослых в отношении детей, поскольку без такого вмешательства возможна эскалация к более тяжким формам. Одновременно эти дела демонстрируют значение формальной определенности признаков непристойного воздействия, чтобы не расширять запрет на социально нейтральные формы контакта.

Роль цифровых посредников и правоохранительного мониторинга как элемента институционального надзора подтверждается практикой выявления каналов распространения порнографии с участием несовершеннолетних в мессенджерах. Так, прокуратурой Туркестанской области сообщалось о выявлении в Telegram платного канала, распространявшего порнографические фото и видео материалы, включая материалы с участием несовершеннолетних, после чего были инициированы оперативно-розыскные мероприятия. Этот пример демонстрирует, что часть цифровых рисков поддается выявлению на основе открытых и полуоткрытых данных при наличии компетенций и организационных процедур. Для криминологического анализа важно, что интернет-платформы и цифровые каналы не только распространяют запрещенный контент, но и формируют спрос на него. Это может подталкивать преступников к поиску новых материалов и вовлечению детей ради их создания [201]. Поэтому профилактика должна быть направлена не только на защиту детей, но и на ограничение распространения и получения прибыли от такой деятельности через сотрудничество с платформами и платежными сервисами.

В Казахстане регулирование интернет-платформ в основном связано с распространением информации и рекламой. При этом закон пока не устанавливает четких обязанностей платформ по защите детей от сексуализированного вреда. В действующем законодательстве недостаточно

подробно урегулированы вопросы выявления и удаления материалов сексуальной эксплуатации детей, правил модерации детского контента и сохранения данных для расследования преступлений. Это создает проблему между уголовным запретом и его практической реализацией. Уголовно-правовой запрет существует, но профилактика и получение доказательств во многом зависят от политики самих интернет-платформ и отдельных запросов следствия. Из-за этого часть преступлений остается скрытой. Правонарушители рассчитывают на исчезновение переписки и сложности межгосударственного получения данных [202].

Отдельное нормативное напряжение возникает на стыке уголовной юстиции, профилактики и режима персональных данных. Закон о персональных данных и их защите устанавливает принципы и правовые основания сбора и обработки сведений, относящихся к определяемому субъекту, а в делах о развращении малолетних цифровые доказательства почти всегда включают такую информацию, включая переписки, изображения, метаданные устройств и сведения о соединениях. При отсутствии специальных процедур межведомственного обмена и сохранения данных возникает риск двух крайностей. Первая крайность состоит в чрезмерном расширении доступа к интимной информации без четкого ограничения круга лиц и целей, что повышает риск вторичной виктимизации и утечек. Вторая крайность состоит в отказах платформ и организаций предоставлять данные из-за неопределенности правового основания, что снижает раскрываемость и стимулирует латентность. Следовательно, криминологическая модель должна учитывать регуляторное равновесие между защитой данных и эффективным расследованием, а предложения по профилактике должны включать юридически определенные протоколы доступа и хранения [203].

Указанное равновесие невозможно обеспечить без учета общих норм об информатизации, поскольку именно они задают требования к информационным системам, информационной безопасности и субъектам информатизации, включая государственные органы и операторов. Для рассматриваемой темы принципиально, что профилактика и расследование цифровых эпизодов требуют технически и организационно защищенных каналов взаимодействия между органами, а также стандартов обращения с электронными носителями, иначе даже корректно выявленный риск не переходит в доказуемый факт. Таким образом, закон об информатизации выступает частью институционального надзора, хотя он и не направлен прямо на борьбу с сексуализированным насилием. В предлагаемой модели он рассматривается как инфраструктурный фактор. Его неполное применение на практике проявляется в отсутствии единых стандартов цифровой фиксации, несовместимости систем учета и недостаточности компетенций на местах, что усиливает территориальные

различия в выявляемости и тем самым влияет на криминологические показатели [204].

Риск-ориентированный подход в рамках предлагаемой модели реализуется через матрицу, где каждому блоку факторов соответствуют индикаторы риска и допустимые меры вмешательства. На предкриминальной стадии допустимы универсальные и селективные меры, такие как обучение цифровой безопасности, родительское посредничество, школьный мониторинг благополучия и создание доверительных каналов сообщения. На стадии коммуникационного воздействия ключевой задачей становится быстрое прекращение контакта и сохранение доказательств без самостоятельных действий ребенка, которые могут уничтожить данные или усилить контроль правонарушителя. На стадии поствиктимной реакции меры должны быть направлены на юридическую защиту, психологическую реабилитацию и минимизацию вторичной виктимизации путем ограничения повторных допросов и контролируемого обращения с цифровыми материалами. Согласование с уголовно-правовыми границами запрета достигается тем, что модель разграничивает меры до сообщения о преступлении и меры после возникновения разумных оснований подозревать уголовное правонарушение, не позволяя подменять профилактику скрытыми следственными практиками или, наоборот, заменять расследование профилактическими беседами.

Нормативная детализация поствиктимной поддержки остается фрагментарной. Так, правила оказания психологической помощи лицам, пострадавшим от насилия, утвержденные уполномоченным органом, фиксируют организационные основы психологического сопровождения, однако они ориентированы на общий контекст насилия и не содержат специальных процедур для цифровых дел, где требуется работа с травмой, связанной с распространением интимных материалов, а также координация с процессуальными действиями, чтобы не допустить повторной травматизации. Для криминологической модели это означает необходимость описывать поствиктимный контур как часть механизма, поскольку качество реабилитации и поддержка семьи влияют на вероятность повторной виктимизации и на готовность сообщать о преступлениях [205]. Соответственно, предложения по совершенствованию должны включать уточнение ведомственных стандартов психологической помощи применительно к случаям цифрового сексуализированного вреда детям, с закреплением координации между психологами, следствием и цифровыми посредниками при соблюдении конфиденциальности.

Отдельной проблемой для доказуемости цифровых эпизодов и, следовательно, для предсказуемости уголовно-правовой реакции является зависимость следствия от операторов связи и провайдеров в части данных о соединениях и идентификации пользователей. Законодательство о связи

определяет правовые основы деятельности операторов и устанавливает режимы оказания услуг, что в сочетании с уголовно-процессуальными нормами задает пределы получения сведений о соединениях и маршрутизации. В криминологическом измерении это означает, что способность государства реагировать на развращение в цифровой среде зависит от инфраструктурных механизмов учета и хранения данных, а также от юридически определенных процедур их предоставления. Если такие процедуры недостаточно ясны или технически не обеспечены, правонарушитель получает дополнительный стимул к использованию платформ с высокими настройками приватности и иностранных сервисов, что повышает латентность. Поэтому в предлагаемой модели институты связи рассматриваются как часть мезоуровневого блока, влияющего на реализацию риска и на вероятность его выявления [206]

Дефицит операциональных стандартов профилактики и поддержки отмечается и в специализированных аналитических пособиях по правовому анализу законодательства Казахстана в сфере профилактики насилия и жестокого обращения с детьми, адресованных педагогам и социальным работникам [207]. В таких материалах подчеркивается, что эффективность профилактики зависит от согласованности правовых норм, от подготовки специалистов и от наличия межведомственных процедур перенаправления, а также что без четких правовых оснований оказание помощи детям-жертвам может выпадать из сферы регулирования. Полагаем, применительно к цифровым формам развращения это означает необходимость нормативного закрепления минимальных стандартов реагирования и сопровождения, в том числе по фиксации электронных данных и по защите конфиденциальности, иначе профилактические меры остаются декларативными и не трансформируются в практику.

Применительно к Законе о правах ребенка вышеизложенное означает необходимость закрепить обязанность органов образования и социальных служб осуществлять селективную профилактику цифровых рисков на основе риск-матриц, включающих семейные и поведенческие индикаторы, при этом обеспечить, чтобы такие меры не носили карательного характера и не подменяли собой уголовное преследование при наличии признаков преступления.

Переход от развращения к насильственным формам посягательств иллюстрирует судебная практика, в которой первоначальные непристойные действия выступают предиктором последующей эскалации. В одном из сообщений о судебном решении в области Абай указывалось, что суд назначил пожизненное лишение свободы лицу, признанному виновным в развращении несовершеннолетней и совершении иных тяжких посягательств, при этом подчеркивалась неоднократность действий [208]. Даже при недостатке открытых данных этот пример показывает, что развращение ребенка может быть не разовым случаем, а частью более длительного и опасного поведения. Поэтому раннее выявление таких ситуаций помогает предотвратить более тяжкие

преступления. При расследовании особенно важно сохранять конфиденциальность и защищать ребенка от общественного давления и психологической травмы.

Для профилактики необходимы совместные действия школы, социальных служб и правоохранительных органов. Нужны понятные правила раннего реагирования на опасные сигналы в цифровой среде и единый порядок направления ребенка в службы помощи при сохранении самостоятельности расследования. Профилактические меры включают возрастно-дифференцированное обучение цифровой безопасности, поддержку родительского посредничества, развитие доверительных каналов обращения и взаимодействие с цифровыми посредниками по удалению и блокировке вредоносного контента.

3.2 Латентность развращения малолетних и инструментарий оценки скрытых эпизодов преступной деятельности

Проблема латентности посягательств на половую неприкосновенность детей, включая развращение, в криминологическом анализе имеет двойную природу. С одной стороны, латентность задает границу достоверности выводов о динамике, структуре и территориальной концентрации преступности, поскольку официальная регистрация отражает лишь видимую часть эпизодов преступной деятельности. С другой стороны, латентность выступает самостоятельным фактором воспроизводства риска. Необнаруженный и неостановленный эпизод преступной деятельности превращается в серию эпизодов, усиливает зависимость ребенка от правонарушителя, создает условия для эскалации от коммуникационно-опосредованных форм к контактным формам, а также повышает вероятность вторичной виктимизации при позднем и неорганизованном вмешательстве.

По итогам 2024 года в Казахстане зарегистрировано 874 преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, при этом прокурорами выявлено 40 укрытых от учета преступлений этой категории. Эти сведения имеют методологическое значение. Эти данные показывают, что количество зарегистрированных преступлений зависит не только от реального уровня преступности, но и от того, насколько правильно ведется учет, регистрируются заявления и осуществляется прокурорский контроль. Цифровизация формирует и другой источник латентности, связанный с инфраструктурой платформ и медиаторов, через которых организуются рискованные контакты. Показательна ситуация, когда органы прокуратуры инициировали блокировку Telegram-канала знакомств среди подростков ввиду фиксируемых случаев домогательств и сообщений сексуализированного

характера в отношении несовершеннолетних пользователей [209]. Даже если конкретные сообщения не всегда переходят границу уголовно наказуемого деяния, сама плотность рискованных контактов характеризует среду, в которой развращение может происходить серийно и оставаться невидимым для официальной статистики. В таких случаях выявляемость зависит не только от готовности потерпевшего сообщать, но и от модерационных практик платформы, цифровой грамотности детей и родителей, доступности механизмов жалоб и реагирования, а также от межведомственного взаимодействия с цифровыми посредниками. Если эти контуры не включены в мониторинг, реальная динамика скрытых эпизодов остается не измеренной.

Эмпирический фон цифровых рисков подтверждается исследованиями, ориентированными на повседневный опыт детей в интернете. Национальные исследования зафиксировали, что значительная доля детей сталкивается с рисковыми ситуациями в сети, включая нежелательные контакты и контент [210]. Для уголовно-правовой модели это не означает тождества между рискованным опытом и преступлением, но для профилактики означает необходимость измерения экспозиции к риску, то есть вероятности попадания ребенка в коммуникационные сценарии, способные эскалировать до состава развращения. Данные об экспозиции важны как опережающий индикатор. Они позволяют интерпретировать колебания официальной статистики и оценивать эффективность мер, направленных на раннее выявление и цифровую безопасность, еще до того, как изменения проявятся в уголовно-правовой плоскости.

Доктринальное понимание латентности в криминологии традиционно связывает ее с отсутствием отражения преступности в официальной статистике. В учебной литературе Казахстана латентная преступность определяется как преступность, не получившая по тем или иным причинам отражения в официальной уголовной статистике, при этом подчеркивается ее социально-правовой характер и зависимость от причин непопадания в учет [211]. Такой подход задает корректный исходный тезис, но недостаточен для операционализации латентности в конкретных категориях преступлений, тем более в цифровой среде. Латентность развращения не является однородной величиной. Латентность включает не только скрытые преступления, о которых никто не сообщил, но и случаи, которые были известны школе, врачам или социальным службам, однако так и не стали уголовными делами. Поэтому для понимания реального масштаба проблемы важно учитывать, на каком этапе информация теряется и почему это происходит.

Исследования показывают, что видимая преступность зависит от работы полиции, прокуратуры, школ и других организаций [212]. Один подход оценивает только зарегистрированные дела, а другой учитывает сам опыт потерпевших, даже если дело официально не было возбуждено. Международные

стандарты рекомендуют использовать опросы, данные служб помощи и исследования цифровых рисков, особенно когда речь идет о детях и сексуализированном насилии [213]. Думается, для Казахстана наиболее полезен смешанный подход, который позволяет лучше выявлять скрытые случаи и понимать реальные риски.

Международные стандарты прав ребенка в цифровой среде дополнительно задают требования к мониторингу и сбору данных. В Генеральном комментарии Комитета по правам ребенка ООН подчеркивается, что государство должно развивать систему защиты детей в цифровой среде, обеспечивать доступные механизмы сообщения о вреде и развивать сбор данных для оценки рисков и эффективности мер, при этом соблюдая право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных [214]. Для оценки латентности это означает, что инструментарий не может быть чисто техническим. Он должен включать юридические основания доступа к данным, принципы минимизации данных, режимы обезличивания и протоколы, предотвращающие вторичную виктимизацию в ходе мониторинга. Иначе расширение сбора данных может само стать источником вреда.

В статистической методологии для оценки скрытых популяций применяется подход множественных систем оценивания, развивающий capture-recapture и позволяющий оценивать размер скрытой части по данным нескольких неполных списков при соблюдении допущений о качестве данных, зависимости источников и корректности сопоставления записей [215]. Прямое перенесение этой методики на развращение малолетних невозможно без адаптации, поскольку источники формируются в разных ведомствах, содержат чувствительные сведения и часто не сопоставимы по единицам учета. Однако логика множественных списков продуктивна для межведомственного риск-менеджмента, так как переводит дискуссию о том, какая статистика верна, в плоскость построения оценочного коридора, где верхняя и нижняя границы выводятся из согласованных источников и прозрачных правил сопоставления.

Латентность в Казахстане усиливается особенностями учета и регистрационных процедур, включая цифровизацию уголовного процесса и ведение Единого реестра досудебных расследований. Нормативные изменения правил приема и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях и ведения ЕРДР, включая изменения, внесенные в 2025 году, формируют институциональную среду, в которой показатели преступности зависят от корректности регистрационных реквизитов, оснований для корректировок и качества прокурорского надзора [216]. Для инструментария оценки латентности это означает необходимость отдельного блока индикаторов качества учета и процедурной дисциплины, иначе статистические колебания могут быть ошибочно интерпретированы как изменение реальной распространенности.

Исходя из изложенного, инструментарий оценки латентности строится на нескольких методологических принципах. Первый принцип состоит в приоритете эпизода как единицы криминологического риска. Для развращения малолетних, особенно в цифровой среде, эпизод представляет собой конкретный акт сексуализированного воздействия или коммуникации, направленный на ребенка и обладающий потенциалом причинения вреда. Одно уголовное дело может включать множество эпизодов, а один потерпевший может пережить многократные воздействия со стороны одного или нескольких лиц. Если мониторинг опирается только на число зарегистрированных правонарушений, то эпизодичность оказывается статистически сглаженной, а профилактика теряет чувствительность. Второй принцип состоит в разведении понятий сигнал, событие и преступление. Сигналом является любая информация о риске или о возможном эпизоде, поступившая в систему образования, здравоохранения, социальной защиты, на цифровую платформу, в контактный центр или в правоохранительный орган. Событие является конкретным описанием поведения или коммуникации. Преступление является юридической квалификацией события. Эти уровни не тождественны и именно их разрывы образуют сегменты латентности. Третий принцип состоит в треангуляции, при которой вывод о динамике скрытой части делается на основе согласованных сигналов разных источников, а не по одному показателю. Четвертый принцип состоит в юридической и этической встроенности, то есть каждый показатель должен иметь правовое основание доступа к данным и должен быть проверен на риск вторичной виктимизации.

Ключевым элементом модели является описание цепочки фильтров, через которые проходит эпизод до того, как он станет зарегистрированным уголовным правонарушением. Первый фильтр представляет собой фильтр распознавания, где ребенок и его окружение либо распознают событие как недопустимое, либо нормализуют его. Второй фильтр представляет собой фильтр сообщения, где сформированное распознавание превращается в обращение к взрослым, в контактный центр или в органы. Третий фильтр представляет собой фильтр регистрации, где обращение либо регистрируется как уголовное правонарушение, либо остается на уровне профилактической беседы, административного материала или внутренней ведомственной фиксации. На этапе расследования и суда часть дел может теряться из за недостатка доказательств или ошибок в квалификации. Иногда выводы следствия подтверждаются судом, а иногда изменяются. Поэтому скрытая преступность возникает на разных стадиях, и важно понимать, где именно информация теряется.

Для оценки ситуации используются разные виды данных. Одни данные основаны на официально зарегистрированных делах и судебных решениях. Другие отражают сигналы риска, которые поступают в школы, социальные

службы или медицинские организации, но не всегда становятся уголовными делами. Также учитываются исследования цифрового поведения детей, использование интернет платформ и случаи опасных онлайн контактов. Такой подход помогает точнее оценивать реальные риски и скрытые эпизоды.

Латентность формируется в разрывах между уровнями. Если экспозиция растет, а социальные сигналы и регистрация падают, это указывает на барьеры распознавания и сообщения. Если социальные сигналы растут, а регистрация падает, это указывает на барьеры регистрации и межведомственной конверсии. Если регистрация растет, а судебные подтверждения и доказательственная устойчивость падают, это указывает на проблемы доказывания и качества расследования.

Для практического мониторинга предлагается система индикаторов, сгруппированных по логике риск-ориентированного управления. Риск-ориентированный подход требует не только измерения факта наступившего вреда, но и измерения вероятности его наступления и эффективности барьеров. Поэтому индикаторы делятся на индикаторы риска, индикаторы выявления и индикаторы процессуальной устойчивости. Индикаторы риска отражают экспозицию, то есть вероятность попадания ребенка в рискованные коммуникационные сценарии. Индикаторы выявления отражают способность системы превращать сигнал в реагирование и в регистрацию. Индикаторы процессуальной устойчивости отражают способность уголовной юстиции обеспечивать доказательственную достаточность без усиления вторичной виктимизации. Такое деление позволяет связывать профилактические меры с тем уровнем, на котором они действуют, и оценивать их по релевантным показателям.

К индикаторам выявления относятся показатели конверсии сигналов. Конверсия измеряется отношением числа сигналов в одном контуре к числу сигналов, перешедших в следующий контур. Например, конверсия от обращения в контактный центр к обращению в полицию показывает, насколько доступна и понятна процедура сообщения и насколько эффективно сопровождается ребенок и семья. Конверсия от выявления в школе к регистрации показывает эффективность межведомственного протокола. Конверсия от регистрации к предъявлению обвинения отражает доказательственную управляемость. Низкая конверсия при высоком риске является индикатором латентности, поскольку сигнал существует, но не превращается в уголовно-правовой факт. Высокая конверсия может означать как высокую выявляемость, так и высокую тяжесть событий, поэтому интерпретация требует сопоставления с индикаторами риска и процессуальной устойчивости.

Интегральный показатель латентности предлагается рассчитывать как индекс скрытых эпизодов. Индекс строится как взвешенная сумма нормированных индикаторов риска, выявления и процессуальной устойчивости.

Нормирование проводится по методике z-оценок или по шкале 0-1 с учетом исторического диапазона показателя. Веса задаются межведомственно и могут корректироваться в зависимости от задач периода. Система оценки должна использоваться не для наказания исполнителей, а для раннего выявления проблем и проверки эффективности профилактики. Если снижается качество межведомственного взаимодействия или растет число дел, прекращенных из за недостатка доказательств, это должно становиться сигналом для обучения специалистов и улучшения работы с цифровыми данными. Рост опасной онлайн активности должен приводить к усилению профилактики в школах и взаимодействию с интернет платформами.

При сборе информации важно защищать личные данные детей. Для анализа должны использоваться обезличенные данные, а раскрытие личности возможно только при наличии законных оснований и угрозы безопасности ребенка. Это помогает снизить риск повторной травматизации и незаконного распространения информации.

Цифровые преступления против детей часто носят повторяющийся характер. Это может быть длительная переписка, регулярные видеозвонки или одновременное общение с несколькими детьми. Обычная статистика не всегда показывает масштаб таких эпизодов. Поэтому важно учитывать количество эпизодов в одном деле и случаи с несколькими потерпевшими. Зарубежный опыт показывает, что снижению скрытой преступности помогают горячие линии, онлайн сообщения о рисках и обязанность отдельных специалистов сообщать о возможной угрозе детям.

Однако прямое копирование таких моделей в Казахстан без учета институциональных ресурсов может быть неэффективным и даже вредным, если приведет к перегрузке системы необработанными сигналами и к росту вторичной виктимизации. Поэтому предлагаемый инструментарий исходит из принципа управляемости. Мониторинг должен не просто увеличивать поток сигналов, а обеспечивать их конверсию в действия, минимизируя число контактов ребенка с системой. В этом смысле индикаторы конверсии и индикаторы вторичной виктимизации являются ключевыми, поскольку они показывают, превращается ли сообщение в помощь и защиту, а не только в статистическое событие.

В рамках уголовно-правовой и криминологической модели профилактики предложенный инструментарий имеет две функции. Первая функция диагностическая, она позволяет выявлять зоны повышенного риска и вероятной скрытой части посягательств. Вторая функция оценочная, она позволяет оценивать эффективность профилактических мер и управленческих решений. Диагностика реализуется через территориальную риск-матрицу, где регионы классифицируются по сочетанию цифровой экспозиции, конверсии сигналов и внутренней латентности учета. Оценка эффективности реализуется через анализ изменений индикаторов после внедрения конкретных мер, например, после

запуска программ цифровой грамотности, после внедрения протоколов межведомственного реагирования, после усиления работы с платформами. Такой подход помогает перейти от реакции на уже совершенное преступление к раннему выявлению риска. Важно, чтобы школы, социальные службы и правоохранительные органы быстро передавали сигналы друг другу и принимали меры защиты. Для цифровых случаев скорость особенно важна, потому что переписка и другие электронные данные могут быстро исчезнуть, а правонарушитель может продолжать общение с ребенком.

Оценка латентности должна показывать не только количество скрытых случаев, но и причины их невидимости. Нужно понимать, где теряется информация, почему сигнал не дошел до нужного органа и какие территории или группы детей находятся в зоне повышенного риска. При этом данные нужно анализировать осторожно. Один случай может попасть сразу в несколько источников, а самые уязвимые дети могут вообще не попасть в статистику.

Важно различать рост цифровых рисков и рост преступности. Не каждый опасный контакт сразу является преступлением. Поэтому рискованные онлайн ситуации нужно рассматривать как предупреждающие сигналы, а уголовно значимые случаи как отдельную часть этих рисков. Это помогает не криминализировать обычное подростковое поведение и сосредоточиться на взрослых правонарушителях и наиболее опасных сценариях.

Отдельно нужно учитывать сетевой характер цифровых посягательств. В закрытых чатах и каналах могут действовать несколько лиц, которые обмениваются материалами или координируют действия. Обычная статистика часто не показывает такую связь. Поэтому для профилактики важно анализировать не только отдельные дела, но и признаки группового поведения. На уровне индикаторов это может отражаться через долю дел, в которых выявлены связи между правонарушителями, и через показатели взаимодействия с цифровыми посредниками по блокировке сетевых структур. Даже при отсутствии полной картины такие индикаторы повышают управленческую чувствительность к сетевым угрозам.

Предложенный инструментарий оценки латентности на смешанных данных включает учетно-правовую, виктимологическую, цифровую и межведомственную панели, набор показателей экспозиции, конверсии и процессуальной устойчивости, а также сценарные правила интерпретации. Это позволяет выявлять структурные причины невидимости эпизодов и оценивать динамику скрытой части посягательств, что делает мониторинг пригодным для управленческого риск-менеджмента и оценки эффективности профилактики.

Межведомственные меры предусматривают создание устойчивого контура треангуляции данных образования, здравоохранения, социальной защиты и правоохранительных органов, внедрение показателей времени реакции и полноты маршрутизации сигналов, назначение ответственного аналитического

оператора и проведение регулярных аудитов по территориям с неблагоприятной комбинацией экспозиции, конверсии и внутренней латентности учета.

3.3 Виктимологические барьеры сообщения и криминологические требования к безопасному сопровождению ребенка

Проблема латентности развращения малолетних в цифровой среде не исчерпывается дефицитом выявления и регистрации. Скрытая часть формируется на предшествующем правоприменению этапе, когда ребенок, его законный представитель или ближайшее окружение не превращают пережитое посягательство и его цифровые следы в сообщение, пригодное для запуска межведомственного реагирования.

В условиях коммуникационно-опосредованных форм, характерных для мессенджеров, социальных сетей и игровых платформ, барьер сообщения связан не только с психологической динамикой стыда и страха, но и с управляемостью цифрового следа, который может быть использован против ребенка через угрозы распространения материалов, подмену аккаунтов, доксинг или кибербуллинг. Для следующего подраздела, в котором будет предложена модель риск-ориентированной профилактики в межведомственных рамках, принципиально важно отделить собственно криминологические причины невидимости эпизодов от дефектов процедур и сервисов сопровождения, которые производят вторичную виктимизацию и тем самым воспроизводят латентность. Системная рамка задается международным обязательством приоритета наилучших интересов ребенка и его права на защиту от всех форм насилия, которые должны учитываться при проектировании механизмов сообщения и реагирования [217].

В казахстанской доктрине виктимологии и криминологии можно выделить как минимум две конкурирующие линии объяснения барьеров сообщения. Первая, восходящая к классической криминологической традиции, акцентирует внимание на индивидуальной виктимности и виктимном поведении как на факторе риска и как на объекте коррекционной профилактики. В современной интерпретации эта линия сохраняется в работах, где виктимологический аппарат строится через категории виктимогенных факторов, виктимности и виктимного поведения, а также через типологизацию потерпевших с учетом возраста, ролевого статуса, нравственно-психологических признаков и степени уязвимости [218]. Вторая линия, более выраженная в работах, ориентированных на правовую защиту пострадавших, исходит из того, что ключевое значение имеет уровень виктимизации как социальный индикатор, а центральная задача государства заключается в построении процедур и сервисов, которые обеспечивают доступ к правосудию и компенсацию вреда, снижая институциональные риски вторичной виктимизации [219].

Исследования факторов риска помогают понять, почему дети становятся более уязвимыми для преступников. Однако в цифровой среде существует опасность перекладывания части ответственности на самого ребенка. Это особенно заметно, когда доверчивость, недостаток цифровой грамотности или желание общения начинают восприниматься как виновное поведение. Такой подход может снижать серьезность отношения к сообщениям о преступлении и усиливать давление на потерпевшего.

Более эффективный подход связан не с поиском вины у ребенка, а с улучшением работы самой системы. Важное значение имеют понятные процедуры расследования, защита личной жизни, правильный опрос детей и взаимодействие между разными государственными органами. Вместе с тем нужно избегать абстрактной декларативности, заменяя ее измеримыми требованиями к безопасному сопровождению и индикаторами качества первичного контакта и дальнейших процессуальных действий.

Нормативная база уголовно-правовой охраны малолетних от развращения задает общий контекст, но в аспекте сообщения и сопровождения ключевыми являются нормы, формирующие гарантии статуса потерпевшего, правила участия законного представителя, педагога и психолога, а также режимы допустимости и фиксации показаний. Уголовный кодекс Республики Казахстан определяет составы преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и тем самым формирует поле, в котором сообщение трансформируется в процессуальный статус и обязанность государства по преследованию.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан закрепляет предмет доказывания, общие гарантии прав участников процесса и особенности производства по делам, где потерпевшим или свидетелем выступает несовершеннолетний, что непосредственно влияет на риск повторных опросов и иных психотравмирующих воздействий.

Дополнительный нормативный слой образуют акты, закрепляющие общую рамку прав ребенка и защиты его персональных данных. Закон Республики Казахстан о правах ребенка устанавливает базовые гарантии защиты детства и обязанность государства обеспечивать охрану прав и законных интересов ребенка, что в уголовно-процессуальном измерении должно означать приоритетность щадящих форм получения сведений и сопровождения при контакте с правоохранительными органами.Закон о персональных данных и их защите значим потому, что в цифровых формах развращения содержание сообщения и доказательственный материал зачастую состоят из идентификаторов, переписки и изображений, а нарушение режима их обработки может произвести вторичную виктимизацию через утечку и неконтролируемое распространение.

Цифровизация, выступая фоном рассматриваемых дел, одновременно является фактором риска и ресурсом профилактики. С одной стороны,

коммуникационные платформы создают низкопороговые каналы контакта преступника с ребенком и позволяют маскировать возраст и личность, усиливая трансграничный и анонимный компонент. С другой стороны, цифровая инфраструктура может предоставлять механизмы раннего сообщения, сохранения следов и межведомственного маршрутизации обращений. На уровне государственной политики вопрос информационной безопасности и устойчивости цифровых сервисов задается документами, ориентированными на кибербезопасность и защиту пользователей, что важно для правовой оценки рисков утечки данных детей при обработке обращений и доказательств.

Правоприменительная проблема заключается в том, что уголовно-процессуальные гарантии, формально закрепленные в законе, не всегда реализуются на этапе первичного сообщения и первичных следственных действий. Именно в этот период возникают события вторичной виктимизации, которые не фиксируются в статистике, но оказывают прямое влияние на латентность. Вторичная виктимизация в данном контексте понимается как причинение дополнительного психологического и социального вреда в результате некорректного обращения с ребенком со стороны институтов, включающего повторные опросы, обвиняющую риторику, нарушение приватности, демонстрацию недоверия, неадекватную организацию очных ставок или иных следственных действий, а также задержки в обеспечении психологической помощи. Риск вторичной виктимизации возрастает при цифровых формах посягательств, когда у следователя и суда возникает соблазн компенсировать дефицит иных доказательств расширением объема опроса ребенка и детальным воспроизведением обстоятельств коммуникации, что нередко выходит за пределы минимально необходимого для доказывания и профилактики.

Важным источником для оценки системных барьеров сообщения выступают результаты исследований и опросов о доверии к системе правосудия для детей и о практиках обращения за помощью. Национальное обследование ЮНИСЕФ по правосудию для детей в Казахстане в формате Знания-Отношения-Практика фиксирует, что восприятие институтов и готовность обращаться за помощью зависят от информированности о правах и от опыта взаимодействия со специалистами, а также от ожиданий справедливого отношения и защиты от огласки [220]. Для рассматриваемой темы это означает, что первичный барьер сообщения является не только индивидуальным решением ребенка, но и отражением накопленного социального опыта и репутации институтов, что должно учитываться при проектировании профилактических и процессуальных протоколов.

Практический аспект проблемы подтверждается тем, что система правосудия для детей в Казахстане развивается через институциональные формы специализации, однако их ресурсность и охват не всегда достаточны для

равномерной защиты в масштабах страны. Этот факт отражен в совместном отчете Верховного суда и ЮНИСЕФ о развитии межрайонных судов по делам несовершеннолетних. Исследования факторов риска помогают понять, почему дети становятся более уязвимыми для преступников. Однако в цифровой среде существует опасность перекладывания части ответственности на самого ребенка. Это особенно заметно, когда доверчивость, недостаток цифровой грамотности или желание общения начинают восприниматься как виновное поведение [221]. Такой подход может снижать серьезность отношения к сообщениям о преступлении и усиливать давление на потерпевшего.

Более эффективный подход связан не с поиском вины у ребенка, а с улучшением работы самой системы. Важное значение имеют понятные процедуры расследования, защита личной жизни, правильный опрос детей и взаимодействие между разными государственными органами.

Он реализуется через надлежащую организацию допросов, использование видеофиксации и институт депонирования показаний, позволяющий сохранить доказательственную ценность первичных показаний и ограничить необходимость повторных опросов на последующих стадиях. Казахстанская процессуальная доктрина обращает внимание на необходимость корректного производства следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего, включая требования к языку вопросов, тактике опроса, участию психолога и педагога, а также к фиксации показаний для последующего анализа и оценки достоверности [222].

Однако наличие доктринальных рекомендаций само по себе не снимает проблему вариативности практики. Организационные ограничения, нехватка подготовленных специалистов, различия между регионами по доступности детских психологов и оснащенности помещений, а также правовая неопределенность некоторых процедур создают пространство дискреции, которое может реализоваться как в сторону избыточного процессуального давления на ребенка, так и в сторону недорасследования из-за опасений травматизации. Для цели нашего исследования существенен поиск баланса, где минимизация вторичной виктимизации достигается не путем отказа от доказывания, а путем стандартизации минимально достаточного набора действий и доказательств.

Эмпирические индикаторы демонстрируют, что теневой сегмент посягательств не может быть оценен по одной лишь уголовной статистике, поскольку часть обращений остается на уровне сигналов в системе образования, здравоохранения и социальных сервисов и не всегда трансформируется в зарегистрированное уголовное дело. Пресс-служба Генеральной прокуратуры, анализируя криминогенную ситуацию за 2024 год, указывает не только на число зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, но и на выявление скрытых от учета преступлений данной

категории, а также на регистрацию дел в отношении должностных лиц за халатность и недонесение [223]. Для нас важен сам факт фиксации укрытых от учета эпизодов, поскольку он подтверждает, что внутрисистемные барьеры сообщения и регистрации являются частью латентности наряду с индивидуальными барьерами.

Наряду с уголовной статистикой показательным является массив обращений по каналам помощи. Комитет по охране прав детей сообщает, что с начала 2025 года в единый контакт-центр 111 поступило 110 999 обращений от детей, при этом подавляющее большинство направлено через QR-коды в организациях образования [224]. Сопоставление этого объема с числом зарегистрированных уголовных правонарушений против половой неприкосновенности несовершеннолетних показывает, что значительная часть сигналов находится ниже порога уголовного преследования или не проходит конверсию в дело из-за недостаточной конкретизации, неопределенности статуса сообщения, страха огласки, давления семьи, либо из-за того, что обращение касается ранних признаков угрозы, не достигших криминально наказуемого уровня. Для криминологического риск-менеджмента именно эта зона представляет максимальную ценность, поскольку она указывает на потенциально предотвратимые эпизоды, при условии что сопровождение будет безопасным и не приведет к вторичной виктимизации.

Наличие барьеров подтверждается международными исследованиями раскрытия сексуального насилия в детстве. Систематический обзор по барьерам и факторам, облегчающим раскрытие, показывает, что невскрытие и задержки раскрытия связаны с ограниченной поддержкой, ожиданием негативных последствий, самообвинением, стыдом и виной, а также с тем, что раскрытие часто запускается внешним запросом или безопасной подсказкой со стороны взрослого [225]. Хотя эти выводы носят обобщенный характер и опираются на зарубежные данные, их значимость для Казахстана заключается в подтверждении тезиса о процессуальном и сервисном характере части барьеров. Если раскрытие зависит от наличия доверенного взрослого и от качества реакции на первичное сообщение, то криминологические требования к сопровождению должны быть сформулированы как стандарты институционального поведения, а не как морализирующая оценка ребенка.

Цифровая специфика раскрытия проявляется в том, что ребенок может не воспринимать коммуникацию как преступное посягательство из-за постепенной эскалации и использования игровых и романтизирующих сценариев. Недавний систематический обзор по факторам раскрытия технологически опосредованного сексуального насилия указывает среди барьеров нераспознавание злоупотребления из-за груминга, стыд и самообвинение, страх обвинения, а также сомнения в том, что взрослые поймут цифровой контекст [226]. Для диссертационной модели профилактики из этих результатов следует, что

сообщение в цифровых делах требует не только юридической грамотности сотрудников, но и способности переводить цифровые сценарии в понятный ребенку язык без давления и без формулирования вопросов, которые усиливают чувство вины.

Кейс-анализ казахстанской практики показывает, что цифровая коммуникация как способ взаимодействия с потерпевшим часто предшествует преступному воздействию и формирует специфические следы. В одном из рассмотренных судом случаев, отраженном в открытом сообщении СМИ, взрослое лицо, находясь в другом городе, познакомилось с 12-летней школьницей через мессенджер Telegram и в ходе видеосвязи совершало непристойные действия и предложения, что было квалифицировано по статье 124 УК РК и повлекло реальное лишение свободы [227]. Для настоящего подраздела важен не столько результат квалификации, сколько то, что эпизод стал видимым для системы при наличии цифровых следов и при условии сообщения, которое позволило идентифицировать аккаунт и восстановить коммуникацию. В аналогичных ситуациях отсутствие доверенного канала сообщения или страх раскрытия переписки родителям приводит к тому, что ребенок удаляет сообщения и блокирует контакт, тем самым снижая доказательственную перспективу и повышая риск повторных эпизодов.

Другой типовой сценарий связан с офлайн преследованием и демонстративными действиями в общественных местах, которые могут восприниматься ребенком как стыдное происшествие, не подлежащее сообщению, особенно если взрослые не задают прямых вопросов и не создают безопасного пространства для раскрытия. В открытом сообщении пресс-службы регионального суда описан случай осуждения лица по статье 124 УК РК за действия в отношении школьниц, где суд назначил значительный срок лишения свободы [228]. Виктимологическое значение подобного кейса состоит в том, что первичный барьер сообщения часто связан не с отсутствием вреда, а с отсутствием ясного адресата сообщения и с ожиданием обвиняющей реакции, поэтому низкопороговые каналы обращения, включая школьные механизмы и анонимизированные консультации, должны быть интегрированы с процедурой сохранения доказательственного потенциала, если сообщение указывает на признаки уголовно наказуемого деяния.

Нормативные новеллы судебной практики в Казахстане демонстрирует признание проблемы вторичной виктимизации на уровне высшего судебного органа. 26 февраля 2026 года Верховный Суд Республики Казахстан принял Нормативное постановление по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы человека, целью которого заявлено устранение разночтений в правовой оценке и повышение единообразия практики. Среди обсуждаемых и публично обозначенных положений обращает на себя внимание акцент на обязательности участия педагога и психолога, а также на

использовании понятного ребенку языка вопросов и фиксации ответов на видео [229]. В контексте темы подраздела это имеет двойное значение. С одной стороны, закрепление обязательности участия специалистов снижает риск давления и неверной интерпретации реакций ребенка. С другой стороны, усиление процессуальной формализации может остаться номинальным без организационных ресурсов и без протоколов, которые определяют ответственность за обеспечение специалиста и за качество его участия.

Международные стандарты формируют более детализированную рамку для оценки качества сопровождения и снижения вторичной виктимизации. Руководящие принципы ООН по правосудию в вопросах, касающихся детей, которые являются жертвами и свидетелями преступлений, закрепляют подход, ориентированный на уважение достоинства, недискриминацию, информирование, право быть выслушанным, эффективную помощь, приватность, защиту от психотравмирующего воздействия и обеспечение безопасности [230]. Эти принципы применимы к казахстанскому контексту как критерии оценки не только судебной стадии, но и первичного реагирования, поскольку именно на первичном контакте формируется доверие, определяющее готовность к дальнейшему сотрудничеству и к сохранению позиции.

Региональный стандарт Совета Европы, хотя и не является обязательным для Казахстана в силу отсутствия членства, полезен как сравнительно-правовой ориентир проектирования детско-ориентированных процедур. Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы о правосудии, дружественном к ребенку, подчеркивают необходимость адаптации процедур к возрасту и развитию ребенка, обеспечения понимания, ограничения контакта с обвиняемым, подготовки специалистов, сокращения числа интервью и защиты частной жизни. Сопоставление с этими принципами позволяет выявить, что в казахстанской практике ключевой дефицит находится не в отсутствии базовых норм, а в в отсутствии единых протоколов и индикаторов качества, применимых на уровне районных подразделений и организаций образования, где часто и начинается путь сообщения.

Собственная научная позиция в рамках настоящего подраздела состоит в том, что барьеры сообщения следует рассматривать как управляемые факторы латентности, а безопасное сопровождение как инструмент криминологической профилактики, который одновременно повышает вероятность раннего выявления и повышает качество доказательственного материала за счет сохранности первичных показаний и цифровых следов. Это позволяет связать виктимологический анализ с задачами устойчивости квалификации и доказывания, не подменяя одно другим. Концептуально безопасное сопровождение должно строиться по риск-ориентированному принципу. Высокорисковые случаи требуют немедленной процессуальной фиксации и защиты данных, среднерисковые требуют наблюдения и цифровой

профилактики, низкорисковые требуют просветительских и школьных мер. Выбор режима реагирования должен быть максимально стандартизирован через чек-листы и матрицы риска, чтобы ограничить произвольность и зависимость от субъективных представлений конкретного должностного лица о достоверности или значимости сообщения.

В криминологическом плане совершенствование должно включать систему мониторинга качества сопровождения. Для управленческого риск-менеджмента предлагается использовать показатели, которые доступны на смешанных данных и при этом отражают ключевые барьеры. К таким показателям относятся доля обращений детей, трансформированных в межведомственное реагирование, среднее время до первичного контакта специалиста, доля случаев повторного опроса, доля дел с видеофиксацией и депонированием, доля дел, где обеспечена психологическая помощь в первые 24-72 часа, а также доля утечек или нарушений конфиденциальности, фиксируемых через жалобы и дисциплинарные материалы. Эти индикаторы могут быть привязаны к регионам и организациям, что позволяет выявлять узкие места и оценивать эффект профилактических мер. Именно в таком виде виктимологический анализ становится опорой для подраздела 3.4, где будет предложена модель профилактики как управляемого контура с обратной связью.

Для точной криминологической диагностики важно различать уязвимость ребенка как объективное состояние, вытекающее из возраста, развития и зависимости, и виктимность как категорию, применимую преимущественно к взрослым потерпевшим при анализе их поведенческих стратегий риска. Перенос категории виктимного поведения на малолетних в делах сексуализированного насилия нередко приводит к смешению объяснения и оправдания, когда факторы, повышающие вероятность контакта, трактуются как вклад потерпевшего в событие. В условиях цифровизации это смешение усиливается из-за доступности устройств и участия ребенка в онлайн общении, которое внешне может выглядеть как добровольное.

Между тем для малолетних презумпция уязвимости и ограниченной способности оценивать последствия обусловлена как психологическими закономерностями, так и правовым признанием необходимости особой охраны. Поэтому в рамках диссертационной модели профилактики уязвимость следует использовать не как аргумент для сомнения в сообщении, а как юридически и криминологически значимое основание для запуска защитных процедур и щадящего доказывания.

Законодательство о профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности закрепляет основу межведомственного взаимодействия и обязанность органов и организаций участвовать в профилактике. Хотя этот акт не адресован специально к сексуализированному насилию, его потенциал

состоит в возможности нормативно закрепить маршрут реагирования на сигналы, поступающие из школы или социальной службы, и в возможности ввести единые стандарты фиксации первичных сообщений. В рамках предлагаемой модели следует использовать этот профилактический каркас для создания юридической опоры межведомственных протоколов [231]. В результате сфера сообщения будет регулироваться не только нормами уголовного процесса, которые начинают действовать после регистрации дела, но и нормами профилактики, обеспечивающими раннее вмешательство без травматизации.

Предложенная логика требует формализации в виде алгоритма принятия решений, который ограничивает дискрецию. Алгоритм начинается с регистрации обращения и присвоения ему уровня риска по чек-листу, включающему возраст, характер коммуникации, наличие угроз, наличие материалов, и признаки вовлечения в производство изображений. Далее определяется пакет действий. Для высокого риска это немедленная защита данных и проведение единого интервью с видеофиксацией, для среднего риска это консультация и мониторинг с возможностью эскалации, для низкого риска это профилактическая работа и обучение цифровой безопасности. Отдельным шагом в алгоритме является оценка риска семейного давления и при необходимости подключение органов опеки и специальных социальных услуг. Последним шагом является фиксация результата сопровождения в системе мониторинга, что обеспечивает возможность оценки эффективности профилактики в динамике.

Для дальнейших исследований в подразделе 3.4 настоящей работы требуется сформулировать критерии, которые могут быть использованы для управленческого контроля и для оценки эффективности мер профилактики. К таким критериям относятся не только количественные показатели регистраций, но и качество сопровождения, измеряемое через повторяемость интервью, через сроки реагирования, через участие специалиста и через соблюдение конфиденциальности. Их использование позволяет перейти от декларативной оценки к доказательному управлению рисками. Если в конкретном регионе возрастает доля обращений, не приводящих к межведомственному реагированию, это указывает либо на недостаточную маршрутизацию, либо на недоверие к институциональной реакции. Если возрастает доля повторных опросов, это указывает на организационные дефекты расследования и на риск вторичной виктимизации. Соответственно, виктимологический анализ превращается в инструмент профилактики, а не в описание последствий.

В межведомственном сопровождении существенную роль играют медицинские и психологические службы, поскольку последствия развращения малолетних проявляются не только в правовой, но и в клинической и образовательной плоскости. Ранняя психологическая помощь снижает риск посттравматических реакций и способствует восстановлению чувства контроля, что косвенно повышает способность ребенка участвовать в процедуре без

разрушительных эффектов. Для системы правосудия это имеет прямое значение, поскольку снижает вероятность вторичной виктимизации и срывов участия. Поэтому в протоколе сопровождения следует предусмотреть обязательную оценку потребности в психологической помощи и ее предоставление независимо от стадии уголовного процесса, а также взаимодействие с образовательной организацией по вопросам предотвращения травли и обеспечения безопасной среды. Такой подход интегрирует уголовно-правовую охрану и профилактику в единую модель.

Безопасное сопровождение ребенка помогает не только защитить его от дополнительной психологической травмы, но и сохранить важные доказательства, включая первичные показания и цифровые данные. Это также снижает страх обращения за помощью и помогает уменьшать скрытую преступность.

Проведенное исследование показало, что для этого нужны понятные и согласованные меры. Важно использовать видеофиксацию первых интервью, ограничивать доступ к личным цифровым материалам ребенка и выстраивать единый порядок взаимодействия между разными органами. Специалисты должны быть обучены работе с детьми и цифровыми формами груминга. Школы и родители должны знать, как распознавать цифровые угрозы и куда можно безопасно обратиться за помощью. При этом ребенку важно объяснять, что ответственность всегда лежит на правонарушителе, а не на потерпевшем.

3.4 Многоуровневая профилактика развращения малолетних и оценка ее эффективности

Настоящий подраздел завершает криминологическую часть диссертационного блока о профилактике развращения малолетних в условиях цифровизации и выполняет связующую функцию между инструментариями оценки латентности, разработанными в подразделе 3.2, и анализом виктимологических барьеров сообщения и требований к безопасному сопровождению ребенка, представленным в подразделе 3.3. Теперь задача состоит не в повторном описании рисков и доказательственных проблем, а в построении доказуемой многоуровневой системы профилактики, которая способна одновременно снижать латентность, обеспечивать стабильность маршрутизации сигналов и минимизировать вторичную виктимизацию в межведомственном контуре. В Казахстане цифровая среда стала одной из основных площадок, через которые преступники устанавливают контакт с детьми, оказывают на них влияние и скрывают свои действия с помощью удаляющихся сообщений и анонимного общения. Поэтому защита детей уже не может ограничиваться только обычными мерами профилактики.

Государственная политика также исходит из необходимости комплексной защиты детей. Концепция «Дети Казахстана» на 2026–2030 годы предусматривает использование как обычных, так и цифровых инструментов помощи и профилактики, а их эффективность предлагается оценивать по специальным показателям [232]. При этом официальная статистика показывает, что преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних остаются серьезной проблемой. Поэтому оценивать профилактику только по числу уголовных дел и приговоров уже недостаточно.

В казахстанской криминологической доктрине, как и в постсоветской традиции в целом, профилактика обычно описывается через деление на общесоциальные, специальные и индивидуальные меры, а также через разграничение общей и частной превенции, что позволяет упорядочить широкий набор воздействий и увязать их с субъектами профилактики. Сильной стороной такого подхода является системность и возможность распределения ответственности между государственными и негосударственными институтами.

Однако для задач цифровой профилактики развращения малолетних он сталкивается с методологической проблемой операционализации. В частности, классификация мер не отвечает на вопрос о том, какие именно механизмы преобразуют воздействие в снижение риска и как измерить этот эффект без подмены реальности учетными показателями. Далее, традиционное деление часто предполагает, что специальные меры реализуются преимущественно силовыми органами после выявления правонарушения, тогда как цифровая среда требует превентивного вмешательства на стадии формирования контакта и до появления процессуального статуса. И, наконец, в доктрине недостаточно проработан вопрос о том, как интегрировать виктимологическую безопасность ребенка в модель профилактики, чтобы профилактические меры не порождали вторичную виктимизацию и не снижали сообщаемость.

Следовательно, классическая криминологическая схема требует дополнения риск-ориентированным управленческим контуром, где ключевым объектом является не только правонарушитель, но и инфраструктура риска, включая образовательную среду, семейный контекст и цифровые посредники.

Сопоставление криминологической и виктимологической литературы казахстанских авторов позволяет выделить две конкурирующие позиции, которые задают разные параметры для профилактической системы. Первая позиция условно может быть названа реактивно-правоохранительной. Она исходит из того, что основной эффект достигается через неотвратимость наказания, специализацию расследования, повышение раскрываемости и укрепление доказательственной базы, а профилактический результат рассматривается как производный от эффективности уголовного преследования. Вторая позиция ориентирована на виктимологическую безопасность и раннее предотвращение, рассматривая посягательства как результат взаимодействия

факторов уязвимости и среды риска, а также подчеркивая роль доверительных каналов сообщения и сопровождения ребенка.

Реактивно-правоохранительная линия отчетливо проявляется в прикладных работах, ориентированных на повышение эффективности расследования дел о бытовом и сексуальном насилии. В материалах международной научной конференции, проведенной на базе Карагандинской академии МВД Республики Казахстан, акцент сделан на организационных факторах эффективности расследования, на профессиональной специализации, на значимости психолого-педагогических компетенций следователя и на необходимости минимизации травматизации потерпевших при проведении процессуальных действий. Достоинство этой позиции состоит в признании вторичной виктимизации как самостоятельного риска и в стремлении институционализировать щадящие процедуры. Тем не менее ее ограничение проявляется в том, что профилактика сводится преимущественно к улучшению реагирования после совершения деяния. Для развращения малолетних, особенно в коммуникационно-опосредованных формах, такое смещение фокуса означает потерю времени на ранних стадиях контакта, когда еще возможна профилактика без возбуждения уголовного дела и без вовлечения ребенка в процессуальные процедуры. Кроме того, ориентация на показатели раскрываемости способна порождать управленческие стимулы к формальному учету и к процессуальной экономии в ущерб качеству сопровождения. Именно поэтому многоуровневая система должна включать самостоятельный блок первичной и вторичной профилактики, а также критерии эффективности, не редуцируемые к статистике возбужденных дел.

Защита детей в цифровой среде требует учета международных стандартов. Комитет ООН по правам ребенка указывает, что государство должно защищать детей от насилия и эксплуатации в интернете, обеспечивать безопасные способы обращения за помощью и защищать личные данные детей. Также подчеркивается важная роль интернет платформ и других цифровых сервисов в обеспечении безопасности ребенка.

Для Казахстана это особенно важно, потому что интернет часто становится местом первого контакта между ребенком и правонарушителем. Поэтому профилактика не может ограничиваться только школой или семьей. Большое значение имеют сохранение цифровых доказательств, безопасная работа с личными данными и четкие правила реагирования на жалобы. Пока такие меры в Казахстане часто регулируются разными ведомствами отдельно, из за чего защита детей может отличаться в разных регионах.

Как ранее было отмечено, исследование Kazakhstan Kids Online 2023 показывает, что многие дети активно пользуются социальными сетями и мессенджерами, сталкиваются с опасным контентом и рискованным общением, но не всегда обращаются за помощью к взрослым. Часто они пытаются решать

проблемы сами или с друзьями. Это показывает, что профилактика должна учитывать цифровую среду, где обычные способы контроля и помощи работают слабее. Следовательно, эффективная профилактика должна сочетать повышение цифровой грамотности и навыков безопасного поведения с институциональными механизмами, снижающими стоимость сообщения для ребенка. К последним относятся понятные и доверительные каналы обращения, стандарты реагирования в школе и в службах помощи, а также гарантии конфиденциальности и минимизации данных. Без этих условий профилактика в цифровой среде легко превращается в декларацию, не влияющую на латентность, поскольку ребенок избегает сообщения из-за страха наказания, стыда или утраты контроля над ситуацией.

В сравнительно-правовом и организационном измерении полезным ориентиром выступает модель национального реагирования на онлайн-эксплуатацию детей, разработанная в рамках WeProtect Global Alliance. В материалах альянса подчеркивается, что устойчивое снижение рисков достигается не только уголовным преследованием, но и согласованием политики, индустрии и служб помощи, включая профилактику, обнаружение, расследование и поддержку пострадавших, а также управление данными и оценку эффективности [233]. Для казахстанской модели это важно по двум причинам. Во-первых, WeProtect предлагает структурировать профилактику через звенья цепочки от предотвращения до реабилитации, что соответствует криминологической задаче построения многоуровневой системы. Во-вторых, акцент на управлении данными и стандартизации показателей позволяет перевести обсуждение эффективности из плоскости единичных кампаний в плоскость постоянного мониторинга, сопоставимого по регионам и во времени. Сопоставление с этой моделью выявляет, что в Казахстане наиболее развит уголовно-правовой компонент и в меньшей степени институционализированы компоненты индустриального комплаенса и маршрутизации сигналов в едином контуре.

Переход от декларативной профилактики к управляемой системе требует измерять качество маршрутизации сигналов. На практике сигналы о сексуализированных рисках и эпизодах развращения поступают через школу, медицинские организации, социальные службы, службы психологической помощи, горячие линии, а в цифровой части через жалобы на платформах и сообщения пользователей. Контактный центр 111 выступает одним из немногих общенациональных каналов, потенциально пригодных для оценки нагрузки, доступности помощи и доверия к системе. Сообщается, что зафиксировано более 110 тысяч обращений детей за помощью в этот канал, что само по себе указывает на масштаб спроса на безопасное сообщение и поддержку. Однако криминологически значим не только объем обращений, но и их последующая судьба. Если сигнал не конвертируется в защитное решение либо конвертируется

ценой многократных повторных интервью и утраты цифровых доказательств, то система воспроизводит латентность и вторичную виктимизацию. Поэтому индикаторы эффективности должны включать время реакции, долю сигналов, завершившихся оценкой риска и планом помощи, долю случаев, в которых удалось обеспечить сохранение цифровых данных, и долю повторных контактов ребенка с разными ведомствами. Эти показатели прямо корреспондируют с инструментарием оценки латентности, разработанным в подразделе 3.2, где конверсия сигналов и процессуальная устойчивость рассматриваются как факторы видимости эпизодов.

Кейс-анализ судебной практики и публичных сообщений о приговорах позволяет выявить типовые точки провала профилактики. Так, в одном из дел в Туркестанской области учитель физкультуры был осужден к лишению свободы за развращение школьницы, при этом фабула указывает на использование доверительных отношений и институциональной близости к ребенку как условия совершения деяния [234]. Данный кейс демонстрирует, что первичная профилактика должна включать не только формальные уроки безопасности, но и управляемые механизмы предотвращения злоупотребления властью и доверительным доступом к детям. К таким механизмам относятся проверка персонала, четкие правила профессиональных границ, контроль ситуаций один взрослый и один ребенок в изолированных помещениях, а также доступные для ребенка и родителей каналы сообщения, не зависящие от администрации учреждения. При отсутствии этих элементов система опирается лишь на случайное раскрытие и на последующее уголовное преследование, что не снижает риски повторяемости и усиливает латентность в условиях, когда ребенок опасается последствий для обучения или отношений в коллективе.

В другом деле сообщается о привлечении к ответственности лица за развращение троих детей в Карагандинской области, что отражает характерную для данной категории преступлений множественность потерпевших и серийность поведения [235]. Для профилактической системы это имеет два следствия. Первое состоит в том, что выявление одного эпизода должно автоматически запускать оценку риска повторности и поиск возможных дополнительных потерпевших в пределах законных процедур и с соблюдением запрета на вторичную виктимизацию. Второе связано с необходимостью межведомственного анализа среды, в которой сформировался доступ к нескольким детям, включая семейные и социальные связи, маршруты передвижения и цифровые контакты. В отсутствие стандарта расширенного реагирования выявленный эпизод рассматривается как изолированный случай и не приводит к устранению инфраструктуры риска. Это порождает эффект частичного выявления, когда расследование охватывает лишь фрагмент преступной активности, а скрытые эпизоды остаются невидимыми и продолжают оказывать виктимогенное влияние на среду.

Особую криминологическую значимость для многоуровневой профилактики имеют дела, в которых контакт и воздействие осуществлялись через цифровые коммуникации. Показателен пример, когда для развращения 12-летней школьницы использовался мессенджер Telegram, что в публичном сообщении рассматривается как ключевой способ взаимодействия между взрослым и ребенком [227]. Как видим, если опасное общение происходит в сервисах с закрытой перепиской и слабой модерацией, то особенно важно быстро выявлять угрозу и сохранять цифровые доказательства. Это необходимо не только для расследования, но и для немедленной защиты ребенка и прекращения контакта. Поэтому детям и родителям нужна цифровая грамотность, а система должна обеспечивать безопасные способы сообщения о риске и быстрое сохранение переписки до ее удаления.

Без таких механизмов преимущество получает правонарушитель. Он может скрывать личность, удалять сообщения и контролировать общение, тогда как ребенок часто не знает, куда обращаться за помощью, и боится наказания или ограничения доступа к устройству. Поэтому профилактика должна включать четкие правила взаимодействия с интернет сервисами и понятный порядок реагирования на жалобы детей.

Большое значение имеет и единообразие судебной практики. Верховный Суд РК в 2026 году отметил необходимость единых подходов по делам против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Это важно не только для судов, но и для профилактики, потому что понятные и предсказуемые правила повышают доверие к системе и снижают страх обращения за помощью.

Верховный Суд Республики Казахстан в 2026 году указал на необходимость единых подходов при рассмотрении дел против половой неприкосновенности. Это связано с повышением качества судебного рассмотрения и защитой прав участников процесса. Хотя судебные разъяснения сами по себе не являются профилактикой, они помогают укреплять доверие к правосудию. Единые стандарты позволяют институционализировать практику минимизации травматизации потерпевших, включая требования к проведению допросов, к оценке показаний и к использованию специальных знаний. В результате судебный контур может стать частью многоуровневой системы, если его стандарты интегрированы в межведомственный протокол реагирования и в обучение специалистов, а также если управленческая оценка эффективности учитывает не только приговоры, но и качество обращения с ребенком на протяжении всего пути случая.

Многоуровневая профилактика требует институциональной архитектуры, обеспечивающей согласованность действий. Предлагается рассматривать межведомственный контур как систему трех уровней управления. На стратегическом уровне формируются цели, индикаторы и распределение ответственности между центральными органами. На тактическом уровне в

регионах создаются межведомственные координационные группы, которые анализируют риск-профиль территории, обеспечивают ресурсное сопровождение и контролируют исполнение стандартов реагирования. На операционном уровне действует кейс-менеджмент по каждому сигналу, где определен координатор случая и установлен перечень обязательных действий и сроков.

Центральным элементом является единая цифровая карта случая, которая фиксирует факт поступления сигнала, результаты оценки риска, принятые меры и исход. Доступ к цифровой карте должен предоставляться только тем специалистам, которым это действительно необходимо для работы. Это важно для защиты личных данных ребенка и предотвращения утечки информации. Такая карта не заменяет официальные процессуальные документы, но помогает разным органам не терять важные сведения и уменьшает количество повторных травмирующих контактов с ребенком. Такая цифровая карта должна фиксировать, какие электронные данные были сохранены, какие меры приняты для прекращения опасного общения и как происходило взаимодействие с интернет платформами. Для эффективной работы важно использовать единые термины и одинаковые правила оценки сигналов, иначе данные разных органов будет сложно сравнивать.

Также нужен регулярный независимый контроль качества работы системы. Он должен проверять, насколько правильно передается информация между органами и соблюдаются ли правила бережного обращения с ребенком. Цель такого контроля состоит не в поиске виновных, а в выявлении проблем системы и улучшении порядка работы.

Оценка эффективности профилактики должна учитывать не только конечный результат, но и то, как работает вся система в целом. Для этого важно анализировать ресурсы, организацию работы и практические результаты, а также учитывать риск ошибок в управлении и статистике. Большое значение имеют подготовка специалистов, доступность служб помощи, возможность быстро сохранять электронные доказательства и налаженное взаимодействие с интернет платформами и другими цифровыми сервисами.

При оценке профилактики важно учитывать, насколько быстро и согласованно работают разные органы, как соблюдаются правила бережного обращения с ребенком и какие меры реально принимаются для его защиты. К таким мерам относятся прекращение опасного контакта, помощь психолога, сохранение цифровых доказательств и удаление вредного контента.

Оценка результатов должна показывать, уменьшается ли повторный вред детям, чаще ли люди сообщают о рисках и становится ли меньше скрытых случаев. При этом отдельные показатели нельзя оценивать изолированно. Например, рост числа обращений может означать не только увеличение проблем, но и рост доверия к системе помощи. Точно так же уменьшение числа зарегистрированных преступлений имеет значение только тогда, когда

одновременно снижается скрытая преступность и люди не боятся сообщать о происходящем.

Показатели комплаенса платформ должны оцениваться не по количеству удаленных материалов, а по скорости реагирования и по доле предотвращенных контактов на ранней стадии. В качестве интегрального критерия эффективности предлагается использовать риск-профиль территории, где объединяются показатели латентности, качества маршрутизации, уровня цифровой экспозиции и частоты повторной виктимизации. Такой подход позволяет перейти от разрозненных отчетов к управляемому риск-менеджменту и направлять ресурсы туда, где вероятность скрытых эпизодов и вторичной виктимизации наиболее высока.

Для эмпирической проверки выводов о латентности и для оценки реализуемости профилактических индикаторов ранее мы уже отражали данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Здесь мы приводим также данные Комитета, представленные в судебной отчетности за период 01.01-31.03.2026.

Так, по ключевым составам против половой неприкосновенности и против несовершеннолетних в суды первой инстанции поступило 223 уголовных дела, из них 164 дела рассмотрены с вынесением приговора. Наибольший поток дел формируется по ст.120 УК РК и ст.122 УК РК, поступило соответственно 85 и 59 дел, что фиксирует доминирование контактных форм в официально регистрируемой части посягательств. При этом по ст.124 УК РК, являющейся центральной для настоящего исследования, поступило 15 дел и вынесено 10 приговоров, а число осужденных лиц составило 6. Данное соотношение указывает на более низкую выявляемость развратных действий и на высокую зависимость регистрации от готовности потерпевших и законных представителей к сообщению и участию в процессе. Для составов, криминализирующих эксплуатационные формы и оборот материалов, статистика носит очаговый характер. Так, по ст.312 УК РК в отчетном периоде при отсутствии поступления новых дел вынесен 1 приговор с осуждением 4 лиц, что может отражать накопление дел и процессуальную длительность доказывания. Приведенные соотношения важны для риск ориентированной профилактики, поскольку позволяют различать меры, снижающие входящий поток выявленных эпизодов, и меры, влияющие на скорость и качество разрешения уже возбужденных дел [236]. Сводные показатели приведены **в таблице 1 и на диаграмме 1.**

Таблица 1. Судебно-статистические показатели по отдельным составам за 01.01-31.03.2026

Статья УК РК	**Поступило дел**	**Рассмотрено с приговором**	**Прекращено дел**	**Осуждено лиц**
120	85	72	1	43

121	41	30	1	52
121-1	19	9	4	6
122	59	40	7	43
123	4	3	0	1
124	15	10	1	6
134	1	0	0	1
140	4	2	0	3
311	0	0	0	0
312	0	1	0	4

Диаграмма 1. Число осужденных лиц по отдельным составам за 01.01–31.03.2026

Дополнительный офлайн контур профилактики и поствиктимной защиты иллюстрируется анализом судебных актов по делам, где несовершеннолетние выступают потерпевшими либо вовлеченными лицами.

В изученных нами приговорах по ст.140 УК РК отражается, что жестокое обращение в образовательных и реабилитационных учреждениях может сопровождаться институциональными сбоями сообщения, поздним обращением и конфликтом ролей законных представителей, что повышает риск вторичной виктимизации при расследовании и судебном разбирательстве. В делах о причинении вреда здоровью несовершеннолетним суды оценивают состояние доверия ребенка к взрослым и необходимость психологического сопровождения, однако процессуальные решения о повторных допросах и экспертизах нередко принимаются без единого протокола щадящего доказывания. Сопоставление этих практик с выводами диссертации по делам о сексуализированных посягательствах подтверждает необходимость технологически нейтрального стандарта сопровождения ребенка, применимого к офлайн ситуациям и смежным формам насилия [237].

Выявленные пробелы и неоднородность практики обосновывают адресные предложения по совершенствованию законодательства и подзаконного

регулирования. Предлагается закрепить в законодательстве о профилактике правонарушений понятие сигнала о риске сексуализированного насилия над ребенком и обязанность его регистрации в межведомственной системе с минимальным набором атрибутов, что позволит устранить потерю обращений и обеспечить сопоставимость данных. Предлагается нормативно определить статус координатора случая и его полномочия по согласованию действий субъектов профилактики при условии соблюдения конфиденциальности и принципа минимизации данных. Для цифрового компонента целесообразно предусмотреть в законодательстве об информации и о связи специальную обязанность цифровых посредников по внедрению мер безопасности по умолчанию в детских аккаунтах, по созданию понятного механизма подачи жалоб, по экстренному сохранению данных при получении уведомления от уполномоченного органа и по публикации агрегированных отчетов о реагировании на детские жалобы.

В целях защиты от вторичной виктимизации предлагается включить в процессуальное регулирование правило приоритетного использования однократного опроса ребенка с аудио- и видеозаписью и с участием специалиста, а также закрепить запрет на проведение повторных допросов без мотивированного решения и без оценки рисков травматизации. Дополнительно предлагается закрепить межведомственный стандарт маршрутизации в виде обязательного подзаконного акта, утверждаемого на уровне Правительства либо уполномоченного органа, с едиными сроками и перечнем действий, включая алгоритм сохранения электронных данных и порядок взаимодействия с платформами.

Для контроля качества профилактики нужен ежегодный открытый отчет. В нем следует показывать скрытые риски, скорость реагирования, работу маршрутов помощи и участие цифровых платформ. Такой отчет должен проверяться независимыми экспертами, с участием уполномоченного по правам ребенка и экспертов. Это поможет не только улучшать профилактику, но и не допускать чрезмерного вмешательства в права детей и семей.

Практическая работа должна строиться на подготовке специалистов и четком распределении обязанностей. Нужны команды, которые умеют работать с детьми, цифровыми доказательствами и случаями сексуализированного насилия. Важно быстро сохранять переписку и другие электронные данные, обучать школы и социальные службы, а также разбирать ошибки без поиска виновных. Профилактика должна снижать страх обращения за помощью. Детям нужны безопасные и понятные каналы связи, в том числе дистанционные и анонимные на первом этапе. Родителей и педагогов следует учить распознавать цифровой груминг, правильно реагировать и не обвинять ребенка. Также важно защищать персональные данные детей в школьных и муниципальных системах.

Все меры должны оцениваться по понятным показателям. Важны снижение скрытых случаев, рост ранних обращений, уменьшение повторной

травматизации и повышение доверия к государственным органам. При этом нельзя строить профилактику только на запретах и жестком контроле устройств. Это может заставить детей скрывать проблемы. В итоге, эффективная профилактика должна сочетать защиту, поддержку и чувство безопасности для ребенка.

Правоприменительная практика по делам о развращении малолетних в условиях цифровизации демонстрирует ряд типовых ошибок, которые напрямую связаны с недостаточной многоуровневостью профилактики. Первая группа ошибок связана с поздним выявлением и с утратой раннего сигнала.

Нередко первичная информация поступает в виде скриншотов или рассказа ребенка о переписке, однако в отсутствие стандарта сохранения электронных данных доказательственная база обесценивается, что повышает риск прекращения дела и усиливает латентность. Вторая группа ошибок связана с квалификационной нестабильностью. Цифровые формы воздействия часто «растворяются» между составами, и практика может колебаться между квалификацией как развращение, как действия сексуального характера в иной форме либо как иные правонарушения, что приводит к неравномерности судебных решений и снижает предсказуемость. Третья группа ошибок связана с фрагментарным рассмотрением эпизодов. При выявлении одного эпизода не всегда проводится анализ возможной множественности потерпевших и серийности поведения, хотя кейсы с несколькими детьми показывают, что такой риск высок. Четвертая группа ошибок связана с вторичной виктимизацией. Отсутствие координации приводит к повторным опросам ребенка, к обсуждению ситуации в образовательной организации и к стигматизации, что формирует барьеры сообщения как для самого ребенка, так и для его окружения. Пятая группа ошибок касается межведомственного обмена. В частности, школы, службы помощи и полиция иногда просто передают информацию друг другу без контроля дальнейших действий. Из за этого профилактика становится формальной и часть сигналов теряется. Такие проблемы связаны не с отдельными ошибками сотрудников, а с недостатками всей системы. Поэтому нужны единые правила реагирования и показатели, которые помогают вовремя замечать сбои и улучшать работу.

В делах о развращении малолетних профилактика и расследование должны работать вместе. Раннее выявление помогает быстрее защитить ребенка и сохранить доказательства. Расследование с бережным отношением к потерпевшему помогает сохранять доверие к системе и снижать скрытую преступность. Поэтому вся система должна действовать как единая цепочка, где каждый этап помогает уменьшать дальнейшие риски и защищать ребенка.

Предлагаемая модель рассматривает профилактику как единую систему, где меры предупреждения, раннего реагирования, помощи потерпевшим и предотвращения повторного вреда связаны между собой. Такая система должна

работать последовательно, а не как набор отдельных мероприятий.

Большое значение имеет согласованная работа разных органов и единые правила реагирования. Это помогает быстрее передавать сигналы о риске, защищать ребенка и снижать вероятность дополнительной психологической травмы. Для оценки эффективности системы предлагается использовать показатели скрытой преступности, качества реагирования и работы цифровых платформ. Такой подход позволяет рассматривать латентность не как случайную проблему, а как показатель состояния всей системы профилактики.

Предлагаемая модель рассматривает профилактику как единую систему, где меры предупреждения, раннего реагирования, помощи потерпевшим и предотвращения повторного вреда связаны между собой. Такая система должна работать последовательно, а не как набор отдельных мероприятий.

Большое значение имеет согласованная работа разных органов и единые правила реагирования. Это помогает быстрее передавать сигналы о риске, защищать ребенка и снижать вероятность дополнительной психологической травмы. Для оценки эффективности системы предлагается использовать показатели скрытой преступности, качества реагирования и работы цифровых платформ. Такой подход позволяет рассматривать латентность не как случайную проблему, а как показатель состояния всей системы профилактики. Совместное применение этих элементов позволяет согласовать уголовно-правовые и криминологические меры, поскольку уголовный запрет и процессуальные гарантии получают поддержку в виде профилактической инфраструктуры и измеримых критериев качества.

Межведомственные меры должны включать 1) утверждение единого стандарта маршрутизации сигнала с обязательными действиями и сроками для школы, социальных служб и органов уголовного преследования, 2) создание региональных координационных групп, анализирующих риск-профиль территории и распределяющих ресурсы на основе риск-матрицы, 3) заключение типовых соглашений с цифровыми посредниками о каналах взаимодействия и сроках реагирования.

Профилактические меры должны включать: 1) внедрение стандартов безопасности в детских учреждениях, ориентированных на предотвращение злоупотребления доверительным доступом, 2) развитие программ цифровой грамотности и позитивного родительства, ориентированных на навыки безопасного поведения и раннее обращение, 3) усиление доступности и доверия к каналам сообщения и помощи, включая контактный центр 111 и дистанционные консультации, 4) внедрение системы оценки эффективности, где интерпретация показателей заранее определена и исключает подмену успеха снижением регистрации при росте латентности.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование было направлено на разработку уголовно-правовой и криминологической модели профилактики развращения малолетних в условиях цифровизации, способной обеспечить одновременно нормативную определенность запрета, квалификационную устойчивость и доказательственную достаточность при опоре на электронные данные, а также снижение латентности и рисков вторичной виктимизации ребенка.

Актуальность проблемы для Республики Казахстан обусловлена тем, что цифровая трансформация детских коммуникаций расширяет пространство уязвимости и меняет типологию посягательств. Существенная часть воздействий на ребенка приобретает коммуникационно-опосредованный характер, эпизоды могут растягиваться во времени, становиться серийными, вовлекать нескольких участников и сопровождаться быстрым изменением цифровых следов. В этих условиях юридическая цена ошибок возрастает

Неверная квалификация или ошибочная оценка эпизодичности ведет к утрате предсказуемости ответственности, к провалам доказывания и к организационным решениям, которые либо не достигают охранительной цели, либо увеличивают травматизацию ребенка и усиливают нежелание сообщать о случившемся.

Методологический каркас исследования включал формально-юридический метод, системный метод, сравнительно-правовой анализ, анализ правоприменительной практики и кейс-анализ, криминологические методы статистического и виктимологического анализа, оценку латентности на смешанных данных, моделирование алгоритмов квалификации и риск-матриц, а также риск-ориентированный подход к профилактике.

Формально-юридический анализ позволил выделить конструктивные дефекты и коллизии нормативных описаний, системный анализ обеспечил увязку уголовно-правовых и процессуальных требований с организационными механизмами реагирования и сопровождения ребенка, а криминологический инструментарий дал возможность реконструировать скрытую часть явления и сформировать показатели мониторинга эффективности мер.

Главный научный итог исследования состоит в доказательном обосновании того, что защита малолетних от развращения в цифровую эпоху должна рассматриваться как единый контур уголовно-правовых, процессуальных и криминологических решений. Уголовный закон определяет, какие действия считаются преступлением, а уголовный процесс устанавливает правила сбора и проверки доказательств.

Криминологический и виктимологический подходы помогают понять, почему часть преступлений остается скрытой, почему дети и семьи не всегда

обращаются за помощью и какие меры уменьшают дополнительную психологическую травму. Когда эти элементы работают несогласованно, растет скрытая преступность и появляются ошибки в квалификации.

В результате исследования создана единая модель, где расследование, профилактика, работа с доказательствами и защита ребенка связаны общей системой оценки рисков и эффективности. Особое значение при этом имеют повторяющиеся эпизоды и участие нескольких лиц в цифровом общении.

Особое внимание следует обратить на множественность эпизодов и соучастие в условиях цифровых форм взаимодействия. Цифровая среда снижает порог повторяемости и облегчает распределение ролей. Один участник может инициировать контакт, другой обеспечивать техническую инфраструктуру, третий осуществлять распространение материалов или поддерживать психологическое давление.

Исследование обосновывает, что определение эпизодичности должно учитывать не только временной интервал и однородность действий, но и смену способа воздействия, изменение канала коммуникации, появление новых результатов и устойчивость умысла.

Для квалификации соучастия предложены критерии разграничения соисполнительства, пособничества и подстрекательства в ситуациях, где вклад имеет информационно-технический характер.

Практическая ценность указанных выводов состоит в снижении риска двух крайностей. Первая крайность связана с необоснованным объединением множества действий в единый эпизод, что занижает опасность и затрудняет оценку повторяемости. Вторая крайность связана с произвольным дроблением на множество составов, что усложняет доказывание и увеличивает нагрузку на ребенка.

Исследование обосновывает, что доказательственная достаточность по делам о развращении малолетних при использовании электронных данных требует собственного стандарта. Показано, что доказательная база в данной категории дел часто формируется через совокупность цифровых следов, данных экспертиз, протоколов осмотров и показаний взрослых свидетелей, а прямые показания ребенка не могут выступать единственной опорой ни по этическим, ни по процессуальным причинам.

Выработанный подход ориентирует следственную и судебную оценку на проверяемую совокупность признаков, включая воспроизводимость электронных данных, прослеживаемость их происхождения и процессуальную корректность фиксации.

Одновременно исследование обосновывает, что снижение вторичной виктимизации ребенка является условием доказательственной эффективности. Повторные допросы, несогласованность ведомств и утечки информации не только травмируют ребенка, но и снижают качество информации и готовность к

участию. Поэтому доказательственный стандарт должен сочетаться с протоколами щадящего доказывания, в которых центр тяжести переносится на раннее планирование фиксации цифровых следов и на организацию участия ребенка в минимально травматичной форме.

В результате исследования также показано, что латентность исследуемого явления имеет структурный характер и не поддается оценке только по официальной уголовной статистике.

В работе доказано, что латентность поддерживается одновременно виктимологическими барьерами сообщения, организационными разрывами маршрутизации сигналов и недостаточной технологической готовностью к фиксации электронных данных. Разработанный инструментарий оценки латентности опирается на смешанные источники данных, включая статистику правоприменения, данные обращений в социальные и медицинские службы, информацию линий поддержки и результаты выборочных исследований.

Сформулированы показатели и правила их интерпретации, позволяющие отличать рост выявляемости от роста реальной распространенности и выявлять управляемые причины невидимости эпизодов. В управленческом измерении такие индикаторы выполняют функцию раннего предупреждения и позволяют оценивать эффективность профилактики не только по числу зарегистрированных дел, но и по качеству цепочки реагирования от первого сигнала до процессуального решения и поствиктимного сопровождения.

Также итогом работы стала разработка концепции многоуровневой профилактики, которая объединяет первичные, вторичные и третичные меры и механизмы поствиктимной защиты. Доказано, что эффективность профилактики должна оцениваться комплексно. Она включает снижение латентности, повышение качества маршрутизации сигналов, сокращение времени реагирования, улучшение сохранности цифровых следов, снижение доли решений, обусловленных дефектами доказывания, а также показатели безопасного сопровождения и реабилитации.

Кроме того, сформулированы подходы к оценке минимально достаточной совокупности доказательств при использовании электронных данных, при этом доказательственная стратегия должна быть согласована с протоколами снижения вторичной виктимизации ребенка. Разработана логика оценки латентности на смешанных источниках данных и предложены индикаторы интерпретации, пригодные для мониторинга эффективности профилактики и управленческого риск-менеджмента. Доказано, что виктимологические барьеры сообщения выступают структурным фактором латентности и должны сниматься через безопасное сопровождение и стандарты межведомственного реагирования. Обоснована интегрированная модель многоуровневой профилактики с измеримыми критериями эффективности и с функциональными требованиями

комплаенса цифровых посредников, обеспечивающими согласованность уголовно-правовых и криминологических мер.

Представленные выводы и рекомендации ориентированы на повышение предсказуемости правоприменения, управляемое снижение рисков и формирование профилактики, совместимой с правовыми гарантиями и приоритетом интересов ребенка в офлайн и цифровой среде.

Список использованных источников

1 О ратификации Конвенции о правах ребенка: Постановление Верховного Совета Республики Казахстан от 8 июня 1994 года № 77-XIII // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B940001400_ (дата обращения: 23.04.2025).

2 Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674 (дата обращения: 23.04.2025).

3 Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года: Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года № 611 // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс].- URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611 (дата обращения: 23.04.2025).

4 Об утверждении Комплексного плана по защите детей от насилия, превенции суицида и обеспечению их прав и благополучия на 2023–2025 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 августа 2023 года № 748 // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс]. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000748 (дата обращения: 23.04.2025).

5 Об утверждении Концепции кибербезопасности («Киберщит Казахстана»): Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 407 (с изменениями) // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс]. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407 (дата обращения: 23.04.2025).

6 Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 года № 345 «О правах ребенка в Республике Казахстан» (с изм. и доп.) // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс]. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345_ (дата обращения: 05.05.2025).

7 WeProtect Global Alliance. Global Threat Assessment 2025. December 2025. [Электронный ресурс]. - URL: URL: https://www.weprotect.org/wp-content/uploads/GTA-2025_EN.pdf. (дата обращения: 02.05.2025).

8 Уголовный кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026) // Официальный ресурс Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. [Электронный ресурс].- URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 05.05.2025).

9 Пресс-служба Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. О криминогенной ситуации за 2024 год (публикация от 23.01.2025) // GOV.KZ. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/article/details/192800?lang=ru (дата обращения: 05.05.2025).

10 Кәмелетке толмағандарға жыныстық тиіспеушілікке қарсы қылмыстық құқық бұзушылықтар жасағаны үшін қылмыстық жауаптылыққа тартылған адамдардың мәліметтері (паспорт набора данных; владелец - Комитет по правовой статистике и специальным учетам; госорган - Генеральная прокуратура РК). [Электронный ресурс]. URL: https://data.egov.kz/datasets/view?index=kameletke_tolmagandarga_zhynys (дата обращения: 05.05.2025).

11 UN Economic and Social Council. Resolution 2005/20: Guidelines on Justice in Matters involving Child Victims and Witnesses of Crime (22 July 2005) // UNODC. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Guidelines_E.pdf (accessed 11.02.2026). (дата обращения: 05.05.2025).

12 Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the sale of children, child prostitution and child pornography (New York, 25 May 2000) // OHCHR. URL: URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-convention-rights-child-sale-children-child (accessed 11.02.2026);

13 Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse (Lanzarote Convention), CETS No. 201 (25 October 2007) // Council of Europe. [Электронный ресурс]. - URL: https://rm.coe.int/1680084822 (accessed 11.02.2026). (дата обращения: 05.05.2025).

14 Иманмусаев А.А. Уголовно-правовые меры по противодействию преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних: дисс… на соискание академ. степени магистр юрид...наук - Косшы, 2020. – 97с. [Электронный ресурс]. – URL: https://academy-rep.kz/uploads/53d1513fbfa04db027deeaa6fa7d33d0.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

15 Шекенова Г.Т. Уголовно-правовые меры противодействия развращению малолетних. - Косшы, 2025 – 64с.: дисс… на соискание академ. степени магистр юрид...наук - Косшы, 2020. – 97с. [Электронный ресурс]. – URL: https://academy-rep.kz/uploads/1206-08d2dc5bd1577c9a0691048eeb9bdde1.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

16 Биебаева А.А., Калгужинова А.М., Шуняева В.А. Понуждение к действиям сексуального характера: правовые позиции Верховного суда Российской Федерации и Республики Казахстан // Актуальные проблемы государства и права. - 2019. Т. 3. - № 10. - С. 175–189. [Электронный ресурс]. DOI: 10.20310/2587-9340-2019-3-10-175-189. URL: https://journals.tsutmb.ru/a8/upload/2019-06/175-189%20%D0%91%D0%B8%D0%B5%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B3%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%BD

%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%A8%D1%83%D0%BD%D1%8F%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

17 Абишева А.К. Институт информационного согласия как способ предотвращения насильственного посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних. // Вестник Академии правоохранительных органов. - 2020. - № 3 (17). - С. 30–35. [Электронный ресурс].- URL: https://academy-rep.kz/uploads/a2883c60eddfc44672e059b565a5629c.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

18 Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть. Том 2. - Алматы: Жети жарғы, - 2021. [Электронный ресурс].- URL: https://atyrau-edu.kz/fund/show/cad06da3-dcb6-4760-a56d-25132525036 (дата обращения: 02.11.2025).

19 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан: общая и особенная части / под общ. ред. Борчашвили И.Ш. 2-е изд., испр. и доп. - Алматы: Жети жаргы, 2007. - 989 с. [Электронный ресурс].- URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003416904/ (дата обращения: 02.11.2025)

20 Аманова У.Г. «Кибергрумминг» кылмыстарын тергеп-тексерудин теориялык және практикалык проблемалары: исследовательский проект. 2025. [Электронный ресурс] - URL: https://academy-rep.kz/download.php?id=1214 (дата обращения: 02.11.2025)

21 Абдраманова Н.К., Алауханов Е.О. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних в Республике Казахстан и их латентность // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2023. - № 47. - С. 5–16. DOI: 10.17223/22253513/47/1. - URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha%3A001001700 (дата обращения: 02.11.2025).

22 Ергалимова А. Дети с инвалидностью как группа риска в контексте сексуальной эксплуатации и насилия // Eurasian Journal of International - Law. [Электронный ресурс].- 2023. Т. 7. - № 3. С. 90-103. DOI: 10.32523/2791-0954-2023-7-3-90-103. - URL: https://doi.org/10.32523/2791-0954-2023-7-3-90-103 (дата обращения: 02.11.2025).

23 Нубаева Г.Г., Кулмуханбетова Б.А. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: динамика преступности (2020–2024 гг.) и ее влияние на совершенствование уголовного законодательства // Вестник Академии правоохранительных органов. - 2025. - № 3 (37). - С. 126-135. DOI: 10.52425/25187252_2025_37_126. [Электронный ресурс]. - URL: https://academy-rep.kz/download.php?id=1269 (дата обращения: 12.12.2025).

24 Медведева А.С. Виктимизация несовершеннолетних в процессе кибергруминга: гендерная и психосексуальная специфика / А.С. Медведева // Психология и право. - 2023. Т. 13. - № 4. - С. 83–94. DOI:

10.17759/psylaw.2023130407. [Электронный ресурс]. - URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2023_n4/Medvedeva (дата обращения: 12.12.2025.).

25 Медведева А.С., Дозорцева Е.Г. Роль и участие родителей в процессе кибергруминга / А.С. Медведева, Е.Г. Дозорцева // Психология и право. - 2021. Т. 11. - № 2. - С. 146–159. DOI: 10.17759/psylaw.2021110211. [Электронный ресурс]. - URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2021_n2/psylaw_2021_n2_Medvedeva_Dozortseva.pdf (дата обращения: 20.11.2025.)

26 Исследование детского контента в Казахстане. Астана: НАО «Казахстанский институт общественного развития», 2023. [Электронный ресурс] - URL: https://api.kipd.kz/storage/uploads/images/2023/12/14/%D0%98%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%20%D0%B2%20%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5_1702528393.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

27 UNICEF Kazakhstan. Country Office Annual Report, 2022 [Electronic resource]. - URL: https://www.unicef.org/kazakhstan/media/10416/file/Country%20Office%20Annual%20Report%20%7C%202022%20UNICEF%20Kazakhstan.pdf. (дата обращения: 20.07.2025).

28 Dzhansaraeva R.E., Malikova Sh.B., Omarova Sh.B. Виктимологическое противодействие преступности: концептуальные аспекты // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. - 2018. Т. 85. - № 1. - С. 238–243. [Электронный ресурс] - URL: https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/790 (дата обращения: 20.07.2025).

29 Dzhansaraeva R.E., Omarova A.B., Malikov D.B. О некоторых направлениях виктимологических исследований // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. - 2019. Т. 88. - № 4. - С. 120–125. [Электронный ресурс]. - URL: https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/2074 (дата обращения: 20.07.2025).

30 Жакыш А.Ж., Акболатова М.Е., Дузбаева С.Б., Таубаев Б.Р., Тургумбаев М.Е. Состояние, структура и динамика семейно-бытового насилия в Республике Казахстан // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. - 2023. Т. 108. - № 4. - С. 112–119. DOI: 10.26577/JAPJ.2023.v108.i4.012. [Электронный ресурс] - URL: https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/2980 (дата обращения: 20.07.2025).

31 Rysmagambetova G.M., Kabzhanov A.T. Victimological aspects of crime prevention // Bulletin of the Karaganda University. Law Series. - 2024. T. 29. - № 1 (113). [Электронный ресурс] - URL: https://law-vestnik.buketov.edu.kz/law/article/download/454/370/915. (дата обращения: 20.07.2025).

32 Convention on the Rights of the Child. Adopted 20 November 1989. OHCHR. - URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child (дата обращения: 20.07.2025).

33 UN Committee on the Rights of the Child. General comment No. 13 (2011) The right of the child to freedom from all forms of violence (CRC/C/GC/13). PDF. - URL: https://www.humanrights.ch/cms/upload/pdf/111213_CRC.Gen._Com._13.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

34 Council of Europe. Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse (CETS No. 201). PDF. - URL: https://rm.coe.int/16800d3832 (дата обращения: 20.07.2025).

35 Directive 2011/93/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on combating the sexual abuse and sexual exploitation of children and child pornography. EUR-Lex. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A02011L0093-20111217 (дата обращения: 20.07.2025).

36 Stoykova R. The right to a fair trial as a conceptual framework for digital evidence rules in criminal investigations. Computer Law and Security Review. 2023. Vol. 49. Article 105801. DOI 10.1016/j.clsr.2023.105801. - URL: https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105801 (дата обращения: 20.07.2025).

37 Кашепов В.П. отв ред. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. Монография. - Москва. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. [Электронный ресурс]. PDF. - URL: https://izak.ru/upload/iblock/1de/1de3c8f0fae694719862d3b9f29d1c09.pdf (дата обращения: 22.07.2025).

38 Tuori K. Ultima Ratio as a Constitutional Principle. Oñati Socio-Legal Series. 2013. Vol. 3. No. 1. - URL: https://opo.iisj.net/index.php/osls/article/view/191 (дата обращения: 22.07.2025).

39 Ouwerkerk J.W. Criminalisation as a Last Resort A National Principle of European Law. European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 2012. Vol. 20. No. 3. DOI 10.1177/203228441200300302. - URL: https://doi.org/10.1177/203228441200300302 (дата обращения: 22.07.2025).

40 van Kempen P.H. Criminal Justice and the Ultima Ratio Principle need for limitation, exploration and consideration. In Overuse in the Criminal Justice System.

Cambridge University Press, 2019. DOI 10.1017/9781780688398.002. - URL: https://doi.org/10.1017/9781780688398.002 (дата обращения: 24.07.2025).

41 Dobrovolskis M. Ultima ratio Principle in the Criminalization of Tax Evasion. Teise. 2020. Vol. 114. Электронный ресурс. - URL: https://www.journals.vu.lt/teise/article/download/16809/15924 (дата обращения: 24.07.2025).

42 Husak D.N. Overcriminalization The Limits of the Criminal Law. Oxford University Press, 2008. Электронный ресурс. Google Books. – URL: https://books.google.com/books/about/Overcriminalization.html?id=SJ4GUlFlPu0C (дата обращения: 24.07.2025).

43 Ashworth A., Zedner L. Preventive Justice. Oxford University Press, 2014. DOI 10.1093/acprof:oso/9780198712527.001.0001. - URL: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198712527.001.0001 (дата обращения: 24.07.2025).

44 Cornford A. Preventive Criminalization. New Criminal Law Review. 2015. Vol. 18. No. 1. Pp. 1–34. DOI 10.1525/nclr.2015.18.1.1. - URL: https://doi.org/10.1525/nclr.2015.18.1.1 (дата обращения: 24.07.2025).

45 Melander S. Preventive Turn in Criminal Law. Peking University Law Journal. 2023. Vol. 11. No. 1. Pp. 11–23. DOI 10.1080/20517483.2023.2223843. - URL: https://doi.org/10.1080/20517483.2023.2223843 (дата обращения: 24.07.2025).

46 Stanton-Ife J.J. What is the Harm Principle for. Criminal Law and Philosophy. 2016. Электронный ресурс. PDF. - URL: https://kclpure.kcl.ac.uk/portal/files/54787044/JSI_Crim_Law_and_Phil_CLPH_D_14_00011_5_1_.pdf (дата обращения: 24.07.2025).

47 Harcourt B.E. The Collapse of the Harm Principle. Journal of Criminal Law and Criminology. 1999. Vol. 90. No. 1. Pp. 109–194. PDF. - URL: https://scholarship.law.columbia.edu/context/faculty_scholarship/article/1665/viewcontent/90_J._Crim._L.___Criminology_109.pdf (дата обращения: 24.07.2025).

48 Simester A.P., von Hirsch A. Crimes, Harms, and Wrongs On the Principles of Criminalisation. Hart Publishing, 2011. - URL: https://www.bloomsbury.com/uk/crimes-harms-and-wrongs-9781841139401/ (дата обращения: 27.07.2025).

49 Lee Y. Proxy Crimes and Overcriminalization. Fordham Law Review. 2022. PDF. - URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2248&context=faculty_scholarship (дата обращения: 27.07.2025).

50 Peršak N. Pathways to the criminalisation of emotional distress An offence- and harm-based typology. International Journal of Law, Crime and Justice. 2020. Vol. 63. Article 100416. DOI 10.1016/j.ijlcj.2020.100416. - URL: https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2020.100416 (дата обращения: 27.07.2025).

51 Debbaut S. The legitimacy of criminalizing drugs applying the harm principle of John Stuart Mill to contemporary decision-making. International Journal of Law, Crime and Justice. 2022. Vol. 68. Article 100508. DOI 10.1016/j.ijlcj.2021.100508. - URL: https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2021.100508 (дата обращения: 27.07.2025).

52 Clarke R.V. ed. Situational Crime Prevention Successful Case Studies. 2nd ed. Harrow and Heston, 1997. PDF. - URL: https://popcenter.asu.edu/sites/g/files/litvpz3631/files/scp2_intro_0_0.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

53 Cornish D.B., Clarke R.V. Opportunities, Precipitators and Criminal Decisions A Reply to Wortley's Critique of Situational Crime Prevention. Crime Prevention Studies. 2003. PDF. - URL: https://popcenter.asu.edu/sites/g/files/litvpz3631/files/Responses/crime_prevention/PDFs/Cornish%26Clarke.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

54 Wortley R., Smallbone S. Applying situational principles to sexual offenses against children. Crime Prevention Studies. 2006. Vol. 19. PDF. - URL: https://www.abuseincare.org.nz/__data/assets/pdf_file/0022/28075/wortley-r-smallbone-s-applying-situational-principles-to-sexual-offenses-against-children-crime-prevention-studies-19-2006.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

55 Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G. A review of young people's vulnerabilities to online grooming. Aggression and Violent Behavior. 2013. Vol. 18. Issue 1. Pp. 135-146. DOI 10.1016/j.avb.2012.11.008. - URL: https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.11.008 (дата обращения: 27.07.2025).

56 Davidson J., Gottschalk P. Characteristics of the internet for criminal child sexual abuse by online groomers. Criminal Justice Studies. 2011. Vol. 24. No. 1. Pp. 23-36. DOI 10.1080/1478601X.2011.544188. - URL: https://doi.org/10.1080/1478601X.2011.544188 (дата обращения: 27.07.2025).

57 Lorenzo-Dus N., Izura C., Perez-Tattam R. Understanding grooming discourse in computer-mediated environments. Discourse, Context and Media. 2016. Vol. 12. Pp. 40–50. DOI 10.1016/j.dcm.2016.02.004. - URL: https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.02.004 (дата обращения: 27.07.2025).

58 Joleby M., Lunde C., Jonsson L. Offender strategies for engaging children in online sexual activity. Child Abuse and Neglect. 2021. Vol. 120. Article 105214. DOI 10.1016/j.chiabu.2021.105214. - URL: https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2021.105214 (дата обращения: 27.07.2025).

59 de Santisteban P., del Hoyo Bilbao J., Alcazar-Corcoles M.A., Gamez-Guadix M. Progression, maintenance, and feedback of online child sexual grooming A qualitative analysis of online predators. Child Abuse and Neglect. 2018. Vol. 80. Pp. 203-215. DOI 10.1016/j.chiabu.2018.03.026. - URL: https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2018.03.026 (дата обращения: 27.07.2025).

60 Ringenberg T.R., Seigfried-Spellar K.C. Assessing differences in grooming stages and strategies across conversations with decoys, victims, and law enforcement officers. Computers in Human Behavior. 2024. Article 108071. DOI 10.1016/j.chb.2023.108071. - URL: https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.108071 (дата обращения: 27.07.2025).

61 Broome L.J., Izura C., Lorenzo-Dus N. A systematic review of fantasy driven vs. contact driven internet-initiated sexual offences Discrete or overlapping typologies. Child Abuse and Neglect. 2018. Vol. 79. Pp. 434–444. DOI 10.1016/j.chiabu.2018.02.021. - URL: https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2018.02.021 (дата обращения: 27.07.2025).

62 Babchishin K.M., Hanson R.K., VanZuylen H. Online child pornography offenders are different a meta-analysis of the characteristics of online and offline sex offenders against children. Archives of Sexual Behavior. 2015. Vol. 44. No. 1. Pp. 45-66. DOI 10.1007/s10508-014-0270-x. - URL: https://doi.org/10.1007/s10508-014-0270-x (дата обращения: 27.07.2025).

63 Soldino V., Seigfried-Spellar K.C. Criminological differences between contact-driven and online-focused suspects in online child sexual grooming police reports. Child Abuse and Neglect. 2024. Vol. 149. Article 106696. DOI 10.1016/j.chiabu.2024.106696. - URL: https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2024.106696 (дата обращения: 27.07.2025).

64 Almeida T.C., Barreiros I. Online grooming among Portuguese adolescents and the COVID-19 lockdown Relationship with other types of victimization. Children and Youth Services Review. 2024. Vol. 156. Article 107370. DOI 10.1016/j.childyouth.2023.107370. - URL: https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107370 (дата обращения: 27.07.2025).

65 Brown S. et al. Key messages from research on child sexual abuse by adults in online contexts. CSA Centre, 2023. PDF. - URL: https://www.csacentre.org.uk/app/uploads/2023/10/Key-messages-from-research-on-child-sexual-abuse-by-adults-in-online-contexts-ENGLISH.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

66 Ioannou M., Hammond L., Simpson A. A comparison of online and offline grooming characteristics. 2018. Computers in Human Behavior. Vol. 85. DOI 10.1016/j.chb.2018.03.018. - URL: https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.03.018 (дата обращения: 27.07.2025).

67 Мутубаева Д. Имплементация стандартов международных норм по защите прав детей в судебных решениях // ИПС «Параграф» [Электронный ресурс] - URL: URL: https://prg.kz/document/?doc_id=33487298&pos=10;246 (дата обращения: 27.07.2025).

68 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года № 4 «О некоторых вопросах квалификации преступлений, связанных с изнасилованием и иными насильственными действиями

сексуального характера». // ИПС Адилет. [Электронный ресурс]. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000004S_ (дата обращения: 27.07.2025).

69 Верховный Суд готовит постановление по делам о правонарушениях против половой неприкосновенности личности. 2025. SotReport.kz. [Электронный ресурс]. - URL: https://sotreport.kz/report/verhovnyj-sud-gotovit-postanovlenie-po-delam-o-polovoj-neprikosnovennosti/ (дата обращения: 27.07.2025).

70 Бывший военнослужащий осужден за изнасилование и развращение несовершеннолетней. 2023. Главная военная прокуратура Республики Казахстан. Пресс релиз. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/gvp/press/press-releases/details/2045?lang=ru (дата обращения: 27.07.2025).

71 Маме не говори, это будет наш секрет Инцидент с ребенком в Алматы. 2020. Tengrinews.kz. [Электронный ресурс]. - URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/mame-govori-budet-nas-sekret-incident-rebenkom-389233/ (дата обращения: 27.07.2025).

72 Койчубекова А.А., Енсебаева А.Р. Онлайн-груминг как новая форма сексуального насилия над детьми: правовая реакция и проблеы в законодательстве Республики Казахстан. DOI - 1032743/UniLaw.2025.128.6.20157. // Экономика и юриспруденция - 2025. - №6(128) [Электронный ресурс]. – URL: https://share.google/jpmkixvEtgQWIJ2N5 (дата обращения: 27.07.2025).

73 Council of Europe - Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse (CETS No. 201) // Council of Europe. - URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/-/council-of-europe-council-of-europe-convention-on-the-protection-of-children-against-sexual-exploitation-and-sexual-abuse-cets-no-201-translations. (дата обращения: 27.07.2025).

74 German Criminal Code. Section 176 Child abuse // UNODC SHERLOC Legislative Database. - URL: https://www.unodc.org/cld/en/legislation/deu/german_criminal_code/special_part_-_chapter_thirteen/section_176/section_176.html. (дата обращения: 28.07.2025).

75 Guidance on part 2 of the Sexual Offences Act 2003 (accessible version) // GOV.UK. - URL: https://www.gov.uk/government/publications/guidance-on-part-2-of-the-sexual-offences-act-2003/guidance-on-part-2-of-the-sexual-offences-act-2003-accessible-version (дата обращения: 28.07.2025).

76 Ensuring child-friendly justice through the effective operation of the Barnahus-units in Finland // Council of Europe. - URL: https://www.coe.int/en/web/children/finland-barnahus. (дата обращения: 28.07.2025).

77 Barnahus: a European journey - Findings of a mapping study on multidisciplinary and interagency child-friendly justice models responding to violence

against children // Council of Europe. - URL: https://www.coe.int/en/web/children/-/barnahus-a-european-journey-findings-of-a-mapping-study-on-multidisciplinary-and-interagency-child-friendly-justice-models-responding-to-violence-against-children (дата обращения: 28.07.2025).

78 How the CAC Model Works // National Children's Alliance. - URL: https://www.nationalchildrensalliance.org/cac-model/. (дата обращения: 28.07.2025).

79 The Barnahus Quality Standards // Barnahus Network. - URL: https://barnahus.eu/barnahus/the-practice-in-barnahus/standards/ (дата обращения: 28.07.2025).

80 Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» от 15 апреля 2024 № 72-VIII. [Электронный ресурс]. - URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=157936 (дата обращения: 28.07.2025).

81 Закон Республики Казахстан «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 02 июля 2018 № 169-VI ЗРК (с изм. и доп.). // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс]. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000169 (дата обращения: 28.07.2025).

82 UNICEF. Ending Online Child Sexual Exploitation and Abuse: Global Research Agenda, 2021. - URL: https://www.unicef.org/documents/ending-online-child-sexual-exploitation-and-abuse (дата обращения: 28.07.2025).

83 Hamilton-Giachritsis C. et al. Technology assisted child sexual abuse: Professionals' perceptions of risk and impact on children and young people // Child Abuse & Neglect. 2021 Sep;119(Pt 1):104651. doi: 10.1016/j.chiabu.2020.104651. Epub 2020 Aug 24. – URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32854947/ (дата обращения: 28.07.2025).

84 Замечание общего порядка № 25 (2021) Комитета ООН по правам ребенка «О правах детей в связи с цифровой средой» (CRC/C/GC/25, 02.03.2021). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.refworld.org/ru/policy/concobservations/crc/2021/ru/146359 (дата обращения: 28.07.2025).

85 Конвенция о компьютерных преступлениях (Конвенция Совета Европы о киберпреступности, Convention on Cybercrime CETS № 185) (Будапешт, 23 ноября 2001 года) // ИПС «Параграф» [Электронный ресурс]. – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30170556 (дата обращения: 28.07.2025).

86 Конвенция ООН против киберпреступности (United Nations Convention against Cybercrime) (принята Генеральной Ассамблеей ООН 24 декабря 2024 г.). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения: 28.07.2025).

87 Директива 2011/93/ЕС Европейского парламента и Совета от 13.12.2011 о борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией. PDF. [Электронный ресурс]. – URL: https://mediacia.com/wp-content/uploads/2018/06/Victims.pdf (дата обращения: 28.07.2025).

88 ЕС приближается к принятию закона «Контроль чата 2» о борьбе с насилием над детьми в Интернете, (2022) (пакет «CSAM Regulation»). [Электронный ресурс]. – URL: https://nepfund.org/tpost/a2ypj0p491-es-priblizhaetsya-k-prinyatiyu-zakona-ko (дата обращения: 28.07.2025).

89 Eurochild reacts to the Council's position on the Regulation to Prevent and Combat Child Sexual Abuse (25.11.2025). – URL: https://eurochild.org/news/eurochild-reacts-to-the-councils-position-on-the-regulation-to-prevent-and-combat-child-sexual-abuse/ (дата обращения: 28.07.2025).

90 Рустемова Г.Р., Жакслык А. Международное сотрудничество в сфере защиты прав несовершеннолетних - жертв насилия // Актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних жертв преступлений: сборник материалов Международной научно-практической конференции (13 декабря 2023 г.). - Алматы, 2023. - С. 172–176.

91 Malikova Sh. B., Omarova A. B., Zhakslyk A. Zh., Atakhanova S. K., Beaver K. M. Adolescent sports, violent delinquency, and being processed through the criminal justice system: A longitudinal analysis of males // Journal of Criminal Justice. – 2025. - Vol. 97. - 102381. - DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2025.102381.

92 Protecting children online. An overview of recent developments in legal frameworks and policies – URL: https://www.oecd.org/en/publications/protecting-children-online_9e0e49a9-en.html (дата обращения: 28.07.2025).

93 Livingstone, S., & Bulger, M. (2014). A Global Research Agenda for Children's Rights in the Digital Age. Journal of Children and Media, 8(4), 317-335. – URL: https://doi.org/10.1080/17482798.2014.961496 (дата обращения: 28.07.2025).

94 Livingstone S. Children's rights in the digital age. 2016. (LSE working paper / article). PDF. – URL: https://share.google/UbvdZqVnH3m07JpVl 961496 (дата обращения: 28.07.2025).

95 European Parliament. Legislative Train: Preventing and combating child sexual abuse (state of play for CSAM Regulation), 2025-2026. – URL: https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-promoting-our-european-way-of-life/file-eu-strategy-to-fight-child-sexual-abuse?sid=9201 (дата обращения: 28.07.2025).

96 Резенде, ИН (2024). Предлагаемый регламент по борьбе с сексуальным насилием над детьми в интернете: оценка вопросов конфиденциальности, защиты данных и уголовного правосудия. // Международный обзор права, компьютеров и технологий, 38 (3), 369–390. https://doi.org/10.1080/13600869.2024.2324548 (дата обращения: 05.08.2025).

97 Lievens E. Bullying and sexting in social networks: Protecting minors from criminal acts or empowering minors to cope with risky behaviour? // International Journal of Law, Crime and Justice,Volume 42, Issue 3, 2014, P. 251-270, ISSN 1756-0616, https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2014.02.001. (дата обращения: 05.08.2025).

98 Якуничева А.А. Новые сексуальные преступления против несовершеннолетних в сфере ИТ // Журнал форм прикладных исследований. - 2024. - №11. [Электронный ресурс]. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-formy-seksualnyh-prestupleniy-protiv-nesovershennoletnih-v-sfere-it (дата обращения: 05.08.2025).

99 Zhakslyk A. J., Malikov S. B., Abdirazak B. Sexual offenses in the criminal law of the Republic of Kazakhstan // Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова. - 2024. - № 3(80). - С. 321-326. – URL: https://alpolac.edu.kz/wp-content/uploads/2025/01/zhurnal-№380-2024.pdf

100 Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex Russica. - 2024.- №12 (217). [Электронный ресурс]. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-nasilie-v-otnoshenii-detey-ponyatie-vidy-i-osobennosti-kvalifikatsii (дата обращения: 05.08.2025).

101 Ошанова О.З. Кибербезопасность и защита прав детей // Вестник КазНУ. Серия журналистики. 2023. Т. 68. № 2. [Электронный ресурс]. - URL: https://doi.org/10.26577/HJ.2023.v68.i2.01 (дата обращения: 05.08.2025).

102 Ергалимова А. Актуальные вопросы внутригосударственной защиты детей, пострадавших от насилия, в Республике Казахстан // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия: Право. - 2023. - № 2. [Электронный ресурс]. - URL: https://eajil.enu.kz/index.php/main/article/view/49 (дата обращения: 15.08.2025).

103 Дадашов Расим Филага Оглы. Противодействие киберпреступности в Республике Казахстан и зарубежных странах: криминологический и виктимологический аспекты // Криминологический журнал. - 2023. №3. [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-kiberprestupnosti-v-respublike-kazahstan-i-zarubezhnyh-stranah-kriminologicheskiy-i-viktimologicheskiy-aspekty (дата обращения: 04.09.2025).

104 Около 500 уголовных дел в отношении детей удалось возобновить в 2024 году [Электронный ресурс]. – URL: https://rus.azattyq-ruhy.kz/incidents/81389-okolo-500-ugolovnykh-del-v-otnoshenii-detei-udalos-vozobnovit-v-2024-godu (дата обращения: 04.12.2025).

105 Almazkyzy, K. (2019). Киберпреступность в качестве новой преступной угрозы безопасности Республики Казахстан. Journal of Actual Problems of Jurisprudence, 88(4), 142–151. [Электронный ресурс] – URL:https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/2077 (дата обращения: 04.09.2025).

106 Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. ГИС портал КПСиСУ. [Электронный ресурс]. – URL: https://gis.kgp.kz/arcgis/apps/experiencebuilder/experience/?id=c048e1f975084dc1957108c00c9fb4d7&page=%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%85 (дата обращения: 04.09.2025).

107 Бисалиев М.С., Шакиров К.Н. Интернет жеріндегі жеке деректердің қауіпсіздігін мен қорғауын қамтамасыз етуді: оңтамалды зерттеу әдістемесін таңдау мәселелер // Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институтының жаршысы – 2024 - № 3(78)-2024 – С. 42-54.

108 Джансараева Р.Е. Дузбаева С.Б. Таубаев Б.З., Акболатова М.Е., Жанибеков А.К. Преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних по городу Алматы. // Вестник КазНУ им.аль-Фараби. Серия Юридическая. Том 97. – 2021 - № 1. [Электронный ресурс] – URL: https://doi.org/10.26577/JAPJ.2021.v97.i1.07

109 Punjani N. et al. Streamlining protocols to combat online child sexual exploitation: a global review // (peer-reviewed article) 2026. JMIR Res Protoc 2026; 15:e80968; doi: 10.2196/80968 (дата обращения: 04.12.2025).

110 Global Commission on Internet Governance. One in Three: Internet Governance and Children's Rights, 2015. [Электронный ресурс] – URL: https://www.cigionline.org/static/documents/no22_2.pdf (дата обращения: 15.07.2025).

111 Sexual Offences Act 2003 (United Kingdom), s. 15 (Meeting a child following sexual grooming). [Электронный ресурс] – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/section/15/notes?view=plain (дата обращения: 15.07.2025).

112 Online Safety Act 2023 (United Kingdom). [Электронный ресурс] – URL: https://www.gov.uk/government/publications/online-safety-act-explainer/online-safety-act-explainer (дата обращения: 15.07.2025).

113 Protection of Children Act 1978 (United Kingdom). [Электронный ресурс] – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1978/37 (дата обращения: 15.07.2025).

114 18 U.S.C. § 2258A (United States): Reporting requirements of electronic communication service providers and remote computing service providers. [Электронный ресурс] – URL: https://www.congress.gov/115/plaws/publ395/PLAW-115publ395.htm (дата обращения: 15.07.2025).

115 Ray A, Henry N. Sextortion: A Scoping Review. Trauma Violence Abuse. 2025 Jan;26(1):138-155. doi: 10.1177/15248380241277271. Epub 2024 Sep 25. PMID: 39323232; PMCID: PMC11558931. (дата обращения: 15.07.2025).

116 Criminal Code (Canada), s. 172.1 (Luring a child). [Электронный ресурс] – URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/section-172.1.html (дата обращения: 15.07.2025).

117 Calvete E. et al. A Preventive Intervention to Reduce Risk of Online Grooming Among Adolescents. Psychosoc Interv. 2022 Jul 20;31(3):177-184. doi: 10.5093/pi2022a14. eCollection 2022 Jul. (дата обращения: 15.07.2025).

118 Criminal Code Act 1995 (Cth) (Australia): offences relating to using a carriage service for child grooming and child abuse material (Part 10.6). [Электронный ресурс] – URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/2018-12-29/text (дата обращения: 15.07.2025).

119 Румянцев А.Г. Немецкий закон о социальных сетях: нормативное закрепление технологического отставания // СКО. - 2019. - №3 (130). [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-zakon-o-sotsialnyh-setyah-normativnoe-zakreplenie-tehnologicheskogo-otstavaniya (дата обращения: 10.07.2025).

120 Рыжов В.Б. Правовое регулирование и государственное администрирование поведения несовершеннолетних пользователей в Интернете: зарубежный опыт // NB: Административное право и практика администрирования. - 2020. - № 1. - С. 24-30. DOI: 10.7256/2306-9945.2020.1.33208 [Электронный ресурс] - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33208. (дата обращения: 10.07.2025).

121 Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19.10.2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). [Электронный ресурс] - URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng (дата обращения: 10.07.2025).

122 Regulation (EU) 2021/1232 of the European // Parliament and of the Council of 14.07.2021 on temporary derogation from certain provisions of the ePrivacy Directive for the purpose of combating child sexual abuse online (Interim Regulation). [Электронный ресурс] - URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/1232/oj/eng (дата обращения: 10.10.2025).

123 Information Commissioner’s Office (UK). Age Appropriate Design Code (Children’s Code) (statutory code of practice), 2020. - URL: https://ondato.com/blog/uk-age-appropriate-design-code/ (дата обращения: 10.10.2025).

124 Livingstone, S., Jessen, R. S., Stoilova, M., Stänicke, L. I., Graham, R., Staksrud, E., & Jensen, T. (2026). Can platform literacy protect vulnerable young people against the risky affordances of social media platforms? Information,

Communication & Society, 29(2), 455-472. https://doi.org/10.1080/1369118X.2025.2518254. (дата обращения: 10.10.2025).

125 World Health Organization. INSPIRE handbook: action for implementing the seven strategies for ending violence against children. Geneva, WHO, 2018. 297 p. - URL: https://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/inspire-package/inspire-handbook/en/ (дата обращения: 04.01.2026).

126 UNICEF East Asia and Pacific Regional Office; Young and Resilient Research Centre. Evaluating Online Safety Initiatives: How to Build the Evidence Base on What Works to Keep Children Safe Online. Bangkok, UNICEF, 2022. - URL: https://www.unicef.org/eap/reports/evaluating-online-safety-initiatives (дата обращения: 04.01.2026).

127 Council of Europe, Lanzarote Committee. Special report on protecting children from sexual exploitation and sexual abuse facilitated by information and communication technologies (ICTs). Strasbourg, Council of Europe, 2019. - URL: https://rm.coe.int/t-es-2019-02-en-special-report-ict-facilitated-sexual-exploitation-and-ab/168098e67c (Дата обращения: 04.01.2026).

128 Recommendation CM/Rec(2018)7 of the Committee of Ministers to member States on Guidelines to respect, protect and fulfil the rights of the child in the digital environment, adopted 04.07.2018 // Council of Europe. - URL: https://edoc.coe.int/en/children-and-the-internet/7921-guidelines-to-respect-protect-and-fulfil-the-rights-of-the-child-in-the-digital-environment-recommendation-cmrec20187-of-the-committee-of-ministers.html (Дата обращения: 04.01.2026).

129 Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J., Ybarra M.L. Online “predators” and their victims: myths, realities, and implications for prevention and treatment / J. Wolak, D. Finkelhor, K.J. Mitchell, M.L. Ybarra // American Psychologist. 2008. Vol. 63. No. 2. P. 111–128. DOI: 10.1037/0003-066X.63.2.111. - URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/18284279/ (Дата обращения: 04.01.2026).

130 Koops B.-J., Leenes R.E. Privacy regulation cannot be hardcoded: A critical comment on the “privacy by design” provision in data-protection law / B.-J. Koops, R.E. Leenes // International Review of Law, Computers & Technology. 2014. Vol. 28. No. 2. P. 159–171. DOI: 10.1080/13600869.2013.801589. URL: https://doi.org/10.1080/13600869.2013.801589 (Дата обращения: 04.01.2026).

131 Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: EU strategy for a more effective fight against child sexual abuse, COM(2020) 607 final, 24.07.2020 // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0607 (Дата обращения: 04.01.2026).

132 Quick guide to children’s risk assessments: protecting children online // Ofcom. Published: 07.05.2024; updated: 24.04.2025. - URL: https://www.ofcom.org.uk/online-safety/illegal-and-harmful-content/quick-guide-to-childrens-risk-assessments (дата обращения: 04.01.2026).

133 UNICEF Innocenti, ECPAT International, INTERPOL. Disrupting Harm [Электронный ресурс] // ECPAT. 2019–2022; ongoing updates. - URL: https://ecpat.org/disrupting-harm/ (дата обращения: 04.01.2026).

134 Sale, sexual exploitation and sexual abuse of children: note / by the Secretary-General; report of the Special Rapporteur, Mama Fatima Singhateh. United Nations General Assembly. A/79/122. 09.07.2024 // United Nations Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4059191/files/A_79_122-EN.pdf (дата обращения: 04.01.2026).

135 European Parliamentary Research Service. Children and deepfakes. Brussels, EPRS, 2025. - URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI%282025%29775855 (дата обращения: 10.10.2025).

136 Internet Watch Foundation. How AI is being abused to create child sexual abuse // IWF. 2023. - URL: https://www.iwf.org.uk/about-us/why-we-exist/our-research/how-ai-is-being-abused-to-create-child-sexual-abuse-imagery/. (дата обращения: 10.10.2025).

137 INTERPOL. Crimes against children [Электронный ресурс] // INTERPOL. - URL: https://www.interpol.int/en/Crimes/Crimes-against-children (дата обращения: 10.10.2025).

138 154. Quayle E., Taylor M. Viewing Child Pornography on the Internet: Understanding the Offence, Managing the Offender, Helping the Victims. Lyme Regis, Russell House Publishing, 2005. 176 p. - URL: https://research-portal.st-andrews.ac.uk/en/publications/viewing-child-pornography-on-the-internet-understanding-the-offen/ (Дата обращения: 04.03.2026) (дата обращения: 10.10.2025).

139 Буз С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // ЮП. - 2019. - №4 (91). – [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupleniya-ponyatie-suschnost-i-obschaya-harakteristika (дата обращения: 25.12.2025).

140 UNICEF Kazakhstan. Protecting Children from Online Violence, Abuse and Exploitation in Kazakhstan [Электронный ресурс] // UNICEF Kazakhstan. 2024. - URL: https://www.unicef.org/kazakhstan/en/documents/protecting-children-online-violence-abuse-and-exploitation-kazakhstan. (дата обращения: 25.12.2025).

141 Woods L., Perrin W. Online harm reduction – a statutory duty of care and regulator. Carnegie UK Trust, 2019. - URL: https://repository.essex.ac.uk/25261/. (дата обращения: 25.10.2025).

142 UN Human Rights Council. Guiding Principles on Business and Human Rights: Implementing the United Nations “Protect, Respect and Remedy” Framework. New York; Geneva, United Nations, 2011. - URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_EN.pdf. (дата обращения: 25.10.2025).

143 Chesney R., Citron D.K. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security / R. Chesney, D.K. Citron // California Law Review. 2019. Vol. 107. P. 1753–1820. DOI: 10.15779/Z38RV0D15J. URL: https://www.californialawreview.org/print/deep-fakes-a-looming-challenge-for-privacy-democracy-and-national-security. (дата обращения: 25.10.2025).

144 ISO 31000:2018. Risk management – Guidelines // ISO. - URL: https://www.iso.org/standard/65694.html. (дата обращения: 25.10.2025).

145 INHOPE. Annual Report 2024 // INHOPE. 2025. - URL: https://inhope.org/articles/webinar-the-inhope-annual-report-2024. (дата обращения: 25.10.2025).

146 Cohen J.A., Mannarino A.P., Deblinger E. Treating Trauma and Traumatic Grief in Children and Adolescents. New York, Guilford Press, 2017. 356 p. URL: https://www.guilford.com/books/Treating-Trauma-Traumatic-Grief-Children-Adolescents/Cohen-Mannarino-Deblinger/9781462528400 (дата обращения: 25.10.2025).

147 INCIBE et al. Online child sexual abuse and exploitation: an analysis (policy research), 2024 – URL: https://www.incibe.es/sites/default/files/paginas/stop-abuso-menores/download/4NSEEK_Online_Child_Sexual_Abuse_Exploitation_Analysis.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

148 Көптілеуов Д.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Автореф. дис. ... докт. философии (PhD) по спец. 6D030300. - Косшы, Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2021. [Электронный ресурс] - URL: URL: https://academy-rep.kz/download.php?id=756 (дата обращения: 26.10.2025).

149 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII. // ИПС «Әділет», [Электронный ресурс] - URL: kodeksy-kz.com. URL: https://kodeksy-kz.com/ka/grazhdanskij_kodeks/23.htm (дата обращения: 26.10.2025).

150 Шакирова А.Т., Жанибеков А.А. К вопросу о толковании понятия «беззащитное и беспомощное состояние» в уголовном законодательстве Республики Казахстан // Вестник Карагандинского университета. Серия Право. - 2023. - № 2. - С. 654–660. [Электронный ресурс] - URL: https://law-vestnik.buketov.edu.kz/wp-content/uploads/2023/06/654-660.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

151 Кенжебекова З.К., Бакаева Р.Б. Совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием IT технологий // KazLawReview. 2023. [Электронный ресурс] - URL: https://kazlawreview.kz/sovershenie-prestuplenij-protiv-polovoj-neprikosnovennosti-nesovershennoletnih-s-ispolzovaniem-it-tehnologij (дата обращения: 26.10.2025).

152 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2026) // ИПС «Параграф» prg.kz. [Электронный ресурс] - URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 26.10.2025).

153 О защите женщин и детей от преступлений против половой неприкосновенности // Официальный интернет-ресурс акимата Северо-Казахстанской области. 12.08.2022. [Электронный ресурс] - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/sko/press/article/details/93314?lang=ru (дата обращения: 26.10.2025).

154 Сравнительная таблица Республиканской коллегии адвокатов к проекту нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан «О некоторых вопросах судебной практики по делам о правонарушениях против половой неприкосновенности личности» // Advokatura.kz. 02.10.2025. [Электронный ресурс] - URL: https://advokatura.kz/ru/pozicii/sravnitel-naa-tablica-respublikanskoj-kollegii-advokatov-k-proektu-normativnogo-postanovlenia-verhovnogo-suda-respubliki-kazahstan-o-nekotoryh-voprosah-sudebnoj-praktiki-po-delam-o-pravonaruseniah-protiv-polovoj-neprikosnovennosti-licnosti (дата обращения: 26.10.2025).

155 Авдеева Е.В., Боуман Д.В. Криминологический анализ состояния, динамики и структуры преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. - 2015. - №4. [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-analiz-sostoyaniya-dinamiki-i-struktury-prestupleniy-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-i-polovoy-svobody-lichnosti (дата обращения: 26.10.2025).

156 Казахстанца за разврат по телефону с 12-летней алматинкой посадили на долгий срок [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 24.04.2025. [Электронный ресурс] - URL: https://www.zakon.kz/sobytiia/6475103-kazakhstantsa-za-razvrat-po-telefonu-s-12letney-almatinkoy-posadili-na-dolgiy-srok.html (дата обращения: 26.10.2025).

157 Пенсионера приговорили к 8 годам за развращение малолетних в Петропавловске [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 02.05.2024. URL: URL: https://www.zakon.kz/proisshestviia/6432839-pensionera-prigovorili-k-8-godam-za-razvrashchenie-maloletnikh-v-petropavlovske.html (дата обращения: 26.10.2025).

158 200 часов общественных работ получил житель Уральска за приставание к девочке // Мой ГОРОД (mgorod.kz). 13.11.2024. [Электронный ресурс] - URL: https://mgorod.kz/news/200-chasov-obshchestvennyh-rabot-poluchil-zhitel-uralska-za-pristavanie-k-devochke (дата обращения: 26.10.2025).

159 Бапанова Т.Т. Некоторые вопросы конкуренции норм и совокупности уголовных правонарушений / Т.Т. Бапанова // Journal of Actual Problems of

Jurisprudence. - 2019. Т.89. -№ 1. - С. 169–177. DOI: 10.26577/JAPJ.2019.v89.i1.016. (дата обращения: 26.10.2025).

160 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан: в 2 т. / под общ. ред. М.Ч. Когамова. - Алматы: Жети Жаргы, 2015. [Электронный ресурс] - URL: https://library.atyrau-edu.kz/docs/98244.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

161 МВД РК прокомментировало происшествие в женском туалете ТРЦ в Алматы // Zakon.kz. 24.05.2019. [Электронный ресурс] - URL: https://www.zakon.kz/4971552-mvd-rk-prokommentirovalo.html (дата обращения: 26.10.2025).

162 В Алматы осудили мужчину, приставшего в женском туалете к детям // Zakon.kz. 12.11.2020. - URL: https://www.zakon.kz/5051242-v-almaty-osudili-muzhchinu.html (дата обращения: 26.10.2025).

163 В Мангистау мужчину оправдали по обвинению в изнасиловании дочери // Zakon.kz. 17.04.2023. [Электронный ресурс] - URL: https://www.zakon.kz/6395756-v-mangistau-muzhchinu-opravdali-po.html (дата обращения: 26.10.2025).

164 Британский порнограф, задержанный в Казахстане, добился исключения доказательств из материалов уголовного дела // Kazakhstan Today. 06.02.2014. [Электронный ресурс] - URL: https://www.kt.kz/rus/society/britanskij_pornograf_zaderzhannij_v_kazahstane_dobilsja_isklyucheniya_dokazatelstv_iz_materialov_ugolovnogo_dela_1158094675.html (дата обращения: 26.10.2025).

165 Совершение уголовных правонарушений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в Республике Казахстан с использованием ИТ-технологий это современный вызов обществу // Kazakhstan Law Review. [Электронный ресурс] - URL: https://kazlawreview.kz/sovershenie-ugolovnyh-pravonarushenij-protiv-polovoj-neprikosnovennosti-nesovershennoletnih-v-respublike-kazahstan-s-ispolzovaniem-it-tehnologij-eto-sovremennyj-vyzov-obshhestvu/ (дата обращения: 26.10.2025).

166 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 19.12.2003 № 13 «О применении судами законодательства, регламентирующего производство по уголовным делам в связи с множественностью уголовных правонарушений» // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P03000013S (дата обращения: 30.10.2025).

167 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 31.07.2015 № 6 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за соучастие в уголовном правонарушении». [Электронный ресурс] // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000006S (дата обращения: 30.10.2025).

168 Нормативное постановление Верховного Суда РК от 25.12.2006 № 11. «О квалификации неоднократности и совокупности уголовных правонарушений». // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P06000011S_ (дата обращения: 06.11.2025).

169 Нормативное постановление Верховного Суда РК от 22.12.2016 № 14 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за прикосновенность к преступлению и пособничество в уголовном правонарушении». // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P160000014S/info (дата обращения: 26.07.2025).

170 Джекебаев У.С., Вайсберг Л.М., Судакова Р.Н. Соучастие в преступлении. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. - Алма-Ата, Наука КазССР, 1981. - 150 с.

171 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан / Под ред. М.А. Когамова. - Алматы, Жеты Жаргы, 2015. - 1136 с.

172 В сети интернет выявлена порнография несовершеннолетних // Официальный сайт прокуратуры Туркестанской области. 14.03.2025. [Электронный ресурс] - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-turkestan/press/news/details/963708?lang=ru (дата обращения: 26.07.2025).

173 Казахстанцу, осужденному за связь с несовершеннолетней, могут смягчить приговор // Inform.kz. 06.05.2025. [Электронный ресурс] - URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstantsu-osuzhdennomu-za-svyaz-s-nesovershennoletney-mogut-smyagchit-prigovor-d14c8e (дата обращения: 26.07.2025).

174 Жакслык А.Ж. Проблемы обеспечения юридической определенности при квалификации половых преступлений // Обеспечение юридической аутентичности уголовного законодательства Республики Казахстан: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (27 ноября 2024 г.). - Алматы, 2024. - С. 114-118.

175 Пьяный мужчина развращал малолетних девочек в женском туалете в Алматы [Электронный ресурс] // Sputnik. 24.05.2019. [Электронный ресурс] - URL: https://ru.sputnik.kz/20190524/devochka-almaty-pedofil-10243757.html (дата обращения: 26.07.2025).

176 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / под общ. ред. С. М. Рахметова, И. И. Рогова. - Алматы, 2016. - 752 с.

177 Женщина-следователь: факторы эффективного расследования уголовных дел о бытовом и сексуальном насилии: материалы международной научной конференции (Караганда, 6 апреля 2022 г.) / под общ. ред. А. Д. Дарменова. Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2022. 122 с. ISBN 978-601-7589-99-8 [Электронный ресурс]. - URL: https://kpa.edu.kz/wp-content/uploads/2021/01/zhenshhina-sledovatel-faktory-

jeffektivnogo-rassledovanija-ugolovnyh-del-o-bytovom-i-seksualnom-nasilii_06.04.2022-g..pdf (дата обращения: 26.07.2025).

178 Bersugurova L.Sh., Dyussembayeva A.S. Problemy dopustimosti dokazatelstv po ugolovnomu protsessu RK // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2019. Vol. 90. № 2. P. 86–96. DOI: 10.26577/JAPJ.2019.v90.i2.010. - URL: URL: https://doi.org/10.26577/JAPJ.2019.v90.i2.010 (дата обращения: 26.02.2026).

179 Толеубекова Б.Х. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан: учебник. Астана, Данекер, 2002. 269 с.

180 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 24.04.1992 № 2 «О практике применения законодательства, регламентирующего права и обязанности лиц, потерпевших от уголовных правонарушений» [Электронный ресурс] // ИПС «Әділет». - URL: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P92000002S_ (дата обращения: 26.02.2026).

181 Казахстанца осудили за разврат по телефону со школьницей из Алматы [Электронный ресурс] // Inform.kz. 25.04.2025. - URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstantsa-osudili-za-razvrat-po-telefonu-so-shkolnitsey-iz-almati-658fc2 (дата обращения: 26.02.2026).

182 За приставания к школьнице осужден многодетный казахстанец [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 08.10.2025. - URL: https://www.zakon.kz/proisshestviia/6493483-za-pristavaniya-k-shkolnitse-osuzhden-mnogodetnyy-kazakhstanets.html Дата обращения: 26.02.2026.

183 ECOSOC Resolution 2005/20. Guidelines on Justice in Matters involving Child Victims and Witnesses of Crime [Electronic resource]. 22.07.2005. - URL: https://www.un.org/en/ecosoc/docs/2005/resolution%202005-20.pdf (access date: 26.02.2026).

184 Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly justice [Electronic resource]. Adopted 17.11.2010. - URL: https://book.coe.int/en/children-s-rights-and-family-law/11994-pdf-guidelines-of-the-committee-of-ministers-of-the-council-of-europe-on-child-friendly-justice.html (access date: 26.02.2026).

185 European Union Agency for Fundamental Rights. Child-friendly justice: perspectives and experiences of children involved in judicial proceedings as victims, witnesses or parties in nine EU Member States [Electronic resource]. Luxembourg, 2015. DOI: 10.2811/91391. - URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/93174eaa-2733-4996-afea-b793dce3e800/language-en (access date: 26.02.2026).

186 О профилактике правонарушений. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 245-VIII ЗРК [Электронный ресурс] // ИПС "Адилет". URL: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000245 (дата обращения: 26.02.2026).

187 Жумагали А. Криминология: окулык. Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2005. 188 с.

188 Алауханов Е.О. Криминология (Қылмыстану): оқулық. Алматы, Жети жаргы, 2005. 232 б.

189 Zhumabekova G., Khamzina Zh., Zhumageldin B. Ensuring children's online safety in Kazakhstan [Электронный ресурс] // Special Human Rights Report Monitor. 2024. - URL: https://www.shrmonitor.org/assets/uploads/2024/03/Zhumabekova-et.-al.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

190 Доклад о положении детей в Республике Казахстан за 2024 год [Электронный ресурс]. // Министерство просвещения. Астана, Республики Казахстан, 2025. - URL: https://www.gov.kz/uploads/2025/4/14/ae1f773bc8719a644470bea405abcb05_original.10736764.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

191 Kazakhstan Kids Online. Цифровая жизнь детей в Казахстане [Электронный ресурс] // UNICEF Kazakhstan. 2023. - URL: https://www.unicef.org/kazakhstan/media/13061/file/Kazakhstan%20Kids%20Online%3A%20%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C%20%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5.pdf.pdf (дата обращения: 27.02.2026).

192 Kazakhstan: Protecting Children Online [Электронный ресурс]. // Geneva, International Telecommunication Union, 2022. - URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Regional-Presence/CIS/Documents/Publications/1%20%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20%D0%97%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D0%B0%20%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%BE%D0%BD%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5.pdf (дата обращения: 27.02.2026).

193 Особенности уголовного и гражданского судопроизводства с участием детей в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. Алматы, UNICEF, 2011. - URL: https://www.unicef.org/kazakhstan/media/786/file/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20.pdf (дата обращения: 27.02.2026).

194 Укрепление системы защиты детей в Казахстане. Функциональный анализ [Электронный ресурс]. Алматы, Legal Policy Research Center и UNICEF,

2022. - URL: https://lprc.kz/wp-content/uploads/2024/06/lprc-unicef-report-ru_final-1.pdf (дата обращения: 27.02.2026).

195 Джансараева Р.Е., Таубаев А.Ш. Преступления в отношении несовершеннолетних в г. Алматы // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2021. - № 1(97). - С. 66–75.

196 В Таразе мужчину осудили за развратные действия в отношении 12-летней школьницы [Электронный ресурс] // Kazinform. 2025. - URL: https://www.inform.kz/ru/v-taraze-muzhchinu-osudili-za-razvratnie-deystviya-v-otnoshenii-12-letney-shkolnitsi-26190a (дата обращения: 27.02.2026).

197 Оправдали по делу о насильственных действиях сексуального характера и развращении малолетней [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 2023. - URL: https://www.zakon.kz/proisshestviia/6422536-opravdali-po-delu-o-nasilstvennykh-deystviyakh-seksualnogo-kharaktera-i-razvrashchenii-maloletney.html (дата обращения: 27.02.2026).

198 Совершал развратные действия в отношении 12-летней девочки. Жителя Туркестанской области осудили [Электронный ресурс] // NUR.KZ. 2023. - URL: https://www.nur.kz/incident/crime/2021167-sovershal-razvratnye-deystviya-v-otnoshenii-12-letney-devochki-zhitelya-turkestanskoy-oblasti-osudili/ (дата обращения: 27.02.2026).

199 В Шымкенте десятерых членов преступной группы осудили за вовлечение казахстанок и несовершеннолетних в производство эротической продукции [Электронный ресурс] // NUR.KZ. 2023. - URL: https://www.nur.kz/incident/crime/2018329-v-shymkente-desyateryh-chlenov-prestupnoy-gruppy-osudili-za-vovlechenie-kazahstanok-i-nesovershennoletnih-v-proizvodstvo-eroticheskoy-produkcii/ (дата обращения: 29.02.2026).

200 Житель Уральска приставал к несовершеннолетней. Его приговорили к общественным работам [Электронный ресурс] // Мой город. 2022. - URL: https://mgorod.kz/nitem/zhitel-uralska-pristaval-k-nesovershennoletnej-ego-prigovorili-k-obshhestvennym-rabotam/ (дата обращения: 28.02.2026).

201 Платный Telegram-канал с порнографическими фото и видео. Прокуратура Туркестанской области выявила нарушения [Электронный ресурс] // Официальный интернет-ресурс Прокуратуры Туркестанской области. 2025. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-turkestan/press/news/details/1042725?lang=ru (дата обращения: 28.02.2026).

202 Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе. Закон Республики Казахстан от 10 июля 2023 года № 18-VIII ЗРК (по состоянию на 20.02.2026) [Электронный ресурс] // ИПС "Адилет". URL: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018 (дата обращения: 28.02.2026).

203 О персональных данных и их защите. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V (по состоянию на 20.02.2026) [Электронный ресурс] //

ИПС "Адилет". - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094 (дата обращения:20.01.2026).

204 Об информатизации. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК (по состоянию на 20.02.2026) [Электронный ресурс] // ИПС "Адилет". - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418 (дата обращения:20.01.2026).

205 Об утверждении Правил оказания психологической помощи лицам, пострадавшим от насилия. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 27 ноября 2020 года № ҚР ДСМ-207/2020 [Электронный ресурс] // ИПС "Адилет". - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021477 (дата обращения:20.01.2026).

206 О связи. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567-II (по состоянию на 20.02.2026) [Электронный ресурс] // ИПС "Адилет". - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567_ (дата обращения:20.01.2026).

207 Правовой анализ законодательства Республики Казахстан в сфере профилактики всех форм насилия и жестокого обращения с детьми. Пособие для педагогов и социальных работников [Электронный ресурс] // online.zakon.kz. 2022. - URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31559295 (дата обращения:20.01.2026).

208 Пожизненный срок получил житель области Абай за разврат и изнасилование подростка. Суд прошел в закрытом режиме [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 2025. - URL: https://www.zakon.kz/proisshestviia/6487617-pozhiznennyy-srok-poluchil-zhitel-oblasti-abay-za-razvrat-i-iznasilovanie-podrostka-sud-proshel-v-zakrytom.html (дата обращения:20.01.2026).

209 Прокуратура пытается заблокировать популярный Telegram-канал знакомств среди подростков [Электронный ресурс] // Телеканал КТК. 30.10.2025. - URL: https://www.ktk.kz/ru/news/video/2025/10/30/297719/ (дата обращения:20.01.2026).

210 Kazakhstan Kids Online 2023 [Электронный ресурс] // UNICEF. - URL: https://www.unicef.org/kazakhstan/reports/kazakhstan-kids-online (дата обращения:20.01.2026).

211 Култасов А.А. Криминология [Электронный ресурс]. - URL: https://lib.tau-edu.kz/wp-content/uploads/2022/06/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2-%D0%90.%D0%90.-%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_removed.pdf (дата обращения:20.01.2026).

212 Скрытая преступность. Лекция 6 [Электронный ресурс] // farabi.university. - URL: https://farabi.university/storage/files/17642908606918d017baa7a675404240_%D0%9

B%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%206.pdf (дата обращения:20.01.2026).

213 Manual on Victimization Surveys [Электронный ресурс] // UNECE. 2010. - URL: https://unece.org/info/Statistics/pub/21854 (дата обращения:20.01.2026).

214 Committee on the Rights of the Child. General comment No. 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment (CRC/C/GC/25) [Электронный ресурс] // United Nations Digital Library. - URL: https://digitallibrary.un.org/record/3906061 (дата обращения:20.01.2026).

215 Monitoring Target 16.2 of the United Nations Sustainable Development Goals. Multiple Systems Estimation of victims of trafficking in persons [Электронный ресурс] // UNODC. 2022. - URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tip/2022/MSE_TIP_UNODC_ENG.pdf (дата обращения:20.01.2026).

216 Приказ и.о. Генерального Прокурора Республики Казахстан от 9 августа 2025 года № 99 «О внесении изменений и дополнений в приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89 «Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований» [Электронный ресурс] // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2500036608 (дата обращения:20.01.2026).

217 Конвенция о правах ребенка. Резолюция 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. - URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-44-25 (дата обращения:20.01.2026).

218 Джансараева Р.А., Жумадилова Б.Ш., Жаухарова А.К. Виктимологический аппарат преступлений семейно-бытового насилия в современный период // Вестник КазНУ. Серия Юридическая. 2022. Т. 103. № 3. С. 96-103. DOI 10.26577/JAPJ.2022.v103.i3.10. - URL: https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/2705 (дата обращения:20.01.2026).

219 Маликов О.А., Сейдахметов А.С., Кучурбанова У.К., Оразова М.Б. Проблемы виктимизации: некоторые аспекты // Вестник КазНУ. Серия Юридическая. 2022. Т. 103. № 3. С. 152-159. DOI 10.26577/JAPJ.2022.v103.i3.17. - URL: https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/2708 (дата обращения:20.01.2026).

220 Правосудие для детей в Казахстане: исследование в формате Знания-Отношения-Практика (KAP) [Электронный ресурс] // UNICEF. 2017. - URL: https://www.unicef.org/kazakhstan/reports/child-friendly-justice-kazakhstan-kap-survey (дата обращения:20.01.2026).

221 Развитие специализированных судов по делам несовершеннолетних в Казахстане. Отчет [Электронный ресурс] // UNICEF. 2015. - URL:

https://www.unicef.org/kazakhstan/reports/development-juvenile-justice-courts-kazakhstan (дата обращения:20.01.2026).

222 Аубакирова А.А. Производство следственных действий по уголовному делу с участием несовершеннолетнего потерпевшего по УПК РК 2014 года // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия Международные отношения и регионоведение. - 2014. - № 4 (18). - С. 123-132. - URL: https://jlrtp.ablaikhan.kz/journal/1131/123.pdf (дата обращения:22.01.2026).

223 Криминогенная ситуация за 2024 год [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Казахстан, пресс-служба. 23.01.2025. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/933186 (дата обращения:22.01.2026).

224 110 мыңнан астам бала «111» байланыс орталығына көмек сұрап жүгінді [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Республики Казахстан, Комитет по охране прав детей. 2025. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/bala/press/news/details/1100197 (дата обращения:22.01.2026).

225 Lemaigre C., Taylor E.P., Gittoes C. Barriers and facilitators to disclosing sexual abuse in childhood and adolescence: A systematic review // Child Abuse & Neglect. 2017. Vol. 70. P. 39-52. DOI 10.1016/j.chiabu.2017.05.009. – URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28551460/ (дата обращения:22.01.2026).

226 McGinn T., Chereni A., McGinnis E. A systematic review of the perceived barriers to and facilitators of technology assisted - child sexual abuse disclosure // Child Abuse & Neglect. 2026. Vol. 172. Article 107869. DOI 10.1016/j.chiabu.2025.107869. - URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/41529583/ (дата обращения:22.01.2026).

227 Для развращения 12-летней школьницы использовал Telegram [Электронный ресурс] // Kazakhstan Today. 24.04.2025. – URL: https://www.kt.kz/rus/incidents/dlya_razvrashcheniya_12-letney_shkolnitsy_ispolzoval_telegram_1377962656.html (дата обращения:22.01.2026).

228 Восемь лет колонии за преследование школьниц получил мужчина в Петропавловске [Электронный ресурс] // Baq.kz. 29.04.2024. URL: https://rus.baq.kz/vosem-let-kolonii-za-presledovanie-nesovershennoletnih-poluchil-petropavlovets_175272/ (дата обращения:22.01.2026).

229 Верховный суд РК внедряет единообразную судебную практику по делам против половой неприкосновенности [Электронный ресурс] // Kazinform. 26.02.2026. – URL: https://www.inform.kz/ru/verhovniy-sud-rk-vnedryaet-edinoobraznuyu-sudebnuyu-praktiku-po-delam-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-71772b (дата обращения:22.01.2026).

230 Guidelines on Justice in Matters involving Child Victims and Witnesses of Crime. ECOSOC Resolution 2005/20 [Electronic resource] // United Nations,

Economic and Social Council. 2005. – URL: https://ecosoc.un.org/en/node/4518 (дата обращения:22.01.2026).

231 О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности. Закон Республики Казахстан от 09.07.2004 № 591-II (Утратил силу) [Электронный ресурс] // ИПС Адилет. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000591_ (дата обращения:22.01.2026).

232 Kazakhstan launches new 'Children of Kazakhstan' programme 2026-2030 [Электронный ресурс] // UNICEF Kazakhstan. 27.01.2026. – URL: https://www.unicef.org/kazakhstan/ru/press-releases/kazakhstan-launches-new-children-of-kazakhstan-programme-2026-2030 (дата обращения:22.01.2026).

233 Response to Online Child Sexual Exploitation and Abuse [Электронный ресурс] // WeProtect Global Alliance. – URL: https://www.weprotect.org/response-to-online-child-sexual-exploitation-and-abuse (дата обращения:22.01.2026).

234 Учитель физкультуры получил 7 лет за развращение школьницы в Туркестанской области [Электронный ресурс] // Liter.kz. – URL: https://liter.kz/uchitel-fizkultury-poluchil-7-let-za-razvrashchenie-shkolnitsy-v-turkestanskoi-oblasti-1671365169/ (дата обращения:22.01.2026).

235 В Карагандинской области осудили мужчину за развращение троих детей [Электронный ресурс] // NUR.KZ. - URL: https://www.nur.kz/incident/crime/2019112-v-karagandinskoj-oblasti-osudili-muzhchinu-za-razvrashchenie-troih-detej/ (дата обращения:22.01.2026).

236 Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Судебная статистика. Срезы отчетов по форме №1 «Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел» и форме №10 «Отчет о составе осужденных, совершивших уголовные правонарушения» за период 01.01.2026–31.03.2026 [Электронный ресурс] - URL: https://qamqor.gov.kz (дата обращения: 01.04.2026).

237 Судебный кабинет Республики Казахстан [Электронный ресурс] - URL: https://office.sud.kz (дата обращения: 01.04.2026).